

оставался вѣренъ традиціямъ *Русскаго Слова* и тенденціямъ статей Писарева и Зайцева. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ писалъ мало, скитаясь за границей, куда онъ эмигрировалъ въ 1872 г. Въ 1883 г. онъ заболѣлъ психически и скончался въ 1885 г. въ Парижѣ.

Михаилъ Алексѣевичъ Протопоповъ—родился въ 1848 г. въ Чухломѣ, въ семьѣ мѣстнаго чиновника. Учился въ Московскомъ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и нѣкоторое время служилъ офицеромъ-топографомъ. На литературное поприще выступилъ въ 1877 г. подъ псевдонимомъ Морозовъ статью *Литературная злоба дня* въ *Отеч. Зап.*, гдѣ и продолжалъ сотрудничать до прекращенія журнала по отдѣлу мелкихъ рецензій о новыхъ книгахъ. Затѣмъ участвовалъ во всѣхъ журналахъ радикальнаго лагеря. Въ 1894 г. вышло отдѣльное изданіе его критическихъ статей подъ заглавіемъ *Литературно-критическія характеристики*, выдержавшія два изданія. Въ статьяхъ своихъ Протопоповъ неизмѣнно держался и политическихъ, и эстетическихъ воззрѣній Добролюбова и Писарева. Не блестя оригинальностью, статьи его отличаются прекраснымъ языкомъ и недюжиннымъ остроуміемъ, дѣлающимъ его незамѣнимымъ полемизаторомъ.

Семень Афанасьевичъ Венгеровъ—родился въ Лубнахъ; учился въ 5-й Спб. гимназій, въ Мед.-хирург. академіи и въ Спб. университетѣ, гдѣ въ 1879 г. получилъ степень кандидата правъ, а въ 1890 кандидата историко-филолог. факультета. На литературное поприще выступилъ онъ въ 1875 г. съ книгою, изданною имъ самимъ: *Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ. И. С. Тургеневъ*. Въ 1876 г. онъ писалъ въ *Новомъ Времени* литературные фельетоны подъ псевдонимомъ «Фаустъ щигровскаго уѣзда»; затѣмъ сотрудничалъ въ *Недѣль*, *Русскомъ Мирѣ*, *Словѣ*, *Русской Мысли*, *Вѣстникѣ Европы*, *Русскомъ Богатствѣ* и пр. Въ 1882 г. редактировалъ ежемѣсячный журналъ *Устой*. Изъ позднѣйшихъ его работъ наиболѣе заслуживаетъ вниманіе составленіе *Критико-библиограф. словаря русскихъ писателей и ученыхъ*; съ 1893 года онъ редактируетъ литературный сборникъ *Русская поэзія* (вышло 6 выпусковъ, обнимающихъ XVIII столѣтіе). Съ 1896 г. Венгеровъ состоитъ редакторомъ литературнаго отдѣла въ *Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона*; въ 1900 г. приступилъ къ изданію сочиненій Бѣлинскаго съ обширными комментаріями, приложеніями и иллюстраціями и пр. Не блестя въ свою очередь какими-либо новыми взглядами и точками зрѣнія, Венгеровъ поражаетъ громадностью своихъ предпріятій и превышающею всѣ мѣры добросовѣстностью ихъ исполненія. Въ этомъ отношеніи С. А. Венгеровъ представляетъ собою типъ скорѣе западно-европейскаго ученаго дѣятеля, чѣмъ русскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I. Общая характеристика школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ; ея отношеніе къ вѣку и значеніе. — II. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, какъ глава этой школы; происхожденіе Тургенева; его родители. — III. Дѣтство; университетское образованіе; путешествіе за границу послѣ университета. — IV. Первые шаги на литературномъ поприщѣ. Стихотворенія и первыя антиромантическія повѣсти. — V. *Записки охотника*. Дальнѣйшіе факты жизни Тургенева до его смерти. — VI. Характеристика самаго цвѣтущаго періода дѣятельности Тургенева. — VII. Романъ *Отцы и дѣти* и характеристика четвертаго, послѣдняго періода дѣятельности Тургенева. — VIII. Общее значеніе Тургенева, какъ художника. Его политическія и эстетическія воззрѣнія.

I.

Самымъ крупнымъ явленіемъ въ области изящной литературы въ разсматриваемую нами эпоху является, безъ сомнѣнія, школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Школа эта, представляющая плеяду могучихъ талантовъ, обогатившихъ русскую литературу несмѣтнымъ количествомъ первостепенныхъ произведеній, бесспорно является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ не только въ русской жизни, но и въ обще-европейской. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Европа въ настоящее время взапуски переводитъ на всѣ свои языки произведенія этой школы, и чѣмъ болѣе ихъ переводить, тѣмъ болѣе удивляется ихъ совершенствамъ, восхищается ихъ художественностью, проникается ихъ идейнымъ содержаніемъ, подражаетъ имъ, — и вообще ставитъ ихъ въ ряду высшихъ проявленій европейскаго искусства. Въ произведеніяхъ этихъ Европа увидѣла уже не одинъ дѣтскій лепетъ пробуждающагося генія, не одно талантливое отраженіе ея европейскихъ думъ, чувствъ и образовъ, а нѣчто зрѣлое, самостоятельное пережитое, органически произросшее на русской почвѣ и къ тому же проникнутое такими высокими и гуманными идеями, которыя представляются заветною святынею всего человѣчества.

Этими своими достоинствами школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ, какъ и все великое, обязана тому, что она представляетъ собою явленіе сложное, — соединеніе нѣсколькихъ теченій, которыя до того времени текли врозь и каждое само по себѣ страдало односторонностью.

Такъ, прежде всего въ этой школѣ какъ нельзя болѣе органически и счастливо соединились два теченія того времени: съ одной стороны, пушкинская объективность, художественная созерцательность всего, что было въ русской жизни поэтическаго, съ другой — отрицательно-сатирическая струя натуральной гоголевской школы, обращавшей главное вниманіе на несовершенство русской жизни. Каждое изъ этихъ теченій само по себѣ страдало односторонностью. Пушкинская художественная созерцательность, которой такъ восхищались наши оппортунисты, могла обогатить русскую литературу рядомъ произведеній въ духѣ чистаго искусства, художественныхъ и поэтическихъ, но имъ не доставало бы того живого общаго значенія, которое имѣютъ произведенія беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Въ свою очередь отрицательно-сатирическое теченіе натуральной школы лишило бы эти произведенія ихъ чарующихъ художественныхъ красоть, придало бы имъ тотъ слишкомъ сухой, черствый ха-

рактерь, какой имѣетъ обличительная литература конца пятидесятихъ годовъ. Соединеніе же обоихъ теченій повело за собою тотъ прекрасный результатъ, что русская жизнь въ этихъ произведеніяхъ рисуется все-сторонне, во всѣхъ ея какъ мрачныхъ и отрицательныхъ явленіяхъ, такъ и въ прекрасныхъ и поэтичныхъ. При всемъ различіи въ индивидуальныхъ качествахъ и характерахъ беллетристовъ этой школы, произведенія ихъ имѣютъ много сходнаго между собою въ томъ отношеніи, что отъ большинства ихъ въ одинаковой степени пахнетъ деревней, благоуханіемъ широкихъ луговъ, пашень и тѣнистыхъ садовъ, окружавшихъ старинныя помѣщичьи усадьбы; во всѣхъ нихъ вы найдете массы ландшафтовъ сельской природы и цѣлую галерею женскихъ типовъ,—одинъ другого плѣнительнѣе и грандіознѣе; большинство ихъ преисполнено вмѣстѣ съ тѣмъ юмора, иногда саркастически горькаго, большею же частью добродушно-веселаго, вполне народнаго.

Но этимъ соединеніемъ двухъ теченій русской поэзіи не ограничилась школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Въ ней не замедлило отразиться и то социальное-нравственное движеніе, то броженіе идей, какое мы видѣли въ передовыхъ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества въ сороковые и пятидесятыя годы. Такъ какъ движеніе это совершалось подъ вліяніемъ французской литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, въ послѣдней же наиболѣе всего передовыя идеи вѣка выражались въ школѣ романтиковъ, во главѣ которыхъ стояли Викторъ Гюго и Жоржъ Зандъ, то эти два писателя наибольшее вліяніе оказали на беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Но необходимо поставить на видъ, что вліяніе это было чисто умственное и нравственное, а отнюдь не художественное; беллетристы сороковыхъ годовъ прониклись лишь тѣми гуманными и демократическими идеями, которыя проповѣдывали любимые ихъ беллетристы; но въ то же время остались чужды того восторженнаго идеализма, которымъ проникнуты произведенія французскихъ романтиковъ, и избѣгли воплощеній новыхъ идеаловъ въ фантастическіе образы, какіе мы находимъ въ произведеніяхъ Виктора Гюго и Жоржъ Зандъ. Здѣсь вліяли, съ одной стороны, врожденныя сѣвернымъ народамъ трезвость мысли и склонность къ натурализму; съ другой—то реальное направленіе, по которому безвозвратно пошла русская литература подъ вліяніемъ Пушкина и Гоголя. При такихъ условіяхъ вліяніе французскихъ романтиковъ на нашихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ выразилось въ томъ, что, проникшись ихъ идеалами, они, на основаніи этихъ идеаловъ, приступили къ анализу русской жизни, который и составляетъ главную силу и достоинство школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ.

Мы уже говорили выше, что анализъ основъ современныхъ обществъ, который составляетъ преобладающее явленіе XIX вѣка во всей Европѣ, по необходимости долженъ былъ въ нашей литературѣ принять наиболѣе рѣшительный, интенсивный характеръ, такъ какъ намъ нечего было жалѣть, сохранять, не передъ чѣмъ останавливаться; дѣйствительность была слишкомъ мрачна, бросаясь въ глаза массою безобразныхъ явленій. А тутъ еще присоединилась реакція пятидесятихъ годовъ, когда эти безобразныя явленія усилились и количественно, и качественно; въ то же время по всей Европѣ водворилась беспросвѣтная мгла, которой не видѣли исхода.

При такихъ условіяхъ анализъ отрицательныхъ сторонъ русской жизни принялъ въ произведеніяхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ мрачный и развѣдающій характеръ. Они утратили ту бодрость духа и жизнерадостность, какая отличаетъ многія первыя ихъ произведенія, писанныя до 1848 года, и усвоили скептическій взглядъ на жизнь и людей подчасъ вполне пессимистическаго характера. Привычка анализировать, разлагать явленія жизни и обращать главное вниманіе на отрицательныя ихъ стороны дошла до того, что, подобно Гоголю, беллетристы сороковыхъ годовъ утратили способность изображать идеальные типы. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что всѣ попытки ихъ въ этомъ родѣ (Инсаровъ, Штольцъ) отличаются одинаковой неудачей; идеальные типы выходятъ у нихъ не живыми людьми, а отвлеченными фигурами, натянутыми, безжизненными и неестественными. Это же преобладаніе въ беллетристахъ сороковыхъ годовъ скептическаго анализа и отрицательнаго отношенія къ жизни повело къ тому, что въ шестидесятыя годы, когда наступила эпоха новыхъ людей, новыхъ идей и идеаловъ, когда восторженные послѣдователи этого движенія ожидали отъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, что они не замедлятъ встать во главѣ его, облечутъ въ величественныя и блестящія образы новые идеалы, беллетристы обманули общія ожиданія: они отнеслись и къ новому движенію, и къ новымъ людямъ съ тѣмъ же скептическимъ отрицаніемъ, съ какимъ привыкли относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни.

Всѣ они были влѣдствіе этого обвинены въ измѣнѣ, ренегатствѣ, но это совершенно неправильно и напрасно. На самомъ дѣлѣ измѣнилось время, измѣнились требованія; беллетристы же сороковыхъ годовъ отъ того именно и встали въ разладъ съ движеніемъ, что ни мало не измѣнились, а остались тѣми-же, чѣмъ были и прежде. Здѣсь произошло удивительное *qui-pro-quo* въ томъ отношеніи, что неисправимые скептики и отрицатели бросили обвиненіе въ отрицаніи и нигилизмѣ горячимъ энтузіастамъ, требовавшимъ положительнаго и восторженнаго отношенія къ ихъ идеямъ, стремленіямъ и дѣйствіямъ.

Беллетристы сороковыхъ годовъ въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣмъ большаго снисхожденія, что ихъ скептически-отрицательное отношеніе къ жизни имѣло отнюдь не отвлеченно-безцѣльный характеръ отрицанія ради отрицанія, а напротивъ того глубокій, гражданскій, демократическій смыслъ. Главнымъ образомъ они обрушивались на тѣ пороки и слабости русской интеллигенціи, какіе развились на почвѣ крѣпостнаго права и паразитной жизни на счетъ труда крестьянъ. При этомъ они бичевали не одни только варварскія и звѣрскія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, но осмѣивали постоянно нравственное растрѣпаніе въ видѣ безхарактерности, нервной развинченности, разлада словъ и дѣлъ, сластолюбія, тщеславія, рисовки—въ лучшихъ передовыхъ и гуманныхъ представителяхъ помѣщичьей среды. Въ этомъ отношеніи безпощадный анализъ ихъ, имѣя громадное значеніе во всемъ ходѣ общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, въ то же время поражаетъ васъ глубокою и непримѣнною въ исторіи искренностью самобичеванія. Можно сказать, что цѣлый слой общества, передовой и господствовавшій въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей,—беллетристовъ сороковыхъ годовъ,—всенародно покаялся въ своихъ протеческихъ грѣхахъ и наслѣдственныхъ порокахъ

и предалъ себя полному отрицанію, и, повторяя мѣткое выраженіе Писарева, беллетристы сороковыхъ годовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ имъ писателей, уподоблялись дровосѣкамъ, безстрашно подливающимъ сукъ, на которомъ сами сидѣли.

Этимъ своимъ подвигомъ они бесспорно заслужили ту всемірную славу, какой нынѣ пользуются.

II.

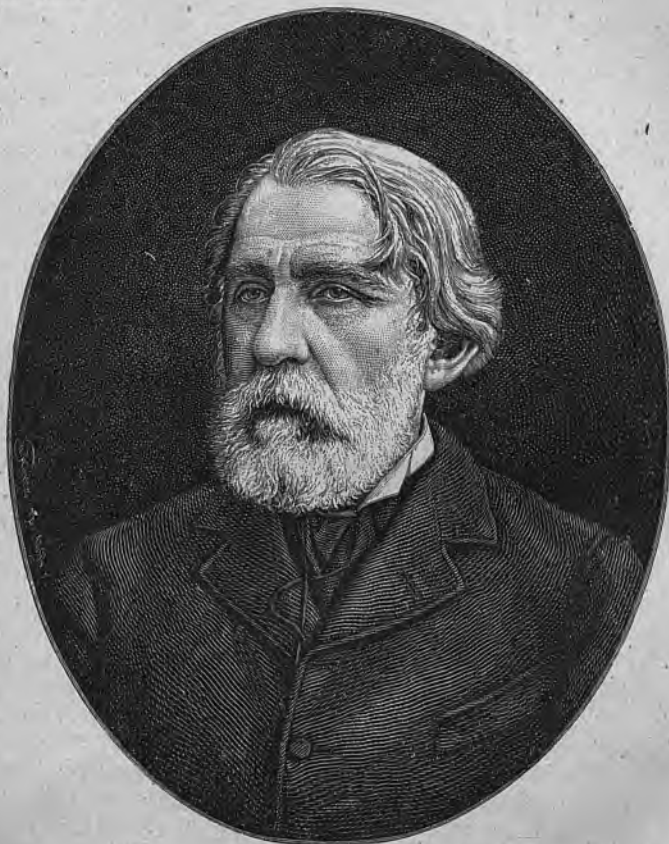
Во главѣ школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ по всеѣмъ правамъ,—по обширности таланта, по высотѣ философскаго образованія, по широтѣ захвата русской жизни, по разнообразію содержанія своихъ произведеній, по ихъ общественному значенію, наконецъ, по высотѣ чарующей художественности,—ставится Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, вышедшему изъ Золотой Орды и нерѣдко упоминаемому въ исторіи съ XVI-го вѣка. Отецъ Тургенева, Сергѣй Николаевичъ, служилъ въ Елисаветградскомъ кирасирскомъ полку и женился въ Орлѣ на дочери богатаго помѣщика, Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой. Первымъ плодомъ этого брака былъ старшій братъ Тургенева, Николай; вторымъ былъ Иванъ, родившійся черезъ два года послѣ старшаго, 28-го октября 1818 года, въ Орлѣ гдѣ стоялъ полкъ его отца.

Вскорѣ послѣ рожденія сына Ивана отецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника и поселился въ имѣніи жены, въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, въ 10 верстахъ отъ Мценска, Орловской губерніи. Тамъ провель Тургеневъ первые годы своего дѣтства. Но мало свѣтлыхъ впечатлѣній вынесъ онъ изъ дѣтскихъ лѣтъ. Семейство Тургеневыхъ представляло собою весьма рѣзко выраженный типъ старинныхъ помѣщичьихъ нравовъ. Ни одна нѣжная, сердечная черта не смягчала суровости этихъ нравовъ, всецѣло основанныхъ на строгомъ и безопадномъ деспотизмѣ, тяготѣвшемъ не только надъ крѣпостными слугами, но и надъ младшими членами семьи. Всѣ ежеминутно трепетали въ домѣ и каждый день, каждый часъ ждали какой-нибудь жестокой расправы. Прибавьте къ этому, что и въ самыхъ нѣдрахъ семьи тайлся непримиримый разладъ: отецъ Тургенева, типъ котораго изображенъ въ романѣ *Первая любовь*, не любилъ жены, будучи значительно моложе ея и женившись по расчету. «Матушка моя,—повѣствуетъ Тургеневъ въ этомъ романѣ,—вела печальную жизнь: безпрестанно волновалась, ревновала, сердилась, но не въ присутствіи отца; она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно, отдаленно. Я не видалъ человѣка болѣе изысканно-спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго! Къ тому же онъ отличался атлетическою фигурою и медвѣжьей силою».

Что касается матери Тургенева, то портретъ ея въ свою очередь изображенъ имъ въ повѣсти *Пунинъ и Бабуринъ*. Она была очень несчастна въ дѣтствѣ и юности. Сначала въ домѣ матери она терпѣла отъ отчима, который ненавидѣлъ ее, заставлялъ подчиняться своимъ капризамъ, билъ ее, унижалъ и срывалъ на ней свой буйный хмель. Когда же ей минуло 16 лѣтъ, онъ началъ преслѣдовать ее иначе, грозясь подвергнуть жестокому истязанію въ случаѣ неблагоклонности; во избѣжа-

не позора Варвара Петровна должна была бѣжать изъ дома отчима и искать пріюта въ домѣ дяди. Но и здѣсь ей было не легче: дядя былъ человѣкъ суровый и скупой, держалъ ее въ ежовыхъ рукавицахъ, и она жила почти взаперти въ Спасскомъ. Послѣ смерти его она вышла замужъ, будучи уже за тридцать лѣтъ, и не нашла въ мужѣ ни любви, ни нѣжности; онъ внушалъ ей одинъ страхъ и мучительную ревность вельфдствіе частыхъ измѣнъ.

И. С. Тургеневъ.

Когда онъ умеръ, она осталась единственною наслѣдницею огромнаго имущества, и, какъ это часто бываетъ съ натурами, долго находившимися подъ гнетомъ, она почувствовала жажду власти, начала проявлять ее на всемъ вольномъ просторѣ и обратилась въ неукротимую самодурку съ развинченными нервами, вѣчными капризами и фантастическими причудами. Всѣ ходили передъ нею на цыпочкахъ и трепетали. Стукъ ножей или ключей въ сосѣдней комнатѣ выводилъ ее изъ себя, и при малѣйшемъ возраженіи она впадала въ истерику. Самодурство ея доходило до того, что однажды она запретила домашнимъ праздновать пасху и не велѣла звонить въ церкви въ колокола. Можно представить себѣ, какъ

терпѣли отъ нея слуги и крестьяне, когда даже сыновей своихъ она вооружила противъ себя своимъ деспотизмомъ. Только съ совершеннolѣтiемъ они эмансипировались изъ-подъ ея ига, встали на ноги и потребовали полнаго освобожденiя изъ-подъ ея опеки не только нравственнаго, но и матеріальнаго. Но и тутъ, желая все-таки удержать колеблющуюся власть надъ сыновьями, она прибѣгла къ грубому обману: подарила имъ по имѣнiю и въ то же время отдала тайный приказъ вывезти изъ имѣнiй весь хлѣбъ и тѣмъ обезцѣнить ихъ. И дошло дѣло до того, что ея любимецъ, которымъ она наиболѣе гордилась, баловала и души не чаяла, Иванъ Сергѣевичъ, обратился къ ней со словами страшнаго приговора:—«Кого ты не мучаешь? Всѣхъ!—говорилъ онъ.—Кто возлѣ тебя свободно дышетъ? Кто возлѣ тебя счастливъ? Вспомни только Полякова, Агаѣю... всѣхъ, кого ты преслѣдовала, ссылала, всѣ они могли бы любить тебя, всѣ бы готовы были жизнь за тебя отдать, если бы... а ты всѣхъ дѣлаешь несчастными!..»

Вотъ какія вынесъ Тургеневъ изъ своего дѣтства впечатлѣнiя, сдѣлавшія его непримиримымъ врагомъ крѣпостнаго права. Рисуя въ *Запискахъ Охотника* самодурства помѣщиковъ надъ безответными крѣпостными, Тургеневъ могъ писать прямо на основанiи собственныхъ воспоминанiй о людяхъ ему близкихъ; такъ, въ повѣсти *Муму* рассказанъ эпизодъ, случившійся въ родительскомъ домѣ Тургенева.

III.

Воспитанiе Тургенева шло по обычаю того времени подъ присмотромъ безпрестанно мѣнявшихся гувернеровъ и учителей—швейцарцевъ и нѣмцевъ, дядекъ и мамокъ. Въ воспитанiи главную роль играли языки французскiй и нѣмецкiй, которымъ Тургеневъ научился въ раннемъ дѣтствѣ. На русскiй языкъ обращали мало вниманiя. Учителемъ, который впервые заинтересовалъ мальчика произведенiемъ русской литературы, былъ крѣпостной камердинеръ его матери, читавшій ему украдкой гдѣ-нибудь въ саду или дальней комнатѣ *Россиаду* Хераскова, подобно Пунину, повторяя каждый стихъ сначала «начерно» скороговоркою, а потомъ «набѣло» громогласно, съ необыкновенною торжественностью.

Въ началѣ 1827 года Тургеневы, въ видахъ дальнѣйшаго воспитанiя дѣтей, переселились въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ на Самотекѣ. Тургеневъ былъ отданъ сначала въ частный пансіонъ Вейденгамера, а потомъ жилъ одно время пансіонеромъ же у директора Лазаревскаго института, Краузе, который училъ его англійскому языку. Кромѣ того къ университетскому экзамену готовилъ Тургенева извѣстный поэтъ Иванъ Петровичъ Ключниковъ, въ то время еще молодой студентъ.

Въ 1833 году, будучи всего 15-ти лѣтъ отъ роду, Тургеневъ поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Но здѣсь онъ пробылъ всего одинъ годъ. Старшій его братъ поступилъ на службу въ гвардейскую артиллерию въ Петербургъ; туда же переѣхала и вся семья, такъ что и Тургеневу пришлось перейти въ Петербургскiй университетъ въ 1834 году; въ томъ же году скончался его отецъ.

Немного вынесъ Тургеневъ изъ Петербургскаго университета, гдѣ лучшимъ профессоромъ въ то время считался М. С. Куторга, а затѣмъ

изъ наиболѣе выдающихся были: П. А. Плетневъ, А. В. Никитенко и А. А. Фишеръ. Живя въ Петербургѣ и посѣщая университетскія лекціи, Тургеневъ вмѣстѣ бралъ и частные уроки по древнимъ языкамъ у преподавателя Петропавловской школы Вальтера, который въ продолженіе двухъ лѣтъ (1835—37) читалъ съ нимъ Горація, Тацита, Оукидиды, Софокла и другихъ классиковъ. По свидѣтельству Вальтера, молодой Тургеневъ былъ необыкновенно прилежнымъ ученикомъ. Онъ ревностно писалъ задаваемые ему сочиненія и работалъ съ усердіемъ настоящаго нѣмецкаго студента. Уроки давались съ необыкновенною аккуратностью: одно только могло прервать ихъ,—это охота, къ которой Тургеневъ съ молодости сильно пристрастился, и въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ она была для него любимымъ развлеченіемъ.

Въ 1836 году Тургеневъ кончилъ университетскій курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента (курсъ въ то время былъ трехлѣтній), а въ слѣдующемъ, 1837 году, выдержалъ экзаменъ на степень кандидата. Уже на III курсѣ университета Тургеневъ началъ производить первые опыты по изящной словесности, конечно сначала стихами. Такъ онъ и написалъ фантастическую драму пятистопными ямбами, подъ заглавіемъ *Стеніо*,—произведеніе, по отзыву самого Тургенева, «совершенно нелѣпное, въ которомъ съ дѣтскою неумѣлостью выражалось рабское подражаніе байроновскому *Манфреду*». Тургеневъ представилъ свою пьесу на разсмотрѣніе Плетневу; тотъ отечески побранилъ студента, что онъ тратитъ время на такіе пустяки; но все-таки замѣтилъ, что въ молодомъ авторѣ «что-то есть», обласкалъ его и пригласилъ на свои литературные вечера. Обрадованный юноша отдалъ Плетневу нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ тотъ выбралъ два и, годъ спустя (1838), напечаталъ безъ подписи автора въ пушкинскомъ *Современникѣ*. Въ первомъ изъ нихъ воспѣвался старый дубъ: «это—первая моя вещь, явившаяся въ печати»—говоритъ Тургеневъ въ *Воспоминаніяхъ*.

Окончивъ университетскій курсъ, Тургеневъ весною 1838 года отправился въ Берлинъ «доучиваться». Онъ ѣхалъ, какъ всѣ ѣздили въ то время за границу, моремъ въ Штетинъ на пароходѣ «Николай I», который сгорѣлъ въ виду Травемюнде, причемъ жизнь Тургенева подверглась опасности. Вотъ что говоритъ онъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* о пребываніи въ Берлинѣ:

„Окончивъ курсъ по филологическому факультету С.-Петербургскаго университета въ 1837 году, я весною 1838 г. отправился доучиваться въ Берлинъ. Мнѣ было всего 19 лѣтъ; объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится за границей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣжденіе; впрочемъ они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ,—посылавшее на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты. Въ Берлинѣ я прожилъ (въ два періода) около двухъ лѣтъ. Изъ числа русскихъ, слушавшихъ университетскія лекціи, назову: въ теченіе перваго года—Н. Станкевича, Грановскаго, Фролова; къ теченію втораго—столь извѣстнаго впоследствии М. Бакунина. Я занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, полученное въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цулента, исторію греческой литературы—у Бока, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ“.

Къ этой эпохѣ относится выработка какъ міросозерцанія вообще, такъ и политическихъ убѣжденій Тургенева. Масса новыхъ живыхъ

впечатлѣній, вынесенныхъ изъ поѣздки за границу, нѣмецкая наука и сближеніе съ такими людьми, какъ Бакунинъ, Станкевичъ, Грановскій, не могли не содѣйствовать духовному перевороту, который изъ молодого барчука, преданнаго всеѣмъ традиціямъ дѣтства, сдѣлалъ борца за свободу. Вотъ какъ характеризуетъ самъ Тургеневъ этотъ многозначительный переворотъ:

„Тотъ бытъ, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ, полоса помѣщичья, крѣпостная, не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надобно было либо покориться и смиренно побрести общей колеей по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился ввизъ голову въ „нѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконецъ вынырнулъ изъ его волнъ,—я все-таки очутился „западникомъ“ и остался имъ навсегда.

„Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ сверстниковъ, которые другимъ, болѣе отрицательнымъ, путемъ достигли той свободы, того сознанія, къ которымъ я стремился. Я хочу только заявить, что я другого пути предъ собою не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня вѣроятно не доставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться. Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить...“

IV.

Въ 1841 году, вернувшись изъ-за границы, Тургеневъ поѣхалъ въ Москву держать экзаменъ на магистра философіи, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ кафедры философіи въ Москвѣ не было. Не отвлекая мыслей объ ученой карьерѣ, Тургеневъ поѣхалъ въ Петербургъ, но здѣсь ему пришлось неожиданно махнуть рукой на свои мечты и поступить (1842 г.) чиновникомъ особыхъ порученій въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскаго. Это произошло вслѣдствіе размолвки съ матерью, весьма ограничившей средства къ его существованію.

Въ канцеляріи Тургеневъ занимался не столько службою, сколько чтеніемъ романовъ Жоржъ Занда и писаніемъ стиховъ. Это былъ романтический періодъ жизни Тургенева: корча изъ себя байроновскаго героя и заслуживъ за это отъ Герцена прозвище «позѣра», онъ удивлялъ петербургское общество эксцентричными выходками и необузданно-смѣлыми рѣчами. Въ это же время въ *Отечественныхъ Запискахъ* стали являться мелкія стихотворенія его, а въ началѣ 1843 года Тургеневъ напечаталъ отдѣльною книжкою поэму *Параша*, подписавъ ее буквами Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ).

Параша обратила на себя вниманіе публики, и Бѣлинскій посвятилъ ей статью, въ которой признавалъ въ Тургеневѣ необыкновенный поэтический талантъ, вѣрную наблюдательность, глубокую мысль, изящную и тонкую иронию, а что наиболѣе знаменательно,—призналъ сына нашего времени, носящаго въ груди своей скорби и вопросы его.

И дѣйствительно, несмотря на увлеченіе автора романтическими идеалами, вась поражаетъ въ *Парашѣ* реальное чутье русской жизни, и поэма является развѣнчаніемъ тѣхъ самыхъ романтическихъ идеаловъ,

которымъ Тургеневъ поклонялся. Судя по поэтическому началу поэмы особенно же плѣнительному образу героини, о которой самъ авторъ говоритъ, что, какъ ему казалось, «ей суждено страданій въ жизни не имѣть не мало», можно было думать, что авторъ изобразить рядъ ужасныхъ романтическихъ страданій. Ожиданія эти еще больше подтвердились встрѣчей Параша съ героемъ при необыкновенныхъ романтическихъ обстоятельствахъ, и къ тому же герой обѣщаль оказаться чѣмъ-то въ родѣ Печорина или Евгенія Онегина. И вдругъ поэма кончается самымъ прозаическимъ сватовствомъ и помѣщичьимъ бракомъ, и когда авторъ встрѣтилъ своихъ героевъ четыре года спустя, онъ нашелъ что романтическій герой «какъ-то странно потолстѣлъ», а идеальная Параша въ свою очередь обратилась въ самую прозаическую Прасковью Николаевну, и жизнь ея катилась, «какъ ручеекъ извилистый и плавный» и разочарованный авторъ иронически восклицаетъ:

Но—Боже! То ли думалъ я, когда,
Исполненный вѣмого обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святого, благороднаго страданья!
Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ,
Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду...
И что жъ? Я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,
Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья...

Вотъ въ этой именно ироніи, въ этомъ сведеніи поэтически-романтическихъ образовъ къ пошлой прозѣ помѣщичьяго прозябанія и ожирѣнія на даровыхъ хлѣбахъ и заключалось то новое, что дѣлало Тургенева «сыномъ своего времени, носящимъ въ груди своей всѣ скорби и просы его».

Такими же новыми вѣянiями исполнены и всѣ прочія произведенія Тургенева этого времени. Такъ, въ поэмѣ *Разговоръ* (1845 г.) Тургеневъ изобразилъ свое поколѣніе, людей сороковыхъ годовъ, въ сопоставленіи съ людьми поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Здѣсь мы видимъ уже самое раздѣленіе людей на Донъ-Кихотовъ и Гамлетовъ, которое проходитъ черезъ всѣ произведенія Тургенева и впоследствии было формулировано имъ въ публичной лекціи, читанной имъ въ Петербургѣ въ 1860 году. Поколѣніе двадцатыхъ годовъ, съ его жаждой кипучей дѣятельности и непосредственной отдачею страстямъ и стремленіямъ, представляется передъ нами въ полномъ контрастѣ съ людьми сороковыхъ годовъ, извѣденными горькими рефлексіями, исполненными сомнѣній и холоднаго отчаянія.

Наконецъ, въ поэмѣ *Андрей* (1845 г.), лишь по стихотворной формѣ отличающейся отъ мелкихъ повѣстей Тургенева въ родѣ хотя бы *Фауста* авторъ затрагиваетъ впервые ту тему отношенія свободной любви къ семейному долгу, къ которой такъ часто обращались беллетристы сороковыхъ годовъ.

Что касается мелкихъ стихотвореній, появившихся въ теченіе соро-

овыхъ годовъ, то большинство ихъ представляетъ тѣ картины природы, которыми такъ славился Тургеневъ въ продолженіе всей своей дѣятельности. Въ стихотворной формѣ эти картины получаютъ еще большую прелесть и колоритность.

Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ *Параши* Тургеневъ сошелся съ Бѣлинскимъ, поразивъ его оригинальностью и независимостью своихъ воззрѣній, и оказалъ ему большое содѣйствіе въ уясненіи философіи Гегеля; съ другой стороны, влияніе Бѣлинскаго, о которомъ Тургеневъ до самой смерти сохранялъ благоговѣйную память, окончательно опредѣлило главнѣйшее направленіе дѣятельности Тургенева. Въ то же время сошелся Тургеневъ и съ молодыми литераторами, группировавшимися вокругъ Бѣлинскаго, — К. Д. Кавелинымъ, Н. А. Некрасовымъ, И. А. Гончаровымъ, Д. В. Григоровичемъ, И. И. Панаевымъ, П. В. Анненковымъ и пр. Первымъ появившимся въ свѣтъ прозаическимъ произведеніемъ Тургенева былъ драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи изъ испанской жизни, подъ заглавіемъ *Неосторожность* (*От. Зап.* 1843 г., № 10). Въ слѣдующемъ году тамъ же была напечатана первая повѣсть его *Андрей Колосовъ*. Въ *Петербургскомъ Сборникѣ*, издаваемомъ Некрасовымъ (1846 г.), кромѣ юмористической поэмы въ стихахъ *Помѣщикъ*, была напечатана повѣсть *Три портрета*; въ первой же книжкѣ *Отечественныхъ Вѣстникъ* 1847 г. появилась повѣсть *Бретеръ*.

Въ повѣсти *Андрей Колосовъ* Тургеневъ значительно шагнулъ впередъ отъ своего вѣка, изобразивши въ своемъ «необыкновенномъ» героѣ молодинца съ непосредственною и свободною отдачею страсти, скорѣе чѣмъ-стать шестидесятымъ годамъ, чѣмъ сороковымъ. Оттого, можетъ быть, повѣсть эта и прошла почти незамѣченною въ свое время.

Въ остальныхъ же двухъ повѣстяхъ мы видимъ то-же стремленіе изъ-за мишурной оболочки романтическаго типа обнаружить печальную и грубую русскую дѣйствительность. Такъ, на примѣръ, чѣмъ не герой въ байновскомъ духѣ Лучиновъ, одаренный необыкновенной силой воли, страстный и разсчетливый, нетерпѣливый и смѣлый, скрытный до чрезвычайности и очаровательно, обаятельно любезный? Но при всѣхъ этихъ эффектныхъ качествахъ, вы видите вдругъ такой мелкій, черствый произмъ и такую душевную низость, какіе никакъ не пристали къ романтическимъ героямъ. Въ самомъ дѣлѣ, свойственно ли такимъ героямъ воровство отцовскихъ денегъ или сваливаніе на ближняго своего грѣха оболъщенія сироты и затѣмъ убійство на дуэли почти безоружнаго человека ради прикрытія семейнаго позора. Сквозь романтическую оболочку такъ и сквозитъ здѣсь низкій нравственный уровень русской дворянской среды XVII вѣка.

О *Бретерѣ* и говорить нечего. Проливающая кровь изъ-за пустяковъ въ своихъ безпрерывныхъ дуэляхъ, хищный герой этой повѣсти съ первой же страницы и до послѣдней обнаруживаетъ мелко самолюбивую, грубо циническую и дрянную душонку армейскаго бурбона.

V.

Эти первые опыты не удовлетворяли Тургенева, и онъ готовъ былъ бросить писательство и самую Россію, какъ вдругъ общее вниманіе пу-

блики было привлечено небольшимъ разсказомъ *Хорь и Калинычъ*, напечатаннымъ въ первой книжкѣ возобновленнаго Некрасовымъ *Современника* въ 1847 году, въ очень скромномъ отдѣлѣ *Смѣси*. Все заговорили о талантливомъ, проникнутомъ глубокою симпатіею къ мужику, разсказѣ неизвѣстнаго автора: каждый старался узнать имя писателя, скрывавшагося подѣ таинственными инициалами Т. Л.

Этотъ неожиданный успѣхъ возвратилъ Тургенева къ литературѣ и побудилъ его продолжать *Записки Охотника*, и вотъ, начиная съ 1847 года по 1851 г., слѣдуетъ въ *Современникѣ* рядъ разсказовъ, извѣстныхъ подѣ этимъ заглавіемъ и вышедшихъ въ началѣ 1852 года отдѣльнымъ изданіемъ. Писаны *Записки Охотника* за границу, куда Тургеневъ уѣхалъ въ 1848 г., послѣ смерти Бѣлинскаго, чтобы никогда болѣе не возвращаться на родину,—такое мрачное впечатлѣніе производила на Тургенева тогдашняя русская дѣйствительность.

Въ *Запискахъ Охотника* Тургеневъ повернулъ на новую дорогу и приступилъ къ исполненію своей аннибаловской клятвы. Не говоря уже о художественномъ значеніи *Записокъ Охотника*,—онѣ представляютъ замѣчательный историческій памятникъ своего времени и въ смыслѣ протеста противъ крѣпостнаго права. Конечно, нечего искать въ *Запискахъ Охотника* ни рѣзкаго и страстнаго политическаго памфлета, какимъ представляется *Путешествіе* Радищева, ни хотя бы саркастическаго тона сатиръ Щедрина. Это было бы совершенно не въ характерѣ тургеневскаго творчества, въ которомъ всегда преобладали мягкіе, кроткіе, нѣжные тоны, да и къ тому же мало-мальски рѣзкій и громкій протестъ былъ немислимъ при той строгости, до какой дошла русская цензура послѣ 1848 года. *Записки Охотника* представляются какъ бы продолженіемъ *Мертвыхъ Душъ* Гоголя; это—эпопея, не имѣющая, повидимому, никакой иной предвзятой цѣли, какъ лишь развернуть передъ вами широкую картину русской провинціальной жизни, преимущественно помѣщиковъ и крестьянъ, съ одной стороны—въ массѣ мелкихъ, повседневныхъ, будничныхъ ея явленій, съ другой—въ поэтическихъ мотивахъ и образахъ. Тутъ вы найдете на каждомъ шагу тѣ очаровательныя описанія русской природы, какими всегда славился Тургеневъ, рядъ эпизодовъ, не имѣющихъ никакихъ отношеній къ крѣпостному праву, каковы напр.: *Уѣздный лѣкарь*, *Мой сосѣдь Радиковъ*, *Однодворецъ Овсянниковъ*, *Татьяна Борисовна и ея племянникъ*, *Гамлетъ Щигровскаго уѣзда* и проч.

Тѣмъ не менѣе отъ *Записокъ Охотника* повѣяло на читателей совершенно новымъ духомъ, которымъ проникнуты онѣ отъ первой страницы до послѣдней.—Это былъ духъ гуманности и искренней любви къ угнетенному мужику. Въ то время какъ у большинства помѣщиковъ, изображенныхъ въ *Запискахъ*, преобладаютъ отрицательныя черты, крестьяне, напротивъ того, представляютъ рядъ весьма симпатичныхъ типовъ. Выводя такія личности, какъ Хорь и Калинычъ, Ермолай и Мельничиха, Касьянъ съ Красивой мечи, Бирюкъ, Яковъ-турокъ въ *Пльцахъ*, наконецъ хотя бы и крестьянскія дѣти въ *Бѣжиномъ лугѣ*,—авторъ тѣмъ уже протестовалъ противъ крѣпостнаго права, что, заглядывая въ душу всѣхъ этихъ дѣтей народа, находилъ въ ней тѣ же радости и страданія, что и у всѣхъ прочихъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ выводилъ ихъ не въ

примѣръ симпатичнѣе и цѣльнѣе стоящихъ тутъ же рядомъ съ ними помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи даже и *Бѣжинъ лугъ*, эта чисто художественная картинка ночной бесѣды деревенскихъ дѣтей въ табунѣ лошадей, производилъ на читателей то же впечатлѣніе отрицанія крѣпостного права: прочтя эту картинку, читатель всею душою привязывался къ изображеннымъ въ ней дѣтямъ и ему жутко становилось при мысли, что въ этихъ симпатичныхъ деревенскихъ ребятахъ растутъ будущіе рабы, вся жизнь которыхъ могла быть изломана по прихоти какого-нибудь Пѣночкина. Однимъ словомъ, читая *Записки Охотника*, русскіе читатели впервые видѣли въ мужикахъ не двуногое рабочее стадо, а живыхъ людей, братьевъ своихъ по человѣчеству, и пріучались любить этихъ братьевъ и принимать горячее участіе въ ихъ участи.

Не даромъ выходъ *Записокъ* отдѣльнымъ изданіемъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ официальныхъ сферахъ, которыя въ то время были проникнуты крѣпостничествомъ. Въ литературныхъ кружкахъ ходилъ въ то время слухъ, будто московскій цензоръ, князь Львовъ, былъ отставленъ отъ должности именно за то, что пропустилъ отдѣльное изданіе *Записокъ Охотника*. Начальство косилось уже на Тургенева за долговременное отсутствіе за границей, особенно въ Парижѣ, и къ тому же въ 1848 году, а также и за его близкія отношенія къ лицамъ, которыя были на дурномъ счету. *Записки Охотника* подлили масла въ огонь, и незначительный случай послужилъ каплей, переполнившей чашу. Въ мартѣ 1852 года появилось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо Тургенева по случаю смерти Гоголя, непропущенное передъ тѣмъ петербургскою цензурою, и вотъ, по жалобѣ Мусинъ-Пушкина, Тургеневъ былъ посаженъ на мѣсяць «на съѣзжую». Тургеневу угрожало очень печальное заточеніе, если бы судьба не послала ему спасительницъ въ лицѣ двухъ дочерей надзиравашаго за нимъ пристава, оказавшихся почитательницами его таланта. Онѣ обрадовались случаю лично съ нимъ познакомиться и упросили отца дать узнику пріютъ въ ихъ квартирѣ. Здѣсь Тургеневъ и провелъ время своего ареста, написавши на досугъ *Муму*, — и такимъ образомъ повѣсть, по своему содержанію представляющая самый рѣзкій протестъ Тургенева противъ крѣпостного права, оказалась написанною на «съѣзжей».

По освобожденіи отъ ареста, Тургеневъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на жительство въ деревню Спасское, — «безъ права выѣзда». Изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній, написанныхъ имъ въ деревнѣ, были: *Два пріятели* и *Затишье*.

Въ концѣ 1854 года Тургеневъ былъ освобожденъ отъ своей ссылки при содѣйствіи А. К. Толстого и А. О. Смирновой, и въ 1855 г. уѣхалъ за границу. Еще въ 1845 году онъ познакомился въ Петербургѣ съ знаменитой уже тогда артисткой Полиной Виардо-Гарсія, и съ тѣхъ поръ до самой смерти оставался въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ея семействомъ. Послѣ временной разлуки вслѣдствіе ссылки онъ снова поспѣшилъ къ нимъ. Выражаясь собственными его словами, онъ «прикрѣпился» къ этимъ людямъ и, навсегда оставшись холостякомъ, прожилъ съ ними половину своей жизни.

Мы не будемъ далѣе подробно вдаваться во внѣшнія подробности жизни Тургенева, такъ какъ съ этой поры жизнь его вполне сложилась

въ опредѣленное русло и не представляет выдающихся фактовъ. Зиму проводилъ онъ обыкновенно въ Парижѣ, а лѣто частью въ Орловской губерніи, въ своемъ имѣніи, частью въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ въ Тиргартеналѣ находилась вилла Віардо, и гдѣ Тургеневъ въ 1865 г. построилъ свою собственную виллу и жилъ въ ней до половины 1870 года. Подъ конецъ же своей жизни онъ проводилъ лѣто въ Буживалѣ, близъ Парижа, на собственной дачѣ, рядомъ съ дачею Віардо. Изъ его посѣщенной Россіи, подъ конецъ жизни очень рѣдкихъ, наиболѣе замѣчательнѣй пріѣздъ его въ Россію въ концѣ февраля 1879 года, съ цѣлью, какъ самъ шутя говорилъ: «мириться съ русской публикой и молодежью». Тургеневъ встрѣтилъ тогда рядъ восторженныхъ овацій въ Москвѣ и Петербургѣ со стороны публики на цѣломъ рядѣ публичныхъ чтеній, на которыхъ онъ участвовалъ, читая преимущественно *Записки Охотника*. Второй замѣчательный его пріѣздъ былъ въ іюнѣ 1880 года на открытіе пушкинскаго памятника въ Москвѣ. Здѣсь на долю Тургенева выпали такія почести и оваціи, которыя далеко оставили за собою чествованіе его въ 1879 году. Московскій университетъ, въ торжественномъ засѣданіи въ день открытія памятника Пушкину, избралъ Тургенева въ число своихъ почетныхъ членовъ; въ собраніи Общества любителей русской словесности и на литературныхъ чтеніяхъ Тургенева встрѣчали бурными, долго немолкаемыми рукоплесканіями. Такъ же восторженно была встрѣчена и привѣтствована его рѣчь о Пушкинѣ на торжествѣ открытія памятника. Нѣтъ сомнѣнія, что эти дни были лучшими въ его жизни. Онъ и самъ сознавалъ это, выбирая для чтенія на литературномъ вечерѣ стихотворенія: *Опять на родинѣ* и *Послѣдняя туча разсѣянной бури...*

Пріѣздъ Тургенева въ Россію въ 1881 году былъ послѣднимъ въ его жизни. Уже съ этого года стали появляться первые симптомы мучительной болѣзни, которая свела его въ могилу. Болѣзнь эта, какъ потомъ оказалось, была ракомъ въ позвоночномъ хребтѣ. Не поддаваясь діагнозу первыхъ знаменитостей парижскаго медицинскаго міра, она развивалась медленно, но непрерывно, и причиняла Тургеневу такія страданія, которыя онъ могъ выносить только благодаря атлетическому сложенію и наркотическимъ средствамъ, которыя приходилось употреблять чаще и чаще. Нужно удивляться тому мужеству, съ какимъ Тургеневъ, привожденный къ смертному одру, вынося адскія муки, въ промежуткахъ минутныхъ облегченій не переставалъ писать послѣднія предсмертныя произведенія. Въ понедѣльникъ 22-го августа 1883 года, въ 2 часа пополудни, его не стало.

Черезъ два дня послѣ смерти, тѣло Тургенева было перевезено изъ Буживали въ Парижъ, гдѣ 24-го августа въ русской церкви происходило отпѣваніе, на которомъ присутствовало большинство бывшихъ въ то время русскихъ, посолъ кн. Н. В. Орловъ, члены посольства, литераторы, художники, какъ русскіе, такъ и иностранные, и учащаяся въ Парижѣ молодежь. 19-го сентября тѣло Тургенева было отправлено въ Россію и прибыло въ Петербургъ 27-го. Тотчасъ же по прибытіи тѣла послѣдовала процессія перенесенія его на Волково кладбище и погребенія тамъ на счетъ города, — процессія, по своей грандіозной торжественности, представлявшая нѣчто небывалое въ лѣтописяхъ петербургской жизни.

VI.

Разсматривая литературную дѣятельность Тургенева, мы остановились на 1855 годѣ, когда онъ уѣхалъ послѣ ссылки за границу. Съ этого года начинается, какъ извѣстно, возрожденіе русской жизни, эпоха реформъ и либеральнаго движенія. Съ этого же года можно считать эпоху полного расцвѣта литературной дѣятельности Тургенева. Въ этотъ періодъ талантъ Тургенева достигъ своего зенита, и онъ создалъ все самое замѣчательное и наиболѣе его прославившее. Такъ, въ 1855 году появилась повѣсть его *Яковъ Пасынковъ*, въ 1856—*Рудинъ* и *Фаустъ*, въ 1858—*Ася*, въ 1859—*Дворянское гнѣздо*, въ 1860—*Наканунъ* и *Первая любовь*. Въ томъ же 1860 г. въ 1-й книжкѣ *Современника* была напечатана знаменитая статья его *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*, бросающая яркій свѣтъ на характеръ всѣхъ его типовъ и на внутреннія пружины фабулъ его повѣстей и романовъ. Наконецъ, въ началѣ 1862 года въ *Русскомъ Вѣстникѣ* былъ напечатанъ знаменитый романъ его *Отцы и Дети*.

Перечисливши эти произведенія, мы обозначили все, чѣмъ наиболѣе увѣковѣчилъ Тургеневъ свою литературную дѣятельность. Однихъ только этихъ произведеній было бы вполне достаточно для славы, которою онъ пользовался при жизни, и высокой памяти, которую онъ оставилъ по себѣ. Каждое изъ этихъ произведеній было откровеніемъ основъ тогдашней русской жизни. Различіе ихъ отъ произведеній перваго періода дѣятельности Тургенева (*Записокъ Охотника*) заключалось въ томъ, что прежде онъ главное вниманіе обращалъ на народъ, относительно же интеллигенціи ограничивался развѣнчаніемъ романтическихъ типовъ или же отношеніями помѣщиковъ къ крѣпостнымъ; теперь же онъ занялся изображеніемъ нравственныхъ недуговъ интеллигенціи, произведенныхъ вліяніемъ крѣпостнаго права. Ключъ къ пониманію внутреннихъ пружинъ этихъ произведеній кроется, какъ мы выше сказали, въ рѣчи Тургенева о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ. Въ этой рѣчи Тургеневъ прямо говоритъ, что «въ этихъ двухъ типахъ воплощены двѣ коренныя противоположныя особенности человѣческой природы—оба конца той оси, на которой она вертится», что «всѣ люди принадлежатъ болѣе или менѣе къ одному изъ этихъ двухъ типовъ, что почти каждый изъ насъ сбивается либо на Донъ-Кихота, либо на Гамлета». «Правда,—прибавляетъ къ этому Тургеневъ,—въ наше время Гамлетовъ стало гораздо болѣе, чѣмъ Донъ-Кихотовъ, но и Донъ-Кихоты не перевелись».

Различіе же этихъ двухъ типовъ, какъ явствуетъ изъ статьи, заключается въ томъ, что Донъ-Кихотъ выражаетъ собою вѣру, преданность идеалу, энтузіазмъ самопожертвованія, тогда какъ Гамлетъ—представитель анализа; анализъ же, по мнѣнію Тургенева, прежде всего—эгоизмъ, а потому—безвѣріе. Сомнѣваясь во всемъ, Гамлетъ не шадитъ и себя; сознаетъ свою слабость; но всякое самосознаніе есть сила—отсюда происходитъ его проницаемость, въ противоположность энтузіазму Донъ-Кихота,—отсюда же его слабохарактерность, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, неспособность беззавѣтно отдаваться своимъ влеченіямъ.

Вѣкъ сороковыхъ годовъ, вѣкъ по преимуществу анализа, былъ по самому своему существу вѣкомъ Гамлетовъ, не говоря уже о растлѣвающимъ вліяніи крѣпостнаго права. Не даромъ Тургеневъ сказалъ: что «въ

наше время Гамлетовъ стало гораздо болѣе, чѣмъ Донъ-Кихотовъ». И дѣйствительно, передъ нами проходятъ въ произведеніяхъ Тургенева рядъ Гамлетовъ, начиная съ юноши, олицетворяющаго собою сороковые годы въ поэмѣ *Разговоръ, Гамлета Щигровскаго уѣзда* и Веретьева въ *Затмишь*,—этой талантливой природы, погубившей свою молодость и жизнь въ пьянствѣ и безпутномъ, праздномъ шатаньѣ. Таковъ Рудинъ, этотъ центральный типъ сороковыхъ годовъ,—человѣкъ, котораго все призваніе заключается въ сѣяніи просвѣтительныхъ идей, но обнаруживающій въ то же время полную несостоятельность во всѣхъ своихъ попыткахъ осуществленія этихъ идей на дѣлѣ и постыдное малодушіе передъ каждымъ мало-мальски рѣшительнымъ шагомъ,—человѣкъ одной головы, неспособный ничего сдѣлать самъ, потому что въ немъ природы, крови не было.—Таковъ Лаврецкій—этотъ въ свою очередь центральный типъ не только лучшаго человѣка помѣщичьей среды, но и вообще интеллигентнаго славянина, человѣкъ, въ высшей степени симпатичный, исполненный кротости, нѣжной гуманности и добродушія, но въ то же время не вносящій въ жизнь ни малѣйшей активности, пассивно отдающійся обстоятельствамъ, какъ щепка, носимая бурнымъ потокомъ.

Таково и большинство послѣдующихъ героевъ Тургенева, начиная съ героя *Аси* и кончая Санинымъ въ *Вешнихъ водахъ* и Литвиновымъ въ *Дымъ*. Не даромъ Тургеневъ въ *Наканунъ* заставляетъ воскликнуть Шубина: «нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все—либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя! А то вотъ еще какіе бываютъ: до позорной тонкости самихъ себя изучили, щупаютъ безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладываютъ самимъ себѣ: вотъ чтò я молъ чувствую, вотъ чтò я думаю. Полезное, дѣльное занятіе!».

«Но и Донъ-Кихоты не перевелись»,—говоритъ Тургеневъ въ выше-названной рѣчи. Встрѣчаете вы въ его произведеніяхъ и нѣсколько Донъ-Кихотовъ, хотя очень мало.—Тургеневскихъ Донъ-Кихотовъ можно раздѣлить на два разряда: одни изъ нихъ взяты непосредственно изъ русской жизни;—это такіе Донъ-Кихоты, какихъ только могла выработать русская жизнь, таковы: Андрей Колосовъ, Яковъ Пасынковъ, Пунинъ и нѣсколько типовъ, непосредственно выросшихъ изъ русской почвы и тѣсно съ нею сливающихся, — «черноземныхъ силъ», какъ называетъ ихъ Тургеневъ; таковы: Волицевъ и Уваръ Ивановичъ (въ *Наканунъ*).

Къ другого рода Донъ-Кихотамъ принадлежатъ типы, сочиненные Тургеневымъ а priori, по соображеніямъ, съ предвзятою цѣлью избрывать Донъ-Кихотовъ въ противоположность Гамлетамъ, и подобные типы страдаютъ искусственностью, неестественностью, нѣкоторые даже отвлеченностью. Таковъ Инсаровъ въ *Наканунъ*, знакомясь съ которымъ, читатель принужденъ лишь на-слово вѣрить автору, что онъ человѣкъ дѣла; между тѣмъ все геройство его въ романѣ проявляется лишь въ грубой траги-комической сценѣ съ нѣмцемъ, хотя Тургеневъ въ своей автобіографіи увѣряетъ, что сюжетъ для *Наканунъ* онъ взялъ изъ жизни, приводитъ даже фактъ, какъ ему досталась тетрадка нѣкоего помѣщика Каратѣева, въ которой было изложено истинное происшествіе, совершенно подобное рассказанному въ *Наканунъ*, причемъ роль Инсарова игралъ

болгаринъ Катрановъ,—лицо, нѣкогда весьма извѣстное и до сихъ поръ не забытое на родинѣ. Но это все еще болѣе подтверждаетъ апріорное созданіе Тургеневымъ типа Инсарова, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ говорить, что въ тетрадкѣ лишь бѣглыми штрихами было намѣчено то, что составило потомъ содержаніе *Наканунъ*, и что исторія была въ ней передана искренно, хотя неумѣло.

Въ такой-же мѣрѣ искусственъ и неестественъ и Соломинъ въ *Нови* съ его практическою оппортунистическою прогрессивностью.

VII.

Мы приблизились къ роковому кризису въ литературной дѣятельности Тургенева, ознаменованному появленіемъ въ 1862 году его романа *Отцы и Дети*. Надо замѣтить, что уже въ 1860 году Тургеневъ разошелся съ Некрасовымъ и со всѣмъ кружкомъ литераторовъ, группировавшихся вокругъ *Современника*, находя взгляды ихъ слишкомъ крайними, а въ 6-й книжкѣ *Современника* 1860 г. редакція сочла нужнымъ сдѣлать слѣдующее заявленіе: «Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли?—ссылаемся на самого г. Тургенева».

Вслѣдствіе этого разрыва романъ *Наканунъ* былъ уже напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и тамъ же въ февральской книжкѣ 1862 года появился романъ *Отцы и Дети*.

И въ своихъ воспоминаніяхъ, и въ своихъ письмахъ Тургеневъ стоитъ на томъ, что въ лицѣ Базарова онъ и не думалъ писать карикатуру на молодое поколѣніе и относиться къ нему отрицательно. Такъ въ письмѣ къ г. Случевскому 14-го апрѣля 1862 г. онъ прямо говорить:

„Базаровъ все-таки подавляетъ всѣ остальные лица романа (Катковъ находилъ, что я въ немъ представилъ апогеозъ *Современника*). Приданныя ему качества—не случайныя. Я хотѣлъ сдѣлать изъ него лицо трагическое—тутъ было не до нѣжностей. Онъ честенъ, правдивъ и демократъ до мозги костей. А вы не находите въ немъ хорошихъ сторонъ. *Stoff und Kraft* онъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. пустую книгу; дуэль съ П. П. именно введена для нагляднаго доказательства пустоты эlegantно-дворянскаго рыцарства, выставленнаго почти преувеличенно-комически; а какъ бы онъ отказался отъ нея: вѣдь П. П. его побилъ бы.—Базаровъ, по моему, постоянно разбиваетъ П. П., а не наоборотъ, и если онъ называется нигилистомъ, то надо читать: революционеромъ. То, что сказано объ Аркадіи, о реабилитированіи отцовъ и т. д., показываетъ только—виновать! — что меня не поняли. *Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передоваго класса*. Вглядитесь въ лица Н. И., П. П. и Аркадія. Слабость и вялость, и ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хорошихъ представителей дворянства, чтобы тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тему: если сливки плохи, что же молодо?»

И дѣйствительно, нельзя отрицать въ Базаровѣ положительныхъ качествъ, которыми и увлекся Писаревъ, найдя въ Базаровѣ полное олицетвореніе молодого поколѣнія. Тѣмъ не менѣе все-таки отношеніе Тургенева къ Базарову далеко не такое, какого ожидали и требовали люди, увлеченные движеніемъ шестидесятыхъ годовъ; только выведя идеальную личность въ родѣ Инсарова, Тургеневъ могъ удовлетворить этимъ требованіямъ; романъ же былъ преисполненъ ироніи и скептицизма, съ какими относился Тургеневъ и прежде ко всѣмъ выводимымъ героямъ,

начиная съ Рудина. Въ этомъ заключалась главная вина его передъ вѣкомъ, какъ онъ и самъ въ этомъ сознается въ статьѣ по поводу *Отцовъ и Дѣтей*:

„Вся причина недоразумѣній, — говоритъ онъ, — вся, какъ говорится, „бѣда“ состояла въ томъ, что воспроизведенный мною базаровскій типъ не успѣлъ пройти черезъ постепенные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось—какъ на долю Онегина или Печорина—эпохи идеализаціи, сочувственнаго вознесенія. Въ самый моментъ появленія *новаго* человека—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически и объективно. Это многихъ сблизило съ толку—и, кто знаетъ, въ этомъ была, быть можетъ, если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ по крайней мѣрѣ столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ошибка Тургенева заключалась и въ томъ еще, что онъ не призналъ въ новыхъ людяхъ, изображенныхъ въ лицѣ Базарова, энтузіастовъ со всѣми достоинствами и недостатками людей этого сорта; а напротивъ того, они показались ему скептиками, отрицателями, и онъ окрестилъ ихъ *нигилистами*, изъ-за чего и загорѣлся весь сыръ-боръ, какъ онъ и говорить самъ объ этомъ въ той же статьѣ:

„Выпущеннымъ мною словомъ „нигилистъ“ воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося историческаго факта: оно было превращено въ орудіе доноса, безповоротнаго осужденія, почти въ клеймо позора“.

Главная же причина всей этой роковой ошибки заключалась въ томъ, что, начиная съ 1855 года, Тургеневъ большею частью жилъ за границею и бывалъ въ Россіи лишь урывками и весьма непродолжительное время. Онъ слѣдилъ издали за движеніемъ шестидесятихъ годовъ, но не переживалъ его непосредственно въ самомъ его руслѣ, и вотъ мало-по-малу онъ началъ утрачивать присущее ему чутье русской дѣйствительности. Всѣ лучшія произведенія его до романа *Наканунъ* изображаютъ дореформенную Русь сороковыхъ годовъ, которую онъ изучилъ еще въ молодости. Когда же русское общество начало быстро преобразовываться подъ вліяніемъ реформъ шестидесятихъ годовъ, и нравы начали совершенно измѣняться, Тургеневъ не имѣлъ возможности слѣдить внимательно за этимъ измѣненіемъ, живя за границею, и, вмѣсто того, чтобы творить, непосредственно беря изъ дѣйствительности свои образы, ему пришлось руководствоваться зачастую отвлеченными соображеніями, догадками. Главный недостатокъ *Отцовъ и Дѣтей* заключается въ томъ, что большинство молодежи не узнало себя въ Базаровѣ, исключая развѣ одного Писарева, да и тотъ, взявши тургеневского Базарова за исходную точку, создалъ своего собственнаго Базарова.

Это обстоятельство слѣдуетъ взять во вниманіе и при обзорѣ послѣдующей дѣятельности Тургенева, которая съ каждымъ годомъ послѣ того все болѣе и болѣе теряла живую и непосредственную связь съ теченіемъ русской жизни, какую она имѣла въ сороковые и пятидесятые годы. Такъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ *fiasco*, который потерпѣлъ романъ *Отцы и Дѣти*, Тургеневъ написалъ *Довольно* (1864), въ которомъ выразилъ всю обиду и горечь, причиненныя ему разладомъ съ русскимъ обществомъ. Но не одинъ капризъ обиженнаго художника слышится въ этомъ произведеніи. Оно преисполнено разочарованія жизнью въ общемъ ея смыслѣ, и въ немъ вы видите задатки того пессимистическаго настроенія, которое все болѣе и болѣе развивалось въ Тургеневѣ подъ конецъ жизни.

Это пессимистическое настроеніе еще съ большею силою выразилось въ романѣ *Дымъ* (1867), въ которомъ Тургеневъ смотритъ, какъ на дымъ и миражъ, на всю русскую жизнь, со всеѣмъ ея движеніемъ, партіями, кружками; особенно же достается въ этомъ романѣ русскимъ эмигрантамъ въ Лондонѣ, которыхъ Тургеневъ шаржируетъ до того открыто, что напримѣръ Огаревъ изображенъ подѣ весьма прозрачнымъ псевдонимомъ Губарева.

Далѣе затѣмъ, въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности Тургенева, наиболѣе выдаются *Вешнія воды* (1871), — повѣсть, въ которой Тургеневъ вновь воротился къ старой темѣ двѣтущаго періода своей дѣятельности — къ изображенію безхарактернаго помѣщика, и романъ *Новь* (1876) — послѣдняя попытка встать au courant русской жизни, изобразивши движеніе семидесятихъ годовъ; но попытка эта еще разъ показала всю невозможность изображать новые типы и явленія жизни, живя за границею и не изучая ихъ непосредственными наблюденіями. Какъ великій художникъ, Тургеневъ создалъ нѣчто весьма правдоподобное и живое, проведя въ то же время въ романѣ свою возлюбленную тенденцію гамлетства и донкихотства. Но молодые люди семидесятихъ годовъ еще менѣе узнали себя въ выведенныхъ типахъ, чѣмъ поколѣніе шестидесятихъ годовъ — въ Базаровѣ. Неуспѣхъ *Нови*, въ видѣ массы отрицательныхъ критическихъ отзывовъ, произвелъ на Тургенева снова весьма болѣзненное впечатлѣніе и еще болѣе омрачилъ духъ его.

Въ промежуткѣ между вышеупомянутыми произведеніями этого періода Тургеневъ написалъ массу мелкихъ рассказовъ: *Призраки* (1863), *Собака* (1866), *Исторія лейтенанта Ергунова* (1866), *Бригадиръ* (1866), *Несчастная* (1868), *Странная исторія* (1869), *Степной король Лиръ* (1870), *Стукъ-стукъ-стукъ...* (1870), *Пегасъ* (1871), *Конецъ Чертопанова* (1872), *Пунинъ и Бабуринъ* (1874), *Живыя мощи* (1875), *Часы* (1875), *Стучитъ* (1875), *Сонъ* (1876), *Рассказъ отца Алексѣя* (1877). Наконецъ, на смертномъ одрѣ онъ написалъ *Пьесъ торжествующей любви* (1881), *Клару Милль* (1882), *Стихотворенія въ прозѣ* (1882), и *Пожаръ на морѣ* (1883). Все эти произведенія, въ художественномъ отношеніи болѣе или менѣе совершенныя, болѣе или менѣе напоминающія прежняго Тургенева, далеко не имѣютъ того значенія, какъ произведенія первыхъ трехъ періодовъ его дѣятельности. Въ нихъ Тургеневъ жилъ прошлымъ, тѣмъ запасомъ впечатлѣній, какой онъ успѣлъ собрать въ лучшіе годы жизни.

VIII.

Въ качествѣ художника Тургеневъ представляетъ собою безспорно первую величину среди беллетристовъ сороковыхъ годовъ и является достойнымъ преемникомъ Пушкина, ученикомъ котораго онъ всегда себя считалъ. Но ученикъ, при всеѣмъ влияніи учителя, сумѣлъ выработать свой самостоятельный тургеневскій стиль и въ свою очередь вызвалъ массу подражателей, оставивъ послѣ себя глубокой слѣдъ въ русской литературѣ. Тургеневъ, можно сказать, создалъ русскую художественную ловеллу, доведя ее до крайняго совершенства по изяществу и строй-

ности изложенія и расположенія частей, по безыскусственной простотѣ и реализму.

Своеобразность стиля Тургенева заключается въ необыкновенной мягкости и нѣжности тоновъ, при нѣкоторой туманности колорита, напоминающей воздухъ и небо средней полосы Россіи. Вы не найдете у Тургенева ни одной рѣзкой и крупной черты, ни одной яркой краски. Изображаемые предметы не вдругъ предстаютъ передъ вами во весь ихъ ростъ, а медленно вырисовываются въ массѣ мелкихъ деталей, со всеми тончайшими оттѣнками. Наболѣе прославился Тургеневъ въ художественномъ отношеніи своими ландшафтами, разсѣянными по всемъ его произведеніямъ, изображающими преимущественно природу его родины—средней Россіи.

Рядомъ съ этимъ, не меньшимъ мастерствомъ и художественною прелестью отличался Тургеневъ при изображеніи и анализѣ разныхъ перипетій нѣжной страсти, и въ этомъ отношеніи онъ слылъ знатокомъ женскаго сердца. Ему придавали нерѣдко специальный эпитетъ «цѣлца любви». Наконецъ, рядомъ съ мужскими типами, произведенія Тургенева представляютъ цѣлую галерею русскихъ женщинъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, изображенныхъ въ совершенствѣ, поистинѣ гениально. Такіе типы, какъ Наташа въ *Рудинѣ*, Лиза въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*, Елена въ *Наканунѣ*, Ася, сдѣлались нарицательными кличками въ одномъ ряду съ Татьяною и Ольгою Пушкина. Замѣчательно, что, какъ и у всехъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, женщины въ произведеніяхъ Тургенева стоятъ неизмѣримо выше мужчинъ, и онѣ только однѣ представляютъ собою реальные положительные типы въ произведеніяхъ Тургенева. Очень часто героини словно нарочно выводятся во всей своей нравственной высотѣ, чтобы оттѣнить ничтожество выводимыхъ рядомъ съ ними героевъ.

Но не въ одномъ художественномъ,—и въ умственномъ отношеніи Тургенева слѣдуетъ поставить во главѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Готовясь къ ученой карьерѣ, онъ умѣлъ встать во главѣ движенія въ качествѣ образованнѣйшаго человѣка сороковыхъ годовъ, усвоившаго обстоятельно гегелевскую философію, составлявшую тогда послѣднее слово европейскаго прогресса. И если онъ не успѣлъ въ послѣдствіи усвоить новое, положительное міросозерцаніе, то во всякомъ случаѣ всегда оставался свободнымъ мыслителемъ, отрѣшившимся отъ всехъ предрасудковъ грубаго невѣжества.

Подъ конецъ жизни, съ начала шестидесятыхъ годовъ, впервые начали проявляться у него въ произведеніяхъ задатки пессимизма. Такъ, уже въ *Наканунѣ* онъ поразилъ всехъ пессимистическою фразою въ родѣ того, что имѣемъ ли мы право на жизнь и не есть ли уже то, что мы живемъ,—преступленіе, за которое мы должны нести наказаніе въ нашей жизни? Этотъ пессимизмъ окончательно выразился въ произведеніяхъ *Довольно* и затѣмъ въ *Стихотвореніяхъ въ прозѣ*. Источникъ этого пессимизма слѣдуетъ искать во всемъ прошломъ Тургенева, начиная съ отроческихъ впечатлѣній дѣтства, съ растлѣвающего вліянія реакціи пятидесятыхъ годовъ и кончая всею массою жизненнаго опыта и тѣми литературными неудачами, какія потерпѣлъ Тургеневъ во второй половинѣ своей жизни. Не надо при этомъ забывать, что самый

тотъ духъ анализа и скептицизма, какой проникаетъ школу беллетристовъ сороковыхъ годовъ, прямо ведетъ къ пессимизму, какъ и всякій скептицизмъ.

По общественнымъ убѣжденіямъ Тургеневъ всегда былъ и оставался свободомыслящимъ приверженцемъ мирнаго прогресса съ демократической тягой къ народу. Будучи западникомъ, онъ, подобно Герцену и многимъ другимъ людямъ сороковыхъ годовъ, проникался и нѣкоторыми идеями славянофильства, причѣмъ въ одинаковой степени постигалъ недостатки и крайности какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ... «Я, — говоритъ Тургеневъ въ своей статьѣ о Базаровѣ, — коренной, неисправимый западникъ, и нисколько этого не скрывалъ и не скрываю; однако я, несмотря на это, съ особеннымъ удовольствіемъ вывелъ въ лицѣ Панишина (въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*) всѣ комическія и пошлыя стороны западничества и заставилъ славянофила Лаврецкаго разбить его на всѣхъ пунктахъ». И, наоборотъ, въ *Дымѣ* вы найдете рядъ не менѣ сильныхъ филиппикъ противъ славянофиловъ.

Въ качествѣ эстетика Тургеневъ всегда былъ строгимъ реалистомъ. Такъ, въ статьѣ по поводу *Отцовъ и Дѣтей* онъ говоритъ: «Не однажды слышалъ я и читалъ въ критическихъ статьяхъ, что я въ моихъ произведеніяхъ «отправляюсь отъ идеи» или «провожаю идею»; иные меня за это хвалили, другіе, напротивъ, порицали; съ своей стороны, я долженъ сознаться, что никогда не покушался «создать образъ», если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой я бы могъ твердо ступать ногами... И ниже въ той же статьѣ, обращаясь къ молодымъ писателямъ со своими старческими совѣтами, онъ говоритъ: «Нужно постоянное общеніе со средою, которую беремъ воспроизводить, нужна правдивость, правдивость неугомонная въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода возрѣвнѣй и понятій — и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!..»

Этими эстетическими взглядами объясняется и тотъ фактъ, что Тургеневъ въ шестидесятыхъ годахъ очень не жаловалъ французскую литературу въ лицѣ В. Гюго, Дюма, Бальзака; но десять лѣтъ спустя онъ является въ Парижѣ уже другомъ Флобера, Ожье, Додэ и Гонкуровъ, покровителемъ Золя и Мопассана и ставитъ французскую беллетристику на первомъ мѣстѣ въ современныхъ западно-европейскихъ литературахъ. Онъ нашелъ даже время и охоту перевести въ 1877 г. двѣ повѣсти Флобера. Такой поворотъ во мнѣніяхъ Тургенева о французской литературѣ объясняется воцареніемъ въ ней, съ конца шестидесятыхъ годовъ, натуралистической школы, родственной Тургеневу по всѣмъ его русскимъ традиціямъ, и распространенію которой во Франціи онъ много содѣйствовалъ и словомъ, и примѣромъ. Сами французскіе писатели новой школы признаютъ, что Тургеневъ имѣлъ на нихъ сильное вліяніе, и эстетическіе взгляды его были для нихъ своего рода откровеніемъ. Въ бесѣдахъ съ представителями новѣйшаго натурализма онъ доказывалъ имъ необходимость отказаться отъ устарѣлыхъ романтическихъ формъ, отъ романовъ съ придуманными фантастическими и сложными комби-

націями, интригами и манекэнами, вмѣсто живыхъ людей, и требовалъ, чтобы писатели воспроизводили жизнь, ничего, кромѣ жизни. Романъ, говоритъ онъ, есть самая новѣйшая форма художественной литературы, и въ настоящее время, когда литературный вкусъ начинаетъ очищаться, слѣдуетъ отбросить всѣ пошлые приемы, упростить и возвысить это искусство, которое должно быть *исторіей жизни*. Пожъ, лицемѣріе, сентиментальность и трескучая риторика имѣли въ немъ рѣшительнаго противника; но, проповѣдая натурализмъ, онъ никогда не переступалъ извѣстнаго предѣла, строго осуждая крайности, въ которыя впадаютъ французскіе натуралисты.

Гончаровъ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I. Родители и воспитатели Ивана Александровича Гончарова и его дѣтство.—II. Воспитаніе школьное и университетское. Служба. Первые литературные опыты. Знакомство съ литературными кружками. Выходъ въ свѣтъ *Обыкновенной исторіи*.—III. Среда, вліявшая на умственное развитіе Гончарова и складъ его таланта. Различіе качествъ этого таланта отъ тургеневскаго.—IV. Дальнѣйшіе факты его жизни. Путешествіе вокругъ свѣта.—*Фрегатъ Паллада*.—V. *Обломовъ*.—VI. *Обрывъ* и остальные его сочиненія.

I.

Какъ ни были общи всѣмъ беллетристамъ сороковыхъ годовъ обозначенныя нами въ началѣ предыдущей главы особенности, которыя связывали всѣхъ этихъ писателей въ одну школу, эта общность не мѣшала каждому изъ нихъ имѣть свою опредѣленную индивидуальность, свое міросозерцаніе, идеалы, характеръ и приемы творчества, однимъ словомъ, свою авторскую фizioномію, не только не похожую на фizioномію сотоварищей, но представлявшую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полную съ ними противоположность. Поэтому, при изученіи беллетристовъ сороковыхъ годовъ, большую пользу можетъ оказать сравненіе ихъ между собою, рельефно выставляющее особенности каждого.

Такъ, прежде всего бросается намъ въ глаза противоположность между Тургеньвымъ и Гончаровымъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ характеристикѣ литературной дѣятельности Ивана Александровича Гончарова, считаемъ необходимымъ сообщить выдающіеся факты жизни его.

Отецъ И. А. Гончарова былъ однимъ изъ зажиточныхъ симбирскихъ купцовъ. Семейство его проживало въ Симбирскѣ въ большомъ каменномъ домѣ, выходившемъ на три улицы.

„Домъ у насъ былъ,—говоритъ Гончаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что называется, полная чаша, какъ впрочемъ было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, имѣвшихъ близости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки, все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго шпена и всякой провинціи для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня“.

Вотъ среди этой благодати и родился И. А. Гончаровъ 6-го іюля 1812 года. Въ произведеніяхъ каждого писателя, если вы и не найдете прямыхъ біографическихъ свѣдѣній, во всякомъ случаѣ до извѣстной степени отражается духъ, характеръ и многія черты среды и обстановка

дѣтскихъ лѣтъ писателя. Такъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ *Снѣ Обломова* изображена жизнь, похожая на ту, какую наблюдалъ Гончаровъ въ дѣтствѣ въ родительскомъ домѣ. Онъ, впрочемъ, и самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„По пріѣздѣ домой, по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же „обломовщиной“, какою я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же большею частью деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колозями, окруженные канавками, густо заросшими полыно и крапивой, безконечныя заборы; тѣ же деревянные тротуары съ недостающими досками, та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышится, когда за версту ѣдетъ телега или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожіи. Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными сторами и жалюзи, на сонныя фізіономіи сидящихъ по домамъ или попадающихъ на улицѣ лица. „Намъ нечего дѣлать!“—зѣвая, думаетъ, кажется, вслѣдъ изъ этихъ лицъ, глядя дѣшво на васъ:—„мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо контимъ“.

Но, конечно, было бы ошибочно предполагать, чтобы Гончаровъ свою Обломовку съ фотографическою точностью списалъ со своего родительскаго дома. Было въ немъ кое-что и не совѣмъ обломовское.

Дѣтей у Гончаровыхъ было четверо: двое сыновей и двѣ дочери. Отца Гончаровъ лишился рано, когда ему было три года, но ему вполне замѣнилъ родного отца крестный, отставной морякъ, поселившійся въ домѣ Гончаровыхъ и сжившійся съ ихъ семействомъ. Это былъ въ свое время передовой человекъ, масонъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ декабристами; умный, образованный, живой, онъ былъ въ Симбирскѣ предметомъ общей любви и уваженія, и около него собиралось лучшее симбирское общество.

„Якубовъ (какъ называетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ Гончаровъ) былъ крестнымъ отцомъ насъ, четверыхъ дѣтей. По смерти нашего отца, онъ болѣе и болѣе привыкалъ къ нашей семьѣ, потомъ принялъ участіе въ нашемъ воспитаніи. Это занимало его, наполняло его жизнь. Добрый морякъ окружилъ себя нами, принявъ насъ подъ свое крыло, а мы привязались къ нему дѣтскими сердцами, забыли о настоящемъ отцѣ. Онъ былъ лучшимъ совѣтникомъ нашей матери и руководителемъ нашего воспитанія. Якубовъ былъ вполне просвѣщенный человекъ. Образование его не ограничивалось техническими познаніями въ морскомъ дѣлѣ, приобретенными въ морскомъ корпусѣ. Онъ дошлялъ его непрерывнымъ чтеніемъ по всемъ отраслямъ знанія, не жалѣлъ денегъ на выписку изъ столицъ журналовъ, книгъ, брошюръ. Какъ бывало прочтается въ газетѣ объявленіе о книгѣ, которая по заглавію покажется ему интересною, сейчасъ посылаетъ требованіе въ столицу, Романовъ, и вообще беллетристики, онъ не читалъ и зналъ всѣхъ тогдашнихъ крупныхъ представителей литературы по наслышкѣ. Выписывалъ онъ книги историческаго содержанія и газеты.

„Мать наша, благодарная ему за трудную часть взятыхъ на себя заботъ о нашемъ воспитаніи, взяла на себя всѣ заботы о его житьѣ-бытьѣ, о хозяйствѣ. Его дворня, повара, вучера слились съ нашей дворней подъ ея управленіемъ,—и мы жили однимъ общимъ домомъ. Вся матеріальная часть пала на долю матери, отличной опытной хозяйки. Интеллектуальныя заботы достались ему.

„Мать любила насъ не тою сантиментальною, животною любовью, которая изливается въ горячихъ ласкахъ, въ слабыхъ потворствѣхъ и угодливости дѣтскимъ капризамъ и которая портитъ дѣтей. Она умно любила, слѣдя неослабно за каждымъ нашимъ шагомъ, и съ строгой справедливостью распределяла свою симпатію между всеми нами четырьмя дѣтьми. Она была взыскательна и не пропускала безъ наказанія ни замѣчанія ни одной шалости, особенно если въ шалости крылись зерна будущаго порока. Она была неумолима. Зато Петръ Андреевичъ Якубовъ, заступавшій мѣсто отца, былъ отецъ-баловникъ... Бывало напашалишь что-нибудь: влѣзешь на крышу, на дерево, увяжешься съ уличными мальчишками въ сосѣдній салъ, или съ братомъ заберешься на колокольню,—она узнаетъ и пошлетъ человека привести наказанія къ себѣ. Вотъ тутъ-то и спасаешься въ благодѣтельный флигель, къ „крестному“. Онъ уже знаетъ въ чемъ дѣло. Является человекъ или горничная; на зовъ:—Покажите къ маменькѣ!—„Пошелъ!“ или „пошла вонъ!“—лаконически командуетъ морякъ. Гнѣвъ матери между тѣмъ утихаешь, и дѣло ограничивается выговоромъ вмѣсто хлѣба ушей и стоянія на колыняхъ, что было въ наше время весьма распространеннымъ средствомъ смирать и обращать шагуновъ на путь правый..

„По мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся, а я приходилъ въ возрастъ, между мной и нимъ установилась—съ его стороны передача, а съ моей—живая восприимчивость его серьезныхъ техническихъ познаній въ

чистой и прикладной математикѣ. Особенно ясны и неоцѣненны были для меня его бесѣды о математической и физической географіи, астрономіи, вообще космогоніи, потомъ навигаціи. Онъ познакомилъ меня съ картою звѣзднаго неба, наглядно объяснилъ движеніе планетъ, вращеніе земли, все то, чего не умѣли или не хотѣли сдѣлать мои школьные наставники. Я видѣлъ ясно, что они были дѣти передъ нимъ въ этихъ техническихъ, преподаваемыхъ мнѣ имъ, урокахъ. У него были нѣкоторые морскіе инструменты: телескопъ, секстантъ, хронометръ. Между книгами у него оказались путешествія всѣхъ кругосвѣтныхъ плавателей съ Кука до послѣднихъ временъ.

„Я жадно поглощалъ его рассказы и зачитывался путешествіями. „Ахъ, если бы ты сдѣлалъ хоть четыре морскихъ компаній (морскою компаніею считается каждыя полгода, проведенныя въ морѣ), то-то бы порадовалъ меня!“—говаривалъ онъ часто въ заключеніе нашихъ бесѣдъ. Я задумывался въ отвѣтъ на это: меня тогда уже тянуло къ морю или, по крайней мѣрѣ, къ водѣ. Если бы онъ предвидѣлъ, что со временемъ я сдѣлаю пять компаній—да еще кругомъ свѣта!.. Поддавался мистицизму, можно пожалуй подумать, что не одинъ случай только далъ мнѣ такого наставника для будущаго моего дальняго странствованія. Впрочемъ, помимо этого мени нѣрѣдко манили куда-то въ даль широкіе разливы Волги со множествомъ плавающихъ, какъ лебеди, бѣлыхъ парусовъ. Я цѣлые часы мечтательно еще ребенкомъ вглядывался въ эту широкую пелену водъ.

„И по пріѣздѣ въ Петербургъ во мнѣ уживалась страсть къ водѣ. Рассказы-ли „крестнаго“ вмѣстѣ съ прочитанными путешествіями, или широкое раздолье волжскихъ водъ, не знаю что, но только страстишка къ морю жила у меня въ душѣ. Гуляя по Васильевскому острову, я съ наслажденіемъ заглядывался на иностранныя суда и нюхалъ запахъ смолы и пеньковыхъ канатовъ. Я прежде всего посѣщалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ посѣтить Кронштадтъ и осматрѣть тамъ море и все морское.“

Принимая во вниманіе это благотворное вліяніе просвѣщеннаго, гуманнаго и передоваго человѣка на горячо любимаго имъ крестника, слѣдуетъ замѣтить и то очень важное обстоятельство дѣтскихъ лѣтъ Гончарова, что въ домѣ родителей его если и господствовали патріархальныя нравы со всею ихъ освященною вѣками рутинною, то они далеко не имѣли такого мрачнаго и жестокаго характера, каковой мы видѣли въ семьѣ Тургенева.

Крестнаго своего Гончаровъ рисуетъ человѣкомъ вспыльчивымъ, но никогда не исполнявшимъ угрозъ, которыя вырывались у него при вспышкахъ минутнаго гнѣва.—Мать его, судя по всѣмъ даннымъ, въ свою очередь при всей строгости своей была женщина мягкая и добродушная. Однимъ словомъ, Гончаровъ не вынесъ изъ дѣтства такихъ тяжелыхъ, ожесточающихъ воспоминаній, какія вынесъ Тургеневъ, и это одно дѣлаетъ между ними очень важное и существенное различіе.

II.

Элементарное образованіе Гончаровъ получилъ въ городскихъ частныхъ пансіонахъ, между прочимъ у одного священника, жившаго по соседству въ имѣніи княгини Хованской, содержавшаго особенный пансіонъ для дѣтей мѣстныхъ дворянъ. Это былъ человѣкъ образованный, окончившій курсъ въ Казанской духовной академіи, обладавшій щеголеватою внѣшностью и хорошими манерами. Женатъ онъ былъ на французенкѣ, которая преподавала воспитанникамъ мужа свой отечественный языкъ. При этомъ оригинальномъ пансіонѣ Гончаровъ нашелъ и небольшую разрозненную бібліотеку, въ которой попались ему въ руки путешествія Кука и Крашенинникова, Мунго Парка и Палласа, Карамзинъ и Голиковъ, Ролленъ и Милотъ, произведенія Нахимова и Расина, Ломоносова, Державина, Фонвизина и Тасса; дѣтскіе нравоучительные рассказы Беркеля, «Телемакъ» Фенелона, мрачныя романы Ратклифъ, *Саксонскій разбойникъ*, томикъ *Ключа къ таинствамъ природы* Эккарте-

гаузена, *Бова Королевичъ* и *Ерусланъ Лазаревичъ*. Все это было поглощено восприимчивымъ умомъ ребенка огуломъ, и можно представить себѣ, какую путаницу все это водворило въ талантливой головкѣ мальчика.

Въ 1822 году, 10 лѣтъ отъ роду, его отвезли въ Москву для дальнѣйшаго образованія и помѣстили въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ уже съ десятилѣтняго возраста началась для Гончарова жизнь внѣ семейнаго очага; домой съ этихъ поръ прѣзжалъ онъ лишь на лѣто, остальное же время проводилъ въ столицѣ. Продолжая среди ученья читать что ни попаало, онъ успѣлъ до университета познакомиться съ французскими беллетристами, перевелъ даже на русскій языкъ романъ Ев. Сю—*Артаголь*, отрывокъ котораго былъ помѣщенъ въ *Телескопъ* 1832 г.

Къ поступленію въ университетъ Гончаровъ былъ готовъ въ 1830 году, но такъ какъ въ этотъ годъ по случаю холеры университетъ былъ закрытъ, то ему пришлось держать вступительный экзаменъ въ 1831 году. По его словамъ, онъ въ это время зналъ порядочно по-французски, по-нѣмецки, отчасти по-англійски и по-латыни: переводилъ Корнелія Непота à livre ouvert. Незадолго до вступительнаго экзамена изъ министерства народнаго просвѣщенія получило предписаніе требовать отъ вступающихъ въ словесное отдѣленіе знаніе греческаго языка, что привело въ немалое смущеніе Гончарова. «Я и другіе,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—кто поступалъ въ словесное отдѣленіе, бросились на пеструю микроскопическую грамоту, наняли учителя и, отложивъ все прочее, напустились на грамматику и синтаксисъ, и съ этимъ скуднымъ, приобретеннымъ съ грѣхомъ пополамъ, запасомъ явились на экзаменъ. Много воды подлилъ этотъ греческій языкъ и въ мои теплыя надежды. Но все обошлось благополучно... Послѣ я услышалъ, что начальство не желало затруднять вступленіе въ университетъ изъ-за греческаго языка, и предоставило экзаменовать изъ послѣдняго снисходительно, такъ какъ его включили въ программу вступительнаго экзамена поздно...».

Въ университетѣ Гончаровъ пробылъ весь тогдашній трехъ-годовой курсъ, слѣдовательно до 1834 года, слушая Надеждина, Каченовскаго, Шевырева и пр. При общемъ составѣ профессоровъ филологическаго факультета въ Московскомъ университетѣ того времени, не много могъ вынести Гончаровъ изъ пройденнаго курса, и къ тому же онъ не примкнулъ ни къ одному изъ студенческихъ кружковъ, бывшихъ въ Московскомъ университетѣ какъ разъ въ это время, — ни къ кружку Станкевича, ни къ кружку Герцена. Тѣмъ не менѣе университетскій курсъ все-таки прошелъ для Гончарова не безслѣдно, какъ онъ самъ объ этомъ замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Университетскій officialный курсъ кончился, но влияніе университета продолжалось. Потерявъ изъ виду своихъ товарищей словесниковъ, я не забылъ профессоровъ и ихъ указаній. Въ Петербургѣ, тщательно изучая иностранныя литературы, я уже регулировалъ свои занятія по тому методу и по тѣмъ указаніямъ, которые преподавали намъ въ университетѣ наши вышеозначенные любимые профессора».

Во время окончанія университетскаго курса въ 1834 году Гончаровъ былъ, конечно, самымъ пламеннымъ и сантиментальнымъ романтикомъ.

Это была эпоха наибольшаго развитія романтизма среди молодежи. Бѣлинскій какъ разъ въ этотъ самый годъ началъ свою литературную дѣятельность, и въ Москвѣ печатались первыя его статьи, исполненныя восторженнаго идеализма. Поклоненіе Пушкину дошло въ это время до своего апогея, и рядомъ съ этимъ молодежь носилась съ идеалами Шиллера, боготворила Гофмана, что не мѣшало ей зачитываться и Марлинскимъ.

По выходѣ изъ университета Гончаровъ поѣхалъ на родину, гдѣ сразу охватила его родная обломовщина. «Меня охватило,—говорить онъ,—какъ паромъ, домашнее баловство. Многіе изъ читателей, конечно, испытали сладость возвращенія послѣ долгой разлуки къ роднымъ и поймутъ, что я на первыхъ порахъ весь отдался сладкой нѣгѣ ухода, внимательности Домашніе не даютъ пожелать чего-нибудь: все давно готово, предусмотрено трѣбно. Кромѣ семьи, старые слуги съ нянькой во главѣ смотрятъ въ глаза, припоминаютъ мои вкусы, привычки, гдѣ стоялъ мой письменный столъ, на какомъ креслѣ я всегда сидѣлъ, какъ постлать мнѣ постель. Поваръ припоминаетъ мои любимыя блюда — и всѣ не наглядятся на меня».

Цѣлый годъ прожилъ Гончаровъ на родинѣ, не совсѣмъ впрочемъ въ праздности, такъ какъ вскорѣ по приѣздѣ былъ завербованъ на мѣсто секретаря въ губернскую канцелярію, и такъ какъ черезъ годъ губернаторъ былъ отозванъ въ Петербургъ, то и Гончаровъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ туда (1835) со всею его канцеляріею.

Приѣхавъ въ Петербургъ, Гончаровъ поступилъ на службу по министерству финансовъ, въ департаментъ внѣшней торговли сначала переводчикомъ, потомъ столоначальникомъ. Съ этихъ поръ начинается важный въ его жизни періодъ формировки его нравственнаго и умственнаго міра и развитія таланта. Къ сожалѣнію, мы можемъ сообщить объ этомъ періодѣ лишь такія скудныя свѣдѣнія, что въ свободные отъ службы часы Гончаровъ занимался переводами изъ Шиллера, Гёте (проза), Винкельмана, а также англійскихъ романовъ. Писалъ ли онъ что-либо оригинальное въ первыя пять лѣтъ своего пребыванія въ Петербургѣ, хотя бы лишь для себя, въ видахъ развитія таланта, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ по его собственнымъ словамъ (въ статьѣ *Лучше поздно, чѣмъ никогда*), задумывался и писался романъ *Обыкновенная Исторія*. По содержанію же этого романа мы можемъ судить, что къ началу сороковыхъ годовъ, Петербургъ успѣлъ уже сдѣлать съ Гончаровымъ то же, что сдѣлалъ онъ и съ героемъ романа Гончарова Александромъ Адуевымъ, т. е. обломать крылья мечтательной фантазіи и взбалмошнаго, сантиментальнаго провинціального романтика превратить въ реалиста черезчуръ уже, какъ увидимъ ниже, трезваго. Гончаровъ самъ въ статьѣ *Лучше поздно, чѣмъ никогда* такими словами связываетъ первый романъ со своею личностью:

„Когда я писалъ *Обыкновенную Исторію*, я, конечно, имѣлъ въ виду и себя, и многихъ подобныхъ мнѣ, учившихся дома или въ университетѣ, жившихъ по затѣшьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага со слезами, съ проводами (какъ въ первыя главахъ *Обыкновенной Исторіи*) и являвшихся на главную арену дѣятельности, въ Петербургъ“.

Когда писалась *Обыкновенная Исторія*, Гончаровъ вращался уже въ литературныхъ кружкахъ. Онъ сблизился съ семействомъ Майковыхъ и

по словамъ И. И. Панаева, много содѣйствовалъ въ развитіи таланта А. Майкова, будущаго поэта, тогда лишь подававшаго большія надежды подростка. Въ томъ же семействѣ бывалъ нѣкто Солоницынъ, богатый и прекрасно образованный человѣкъ, занимавшійся воспитаніемъ Майковыхъ по искренней дружбѣ, связывавшей его съ семействомъ. Солоницынъ былъ страстнымъ охотникомъ до всякихъ домашнихъ торжествъ, предпріятій и затѣй, потому, желая поощрить своихъ юныхъ воспитанниковъ къ занятіямъ литературою, видя въ нихъ склонность къ этому, онъ задумалъ издавать въ домашнемъ кружкѣ Майковыхъ небольшой журналъ, принявъ на себя переплетеніе и переписываніе его нумеровъ. Въ этомъ же журнальцѣ появились и первые литературные опыты Гончарова въ видѣ двухъ небольшихъ, тщательно отдѣланныхъ эпизодическихъ разсказовъ юмористическаго содержанія.

Въ 1846 году Гончаровъ познакомился съ Бѣлинскимъ и кружкомъ молодыхъ литераторовъ, группировавшихся вокругъ него и въ слѣдующемъ году составившихъ редакцію *Современника*. И вотъ, въ 1847 году, въ первыхъ книжкахъ возобновленнаго *Современника* была напечатана *Обыкновенная Исторія*, сразу привлекавшая общесъ вниманіе и снискавшая автору громадныя успѣхи среди читающей публики. Въ слѣдующемъ же, 1848 году, тоже въ *Современникѣ* былъ напечатанъ небольшой очеркъ изъ чиновничьяго быта *Иванъ Поджабринъ*.

III.

Мы говорили выше, что Гончарову не удалось сойтись въ университетѣ ни съ однимъ изъ существовавшихъ въ то время кружковъ. Почти прямо со школьной скамьи пріѣхавши въ Петербургъ зеленымъ и прекраснороднымъ романтикомъ въ родѣ Адуева, онъ, подобно герою своему, сразу окунулся въ чиновничій міръ холодныхъ и чертовыхъ практическихъ дѣльцовъ въ духѣ дядюшки Петра Ивановича Адуева. Это была та самая среда бюрократическаго оппортунизма, о которой мы не разъ уже говорили въ этой книгѣ,—среда, не чуждая либерализма въ самой умѣренной дозѣ, радовавшая противъ крѣпостнаго права и стремившаяся къ европейскому прогрессу на буржуазной основѣ и съ англійскими порядками. Герою этой среды и ея воплощеніемъ явился именно Петръ Ивановичъ Адуевъ, въ которомъ Гончаровъ видитъ «слабое мерцаніе сознанія необходимости труда настоящаго, не рутиннаго, а *живого дѣла* въ борьбѣ со всероссійскимъ застоємъ». Это «живое дѣло» заключалось въ томъ, что, достигши значительнаго положенія въ службѣ, Адуевъ, будучи директоромъ, тайнымъ совѣтникомъ, сдѣлался заводчикомъ. «Тогда,—замѣчаетъ Гончаровъ объ этомъ обстоятельстве,—отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ это была смѣлая новизна, чуть не *униженіе* (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца не было лестно».

Итакъ, вотъ каковы были руководители Гончарова. Въ то время, какъ Тургеневъ, войдя въ кружокъ Бѣлинскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ отрѣпался отъ романтизма путемъ философскаго мышленія и усвоенія

широкихъ общественныхъ идеаловъ, Гончаровъ тотъ же самый процессъ совершалъ подъ вліяніемъ тайныхъ совѣтниковъ, державшихъ дѣлаться заводчиками.

Это не замедлило отразиться какъ на міросозерцаніи Гончарова, такъ и на характерѣ его творчества. По міросозерцанію Гончаровъ рѣзко отличается отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, особенно отъ Тургенева, тѣмъ, что у него вы и тѣни не увидите того скептического взгляда на жизнь и людей, тѣхъ философскихъ «рефлексій», какими преисполнены всѣ прочіе беллетристы этой школы. Взгляды Гончарова, напротивъ того, отличаются средневѣковою непосредственностью, и въ этомъ отношеніи онъ болѣе всего приближается по своему міросозерцанію къ Гоголю. Онъ не столько анализируетъ жизнь, старается заглянуть въ глубь ея, сколько созерцаетъ ее во всемъ ея наружномъ, внѣшнемъ разнообразіи. Эта непосредственность созерцанія при полномъ отсутствіи анализа и была причиною того опредѣленія таланта Гончарова, которое сдѣлалъ Бѣлинскій при появленіи *Обыкновенной Истории*, что Гончаровъ— «поэтъ, художникъ и больше ничего», у него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: «кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона», и что «изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ...».

Изъ этого непосредственнаго созерцанія жизни проистекаютъ два главные свойства творчества Гончарова, отличающія его отъ Тургенева. Тургеневъ рѣдко вдается въ подробныя описанія внѣшнихъ аксессуаровъ жизни. Даже при изображеніи героевъ рассказовъ своихъ, онъ ограничивается обыкновенно самыми главными, наиболѣе выдающимися, чертами и старается поскорѣе проникнуть въ глубь жизни, опредѣлить философскій внутренній смыслъ изображаемаго предмета или личности. У Гончарова же, напротивъ того, преобладаетъ въ изображеніяхъ внѣшняя пластика, стремленіе обрисовывать предметы во всѣхъ ихъ разнообразныхъ и мелкихъ подробностяхъ. Этимъ своимъ качествомъ онъ опять-таки наиболѣе подходитъ къ Гоголю, который славился именно своею страстью вдаваться въ «фламандской кухни пестрый соръ» и въ тину мелочей и дразгъ повседневной жизни.

Рядомъ съ этою особенностью мы видимъ другую, совершенно противоположную, которая въ свою очередь выходила изъ отсутствія анализа, и которую Гончаровъ тоже раздѣлялъ съ Гоголемъ: именно страсть къ широкимъ обобщеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, анализъ потому уже чуждъ бываетъ широкихъ обобщеній, что стремится разлагать жизнь на ея составные элементы. Поэтому образы Тургенева конкретны. Вы не можете указать ни на одинъ изъ созданныхъ имъ типовъ интеллигентныхъ современниковъ, чтобы типъ вполне и всесторонне обнималъ людей сороковыхъ годовъ. Для изученія этихъ людей вы должны взять цѣлый рядъ выведенныхъ Тургениевымъ характеровъ въ произведеніяхъ, писанныхъ въ различное время,—и Рудина, и Лавредкаго, и Веретьева, и Литвинова,—и сами уже потрудитесь найти нѣчто общее между всѣми этими героями. У Гончарова же въ лицѣ Рай-

скаго изображены люди сороковыхъ годовъ въ ихъ наиболѣе типическихъ особенностяхъ и чертахъ, и Райскій вполне выражаетъ собою поколѣніе своего вѣка.

Въ *Обыкновенной Исторіи* уже успѣли ярко выступить всѣ эти качества творчества Гончарова. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ прежде всего указать вотъ на какое обстоятельство, ускользавшее до сихъ поръ отъ вниманія всѣхъ, писавшихъ объ этомъ романѣ Гончарова: именно—несмотря, повидимому, на вполне органическое появленіе этого романа изъ вѣяній чисто русской жизни, замѣчается тѣмъ не менѣе нѣкоторое отдаленное сходство между этимъ романомъ и *Орасомъ* Жоржъ Зандъ. Примите при этомъ въ соображеніе то обстоятельство, что *Орасъ* появился въ свѣтъ въ 1841 г. и былъ новинкою какъ разъ въ то самое время, когда Гончаровъ задумалъ *Обыкновенную Исторію*. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что задуманъ былъ этотъ романъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ *Ораса*, и это впечатлѣніе сказалося въ немъ до извѣстной степени. Конечно, между *Орасомъ* и Адуевымъ большая разница въ томъ отношеніи, что оба героя живутъ въ совершенно различной средѣ: одинъ—въ свободной странѣ, въ которой кипѣла политическая жизнь, другой въ Россіи николаевской эпохи; одинъ вслѣдствіе этого могъ увлекаться политикою и биться на баррикадахъ, а другого только и занимали, что одни вещественные знаки невещественныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе между ними вы замѣчаете не мало родственныхъ чертъ. Романъ Жоржъ Зандъ имѣлъ въ свое время совершенно такое же значеніе во французской жизни, какое *Обыкновенная Исторія* имѣла въ нашей. Онъ въ свою очередь въ лоскъ положилъ тѣхъ золотушныхъ и малокровныхъ юношей дворянской и буржуазной среды, которые являлись изъ провинціи въ столицы для устройства карьеры съ гордыми и высокими мечтами подъ влияніемъ романтическихъ идеаловъ тридцатыхъ годовъ, облекались въ чайльд-гарольдскій плащъ и мнили себя избранниками, имѣвшими право презирать все, стоящее вокругъ нихъ, но въ концѣ концовъ выказывали полную несостоятельность въ самыхъ простыхъ и элементарныхъ отношеніяхъ къ людямъ и мирились съ пошленькою дѣйствительностью, со всею ея грязью. Орасъ, сынъ небогатаго буржуазнаго семейства, подобно Александру Адуеву, пріѣзжаетъ изъ провинціи учиться на послѣднія деньги, сколоченныя родителями изъ ихъ скромныхъ избытковъ, поступаетъ на юридическій факультетъ, мечтая сдѣлаться впоследствии политическимъ дѣятелемъ, но мало занимается науками и вообще книгами, чувствуя себя слишкомъ великимъ героемъ для того, чтобы спускаться до такихъ низменностей, какъ зубреніе законовъ и изученіе крючкотворства. Послѣ длиннаго ряда пошлостей и глупостей, оказавшись плохимъ политикомъ, плохимъ товарищемъ и не менѣе плохимъ любовникомъ, онъ мирится на прозаической роли зауряднаго провинціальнаго адвоката и средней руки публициста въ рядахъ оппозиціи.

Сдѣлавши эру во Франціи, романъ Ж. Зандъ не могъ не подѣйствовать какъ своего рода пробуждающій и отрезвляющій ударъ и на нашего пламеннаго романтика въ лицѣ И. А. Гончарова. *Обыкновенная Исторія* и явилась выраженіемъ этого отрезвленія. — Вмѣстѣ со всѣми другими особенностями творчества Гончарова, мы видимъ въ этомъ романѣ еще

одну, которая неизмѣнно повторяется во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ его. Особенность эта, въ свою очередь, имѣетъ совершенно архаическій, средневѣковый характеръ. Подобно тому, какъ средневѣковый человѣкъ мыслить непременно контрастами, рядомъ съ раемъ въ его воображеніи рисовался адъ, рядомъ съ свѣтлымъ ликомъ ангела—мрачный образъ сатаны, и этотъ дуализмъ отражался различнымъ образомъ въ средневѣковомъ искусствѣ; такъ и у Гончарова въ каждомъ романѣ вы встрѣтите на главномъ планѣ параллель двухъ противоположныхъ типовъ: рядомъ съ типомъ отрицательнымъ — типъ положительный, составляющій его противовѣсъ и отбѣняющій его.—Такъ и въ *Обыкновенной Исторіи*, выведя на сцену, въ лицѣ взбалмошнаго романтика Александра Адуева, російскаго Ораса, Гончаровъ въ противовѣсъ ему поставилъ трезваго и разсудительнаго реалиста, но при непосредственности своего міросозерцанія онъ не сталъ долго ломать голову надъ измышленіемъ положительнаго типа, какъ мучались надъ подобнымъ дѣломъ прочіе беллетристы сороковыхъ годовъ, а взялъ перваго попавшагося подъ руки тайнаго совѣтника съ буржуазными наклонностями, наживавъ капиталы коммерческими предпріятіями и состряпавъ изъ него положительный типъ «трезваго реалиста». Вотъ, что говоритъ самъ Гончаровъ о незатѣйливой философіи своего романа:

„Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ отразились и тогдашняя только что начинавшаяся ломка старыхъ понятій и нравовъ — сантиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзій, праздности, — семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (например, любви съ *желтыми цветами* старой дѣвы тетки и т. п.), пустая трата времени, на визиты, на ненужное гостепримство и т. д.

„Словомъ, вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности — къ высокому, великому, изысному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это отживало, уходило: являлись слабыя проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго. Первое, т. е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника — и оттого онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе, т. е. трезвое сознание необходимости дѣла, труда, знанія, выразилось въ дядѣ; но это сознание только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія, и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдаленныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника...

„Адуевъ. — читаемъ мы ниже, кончилъ, — какъ большая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать въ службѣ, писалъ и въ журналахъ (но уже не стихами) и, переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигъ положительныхъ благъ, какъ большинство, занявъ въ службѣ прочное положеніе и выгодно женился; словомъ, обдѣлалъ свои дѣла. Въ этомъ и заключается обыкновенная исторія“.

IV.

Воздавши первымъ своимъ романомъ дань своей юности и осмѣявши ея романтическія увлеченія въ образѣ Александра Адуева, Гончаровъ принялся за другой романъ, далеко уже не столь субъективный, и въ которомъ творчество его проявилось во всей могучей силѣ и въ полномъ расцвѣтѣ. — Надо, впрочемъ, замѣтить, что два остальные романа Гончарова: *Обломовъ* и *Обрывъ*, вышедшіе въ свѣтъ десять лѣтъ спустя одинъ послѣ другого, были задуманы и даже писались почти разомъ. Такъ, мы видимъ, что въ *Иллюстрированномъ Альбомѣ при Современникѣ* 1848—49 гг. былъ помѣщенъ уже *Сонъ Обломова*. Въ слѣдующемъ же, 1849 году, задуманъ и *Обрывъ*, судя по словамъ самого Гончарова въ его воспоминаніяхъ.

„Романъ, — говоритъ онъ, — былъ задуманъ въ 1849 г., когда я, послѣ 14-ти-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ повидаться съ родственниками на Волгу. Тутъ толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій тогда патриархальный бытъ и вмѣстѣ новыя побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминаія дѣтства, — все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончить *Обломова*, котораго была написана первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ“.

Въ 1852 году Гончаровъ, при посредствѣ А. С. Норова, получилъ предложеніе отъ морского министерства отправиться въ кругосвѣтное плаваніе, въ качествѣ секретаря при адмиралѣ Путятинѣ для заключенія торговаго трактата съ Японіей. Гончаровъ согласился на это предложеніе и отправился кругомъ свѣта на фрегатѣ «Паллада». Результатомъ долгаго и труднаго плаванія сначала по морямъ кругомъ свѣта, потомъ черезъ всю Сибирь, были путевыя письма, адресованныя сослуживцамъ, Н. Ф. Козловскому и А. А. Средину. Письма эти въ департаментѣ прочитывались, нумеровались и, когда Гончаровъ вернулся, были переданы ему для обработки. Въ 1856—57 годахъ они вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Фрегатъ Паллада*.

Путевыя письма не мѣшали Гончарову заниматься и обоими романами, которые онъ возилъ вокругъ свѣта, какъ онъ выражается, «въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ, — и говорилъ, рассказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ, кому попало, радуясь своему запасу».

По изданіи *Фрегата Паллады*, Гончаровъ отправился за границу и тамъ на водахъ, въ Маріенбадѣ, кончилъ въ 1857 году своего *Обломова*, и «тогда же, — по его словамъ, — прямо изъ Маріенбада поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ засталъ двухъ-трехъ пріятелей изъ русскихъ литераторовъ, и прочелъ имъ только-что написанныя въ уединеніи на водахъ три послѣднія части *Обломова*, за исключеніемъ послѣднихъ главъ, которыя дописалъ въ Петербургѣ, и опять прочелъ ихъ уже тамъ тѣмъ же лицамъ. Послѣ того весь отдался *Обрыву*, который извѣстенъ былъ тогда въ кружкѣ Гончарова просто подъ именемъ «Художника».

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о *Фрегатѣ Паллада*. Замѣтимъ здѣсь кстати, что при страсти, свойственной людямъ сороковыхъ годовъ, ко всякаго рода художественнымъ описаніямъ, особенно ландшафтамъ и бытовымъ картинамъ, никогда не процвѣтали у насъ въ такой степени путевыя очерки, письма и впечатлѣнія, какъ въ сороковые и пятидесятыя годы. Изъ особенно выдающихся такого рода литературныхъ памятниковъ упомянемъ: *Письма объ Испаніи* В. Боткина, *Путевыя письма изъ Италіи* П. Ковалевскаго, печатавшіяся въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Но во главѣ подобныхъ произведеній по художественному значенію слѣдуетъ поставить *Фрегатъ Паллада*. Здѣсь во всей своей силѣ проявилось лучшее качество таланта Гончарова, мастерство изобразительности, исполненной живой, осязательной пластичности и детальности. — Картины тропической природы, африканскихъ и индѣйскихъ портовъ, — гдѣ останавливался фрегатъ, и передъ наблюдательными взорами художника развертывалась яркая, пестрая жизнь, совершенно чуждая всему, къ чему привыкли его взоры, словно какъ бы какого-то фантастически-сказочнаго характера, — все это представляетъ собою нѣчто единственное по своему совершенству и художественной высотѣ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Но какія волшеб-

ныя картины ни раскрываетъ передъ вами авторъ, онъ все-таки остается горячо любящимъ свою родину со всею бѣдностью и тусклостью ея сѣверной природы; ни на минуту не забываетъ онъ Россіи, и книга его полна остроумныхъ и мѣткихъ сравненій и сопоставленій картинъ или нравовъ чуждыхъ странъ съ родными. Въ то же время ни на минуту не покидаетъ Гончарова его добродушный, веселый юморъ; чудеса тропическихъ странъ не мѣшаютъ ему наблюдать нравы окружающихъ его русскихъ моряковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ плаванье, начиная съ высшихъ чиновъ до приставленнаго къ нему денщикомъ Фаддеева; изображенное лицо здѣсь мало того что живетъ и дышитъ передъ вами, но является въ высшей степени типичнымъ, и повседневная жизнь фрегата рисуется передъ вами во всѣхъ ея деталяхъ.

Встрѣчаются въ книгѣ и такія страницы, которыя показываютъ, что при всѣхъ чудесахъ, какія представлялись глазамъ Гончарова во время его плаванія, голова его не переставала быть сильно занята путешествовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ *Обломовымъ*. Такъ напримѣръ, въ первой же главѣ *Фрегата Паллады* вы видите замѣчательную въ художественномъ отношеніи параллель англичанина и русскаго барина, въ которой рядомъ съ машино-образнымъ энергичнымъ джонъ-булемъ съ поразительною рельефностью рисуется передъ вами типъ рыхлаго, лѣниваго, безпечнаго, не дорожащаго ни временемъ, ни деньгами русскаго помѣщика.

V.

Наконецъ, въ 1858 году былъ напечатанъ въ *Отечественныхъ Запискахъ—Обломовъ*. Нужно было жить въ то время, чтобы понять, какую сенсацию возбудилъ этотъ романъ въ публикѣ и какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ онъ на все общество. Онъ, какъ бомба, упалъ въ интеллигентную среду какъ разъ во время самаго сильнаго общественнаго возбужденія, за три года до освобожденія крестьянъ, когда во всей литературѣ проповѣдывали крестовый походъ противъ сна, инерціи и застоя. Общество приглашалось бодро и энергично стремиться впередъ по пути прогресса, и романъ всѣми своими образами вторилъ этому призыву. Но въ немъ сразу прозрѣло и нѣчто большее, чѣмъ одно служеніе злобѣ дня, нѣчто существенное и глубоко проникающее въ тайники русской жизни. Довольно сказать, что никто не могъ читать романъ, относясь къ типу Обломова объективно, каждый непременно тотчасъ же приравнивалъ этотъ типъ къ себѣ и находилъ въ своей личности то тѣ, то другія обломовскія черты. Это происходило оттого, что въ романѣ даръ обобщеній дошелъ въ авторѣ до своего апогея. Въ *Обломовѣ* выразился не одинъ лишь разившійся на почвѣ крѣпостнаго права помѣщичій типъ,—это типъ племенной, захватывающей въ себѣ черты, свойственныя русскимъ людямъ безотносительно къ тому, къ какому они принадлежатъ сословію или званію. Добролюбовъ былъ какъ нельзя болѣе правъ, когда въ своей знаменитой статьѣ по поводу романа Гончарова приравнивалъ къ *Обломову* всѣхъ героевъ времени, начиная съ Онѣгина и Печорина и кончая Бельтовымъ и Рудинымъ. Онъ могъ бы еще и далѣе вести свою параллель и найти обломовскія черты во всѣхъ когда-либо выведенныхъ въ литературѣ характерахъ.

И въ самомъ дѣлѣ: рядомъ съ лѣнью, доходящею до того, что человекъ не въ силахъ не только дѣлать какое-либо дѣло, но даже и наслаждаться, рядомъ съ барскою изнѣженностью, болѣзненною трусливостью и неспособностью къ мало-мальски энергическому шагу, — всѣми этими чертами, обуславливающимися рабовладѣльческимъ растлѣніемъ, — вы видите въ Обломовѣ и такія качества, въ которыхъ не можете отказать всѣмъ русскимъ людямъ вообще, въ томъ числѣ и никогда крестьянами

И. А. Гончаровъ.

не владѣвшимъ. Таково, напримѣръ, полное отсутствіе инициативы, готовность слѣпо, безпрекословно и пассивно подчиниться первому энергическому призыву и натиску, голубиная кротость и мягкодушіе, исключаяющія мало-мальски энергическій отпоръ противъ покушеній на личныя наши свободу, счастье и благосостояніе. Кто изъ насъ не надѣялся на русское авось, не высказывалъ беззавѣтную безпечность передъ неминуемою бѣдою, не пропускалъ счастья мимо рта, играя въ бирюльки въ то время, какъ слѣдовало ковать желѣзо, пока оно было горячо? Въ

этомъ отношеніи типъ Обломова, еще разъ повторяю, далеко выходитъ изъ рамокъ барскихъ типовъ; это типъ племенной и, можно даже сказать, общечеловѣческой, одинъ изъ тѣхъ вѣковѣчныхъ типовъ, каковы напримѣръ Донъ-Кихоть, Донъ-Жуанъ, Гамлетъ и т. п.

Но, возвысившись безсознательно, одною стихійною силою своего творчества до такой высоты, Гончаровъ въ то же время въ качествѣ мыслителя остался все тѣмъ же бюрократическимъ оппортунистомъ и средневѣковымъ дуалистомъ.—Ему непремѣнно нужно было въ противобѣсъ Обломову поставить энергическаго и дѣятельнаго человѣка. Художественное чутье подсказывало ему въ то же время (подобно тому, какъ и Тургеневу въ его *Наканунѣ*), что искать такого человѣка въ русской жизни было бы напрасно. Къ тому же разъ въ типѣ Обломова обобщены все русскіе люди, то какъ же могли бы они въ то же самое время заключать въ себѣ черты, противоположныя обломовскимъ; это было бы полное противорѣчіе, что сознавалъ и самъ Гончаровъ. Такъ, въ своей статьѣ *Лучше поздно* онъ прямо говоритъ: «Изображая лѣнь и апатію во всей ея широтѣ и закоснѣлости, какъ стихійную русскую черту, и только одно это, я, выставивъ рядомъ русскаго же, какъ образецъ энергіи, знанія, труда, вообще всякой силы, впалъ бы въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, т. е. со своею задачею — изображать застой, сонъ, неподвижность. Я разбивалъ бы цѣлость одной избранной мною для романа стороны русскаго характера».

И вотъ онъ избралъ нѣмца, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями: «Я взялъ родившагося здѣсь и обрусѣвшаго нѣмца и нѣмецкую систему неизнѣженнаго, бодрого и практическаго воспитанія. Обрусѣвшіе нѣмцы (напримѣръ остзейцы), сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнью и, нѣтъ сомнѣнія, сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока посторонняго элемента къ русской жизни — и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во все роды и виды дѣятельности прежде всего свое терпѣніе, persévérance своей расы, а затѣмъ и много другихъ качествъ, и гдѣ бы ни было — въ арміи, во флотѣ, въ администраціи, въ наукѣ, словомъ, всюду — они служатъ съ Россіей и Россіи и большей частью становятся ея дѣтьми».

Созданный такимъ образомъ путемъ не стихійнаго творчества, подымавшаго всегда Гончарова на недосыгаемую высоту, а логическихъ соображеній, Штольцъ вышелъ мертвеннымъ, дѣланымъ, отвлеченнымъ, въ чемъ критика неоднократно упрекала Гончарова. вмѣстѣ съ тѣмъ критика находила въ романѣ недостатокъ дѣйствія и вслѣдствіе этого растянутасть. Дѣйствительно, трудно придумать было бы болѣе энергическое дѣйствіе въ романѣ, въ которомъ главный герой только и дѣлаетъ, что лежитъ на диванѣ и мечтаетъ, а другому, при всей энергичной натурѣ, только и остается, что выжидать, когда героиня Ольга разочаруется въ Обломовѣ и обратится къ нему.

Но важнѣе этой вялости въ развитіи дѣйствія то обстоятельство, что сюжетъ романа представляется неестественнымъ. Дѣло въ томъ, что Обломовъ своею широкою и яркою типичностью совершенно выступаетъ изъ рамокъ романа и разрушаетъ всю иллюзію сюжета. Съ самой первой страницы герой является передъ вами слишкомъ ужъ Обломовымъ, чтобы такая идеальная русская дѣвушка съ чуткою душою и страстными

стремленіями къ дѣятельности, какъ Ольга, могла хоть на минуту увлечься имъ. Трудно допустить, чтобы какъ она, такъ и Штольцъ могли такъ долго возиться съ Обломовымъ и сразу не сообразили, что онъ безнадеженъ! Единственная женщина, вполне подходящая къ Обломову, является въ образѣ Агафьи Матвѣевны, и съ нею одной Обломовъ только и могъ сойтись. Въ такомъ случаѣ не было бы романа. Но развѣ мыслимъ какой бы то ни было романъ въ жизни Обломова? Подобно безсмертнымъ типамъ въ родѣ Плюшкина, Собакевича или Ноздрева, Обломову слѣдовало стоять передъ читателями во весь свой ростъ въ видѣ вѣковѣчнаго портрета. Обломовъ же въ качествѣ героя романа такой дѣвушки, какъ Ольга, является воюющей натяжкой.

VI.

По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія Гончаровъ снова поступилъ на государственную службу столоначальникомъ въ томъ же департаментѣ внѣшней торговли, но вскорѣ, именно въ 1858 году, перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, въ цензурное вѣдомство. Въ 1862 году ему было поручено редактированіе официальной газеты *Сѣверная Почта*. Въ 1873 году, дослужившись до полной пенсіи и генеральскаго чина, онъ вышелъ въ отставку и, проживши остальную жизнь преимущественно въ Петербургѣ, умеръ въ 1891 г., сентября 15-го отъ воспаленія легкихъ и былъ погребенъ 18-го сентября въ Невской лаврѣ.

Въ 1868 году появился, наконецъ, на страницахъ *Вѣстника Европы* послѣдній романъ Гончарова *Обрывъ*. Судя по всему, это было самое любимое дѣтище Гончарова. Задуманный почти въ одно время съ *Обломовымъ*, романъ этотъ писался и обрабатывался вдвое дольше, чѣмъ *Обломовъ*, т. е. почти двадцать лѣтъ, и въ своей статьѣ *Лучше поздно* авторъ посвящаетъ этому роману большее число страницъ.

Но съ *Обрывомъ* произошло то, что часто случается въ жизни: самое любимое и лелѣемое дѣтище не оказалось въ то же время лучшимъ, и романъ далеко не произвелъ на публику того потрясающаго впечатлѣнія, какъ *Обломовъ*; напротивъ того, публика встрѣтила его холодно, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ отнеслись къ нему и враждебно. Такъ какъ романъ былъ задуманъ двадцать лѣтъ тому назадъ и между его началомъ и концомъ протекла цѣлая эпоха полнаго переворота во всѣхъ взглядахъ и нравахъ общества, то нѣтъ ничего мудренаго, что романъ явился какъ бы анахронизмомъ, никого не задѣвавшимъ за живое. Довольно сказать, что для того, чтобы ввести свое произведеніе хоть сколько-нибудь въ струю современности, авторъ долженъ былъ совершенно измѣнить и передѣлать одинъ изъ типовъ, но этимъ онъ испортилъ все дѣло. Безъ этой передѣлки передъ нами былъ бы романъ въ духѣ сороковыхъ годовъ, лишь нѣсколько запоздалый своимъ появленіемъ; передѣлка же искажила его содержаніе и всю фабулу.

Тѣмъ не менѣе въ романѣ вы все-таки найдете рядъ первостепенныхъ достоинствъ. Хотя въ немъ и нѣтъ ни одного такого колоссальнаго по своему захвату типа, какъ Обломовъ, тѣмъ не менѣе даръ обобщеній все-таки не покинулъ автора, и въ романѣ встрѣчаются нѣсколько типовъ во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ. Таковъ, прежде всего, Райскій,

въ лицѣ котораго изображены люди сороковыхъ годовъ такъ полно, всесторонне и рельефно, какъ нигдѣ въ литературѣ. Авторъ чувствовалъ и сознавалъ значеніе этого типа и потому болѣе всего распространился о немъ въ статьѣ *Лучше поздно*. Райскій, по его словамъ, «герой слѣдующей, т. е. переходной эпохи, это—проснувшійся Обломовъ... натура артистическая: онъ воспримчивъ, впечатлителенъ, съ сильными задатками дарованій, но онъ все-таки сынъ Обломова»:

„Райскій—талантъ, но пригтовительная школа для таланта трудная, требующая всего человѣка, для него, выросшаго еще въ періодъ обломовскаго сна, неодолима, и некогда ему было: новая эпоха застала его уже взрослымъ. Онъ бросается къ живописи, отъ живописи къ скульптурѣ, пишетъ романъ, неприготовленный техникой ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ искусствъ. Новыя идеи кипятъ въ немъ: онъ предчувствуетъ грядущія реформы, сознаетъ правду новаго и порывается ратовать за всѣ тѣ большія и меньшія свободы, приближеніе которыхъ чуялось въ воздухѣ. Но только порывается... Онъ, если не спитъ по-обломовски, то едва лишь *проснулся*—и хотя знаетъ, что дѣлать, *но не дѣлаетъ*“...

Не менѣе типична вышла у Гончарова бабушка. Правда, претензіи у автора при изображеніи этого типа были очень велики. Вотъ что говорить онъ объ этихъ претензіяхъ:

„Я писалъ съ русской старой, хорошей женщины или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго доброго времени—коллективно, не думая ни о какой параллели, должно быть, но она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее,—у меня, въ концѣ книги, вырвались послѣднія слова, которыми я и кончилъ романъ. Вотъ они: „За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ его три фигуры: его Вѣра, его Марейнька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполненная фигура, другая великая бабушка—Россія!“

„Вотъ что отразилось или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь!“

Такимъ образомъ, какъ видите, въ лицѣ бабушки авторъ мечталъ изобразить чуть-что не всю Россію или, по крайней мѣрѣ, «старую консервативную русскую жизнь». Но такое широкое и всеобъемлющее обобщеніе автору не удалось, изъ бабушки его вышла все-таки не болѣе какъ бабушка; тѣмъ не менѣе типъ этотъ во всякомъ случаѣ замѣчательнъ, какъ олицетвореніе лучшей старой женщины, какая только могла произрасти на почвѣ патріархальнаго быта. Она составляетъ въ этомъ отношеніи полную параллель съ дѣдушкою Багровымъ въ *Семейной хроникѣ* С. Аксакова.

Далѣе затѣмъ не менѣе замѣчательны типы Вѣры и Марейньки, въ лицѣ которыхъ Гончаровъ, подражая Пушкину, изобразившему въ *Евгении Онегинѣ* два основныя типа русскихъ женщинъ его времени, Татьяну и Ольгу, въ свою очередь вывелъ подобные-же два основныя типа, возросшіе на почвѣ патріархальнаго помѣщичьяго быта,—Марейньку съ ея пассивною натурою, слѣпо подчиняющуюся всѣмъ старымъ преданіямъ своей среды и живущую исключительно одною растительною жизнью, и Вѣру—натуру въ высшей степени активную, страстную, независимую, рвущуюся всѣми силами своей души изъ тенетъ стараго патріархальнаго гнета къ свѣту, на путь свободной и самостоятельной жизни.

Что касается до Софьи Бѣловодовой, то Гончаровъ съ ея несостоятельности.

„Здѣсь,—говоритъ онъ въ той же статьѣ *Лучше поздно*,—я долженъ сознаться въ полной своей несостоятельности въ изображеніи фигуры Софьи Бѣловодовой. Я не зналъ тогда вовсе, и теперь мало знаю кругъ, гдѣ она жила, и тутъ критика вполне права. Это скучное начало, изъ котораго вовсе вехудож-

ственно выглядывает замыселъ, показало, какъ отразилось развитіе новыхъ идей на замкнутомъ кругѣ большого свѣта. И ничего кромѣ претензіи не вышло изъ этой затѣи“.

Но еще болѣе несостоятельнымъ представляется типъ Марка Волохова своею грубою карикатурностью и сочиненностью. Гончаровъ самъ признается, что когда онъ задумывалъ романъ, въ его воображеніи вмѣсто Марка Волохова мелькалъ другой образъ, вполне соответствовавшій тому времени.

„Еще я долженъ сказать,—говоритъ онъ,—что въ первоначальномъ планѣ *Обрыва*, набросанномъ въ 1848 и 1850 годахъ, на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшего, у меня былъ предложенъ сосланный по неблагонадежности подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы или изъ школы либераль за грубость, за неповиновеніе начальству, за то наконецъ, что споесть какую-нибудь русскую марсельезу или провернется дерзко про власть. Такихъ бывало не мало дѣтъ тридцать тому назадъ.

Но какъ романъ развился вмѣстѣ со временемъ и новыми явленіями, то лица, конечно, принимали въ себя черты и духъ времени и событій. Отъ этого и предложенный зародышъ *неблагонадежнаго* превратился къ концу романа уже въ рѣзкую фигуру Волохова, которая появлялась кое-гдѣ въ обществѣ. Въ 1862 году, когда я ѣздилъ вновь по Волгѣ, прожилъ дѣто на родинѣ, былъ въ Москвѣ, мнѣ уже ясно опредѣлилось это лицо“.

И ниже Гончаровъ выражаетъ свое крайнее изумленіе, какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ. «Волоховъ,—воскликаетъ онъ,—будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформѣ—и туда уложило все силы! Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли приобрести громкія имена: неужели это Волоховы!» Новое поколѣніе, по мнѣнію Гончарова, олицетворяется въ его романѣ въ личности Тушина; Волоховъ же представляетъ собою олицетвореніе «новой лжи».

„Волоховъ,—говоритъ онъ,—не социалистъ, не доктринеръ, не демократъ. Онъ радикалъ и кандидатъ въ демагоги: онъ съ почвы празднои теоріи безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствию—и перешелъ бы, если-бъ у насъ могла демагогія выразиться ярче и перейти къ дѣйствию, т. е. если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернаціональная подземная работа и т. п. Онъ и пошелъ бы на это поле работать—искренно, потому что я взялъ не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а—съ его точки зрѣнія—честнаго, т. е. искреннаго челоука, неглупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ—условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плутовъ все узнали бы разомъ и отвернулись бы отъ него“...

Но если допустить, что и въ самомъ дѣлѣ въ лицѣ Марка Волохова изображено не все молодое поколѣніе, а одни только, какъ выражается Гончаровъ, «демократы и демагоги», то и эти люди, какъ бы они, по мнѣнію автора, ни заблуждались, какъ бы ни были ложны ихъ ученія,—далеко не представляли изъ себя такихъ карикатурныхъ квазимодо, какимъ парадируетъ въ романѣ Маркъ Волоховъ, и такимъ образомъ главный *corpus delicti* остается во всей своей силѣ: какъ могла влюбиться въ него Вѣра, гордая, чуткая, изящная?

Въ отвѣтъ на этотъ *corpus delicti* Гончаровъ говорить:

„Мнѣ дѣлали этотъ упрекъ именно въ то самое время, когда это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей жертву за жертвой и наводило почти панику на общество. Упрекаютъ за то, что я записалъ явленіе, явно совершавшееся, какъ будто небывальщину! Развѣ женщины пренебрегали сближеніемъ съ этими оторвавшимися отъ порядка, отъ общества, отъ семействъ, грубоватыми героями „новой силы“, „новаго дѣла“, идеала какого-то „громаднаго будущаго“? Развѣ многія изящныя красавицы не пошли за ними на ихъ чердаки, въ ихъ подвалы, бросивъ одѣ родителей, другія—мужей и—еще хуже—дѣтей? Сколько было слуховъ о какихъ-то фланстеріяхъ, куда уходили гнѣздиться разныя Вѣры? Какія это женщины?—скажутъ мнѣ.—Всякія!—отвѣчу я. Не одні падшія или готовыя къ паденію бросились въ омутъ—нѣтъ. Кто изъ насъ не назоветъ примѣра

такихъ эмиграцій—изъ почтенныхъ семействъ, отъ образованнаго круга,—на поиски новаго труда, новаго счастья, съ принесеніемъ въ жертву лучшихъ женскихъ качествъ, полученныхъ отъ природы и воспитанія, побѣговъ отъ прямого скромнаго дѣла, отъ трудныхъ семейныхъ обязанностей?»

Все это прекрасно. Но какъ ни были грубоваты герои, увлекавшіе Вѣрѣ на свои чердаки, между грубоватостью Базарова и грубою карикатурностью Марка Волохова большое разстояніе. А главное дѣло въ томъ, что, по собственнымъ словамъ Гончарова, дѣйствительные герои *увлекали разныхъ Вѣрѣ на свои чердаки*, и увлекали не одною только силою чувственности, а и своими ученіями, которыя, какъ бы ни казались ложными писателямъ сороковыхъ годовъ и въ томъ числѣ Гончарову, тѣмъ не менѣе обаятельно дѣйствовали на юныя сердца, и прежде чѣмъ Вѣра упала въ объятія Марка Волохова, у нея должны были бы радикально измѣниться ея взгляды и на жизнь, и на отношенія къ окружающимъ людямъ. Такъ именно всегда происходило въ явленіяхъ, о которыхъ говоритъ Гончаровъ. Между тѣмъ въ романѣ этого нѣтъ, въ чемъ и заключается величайшая ошибка со стороны автора. Маркъ Волоховъ по отношенію къ Вѣрѣ является только оболъстителемъ, не думая увлекать ее на какіе-либо чердаки, и въ этомъ отношеніи является вполне вѣрнымъ первоначальному замыслу романа, когда на его мѣстѣ долженъ былъ парадировать «неблагонадежный» человѣкъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, конечно ужъ съ печоринскимъ пошибомъ, т. е. являвшійся Донъ-Жуаномъ, оболъщавшимъ и бросавшимъ провинціальныхъ барышень, не внося въ ихъ головы никакого новаго содержанія. Но таковы ли были люди шестидесятыхъ годовъ даже хотя бы и тѣ, которыхъ Гончаровъ именуешь «представителями новой лжи?»

Но и Тушинъ, олицетворявшій въ романѣ лучшую часть молодого поколѣнія и являющійся представителемъ новой правды, нельзя сказать, чтобы былъ удаченъ. Онъ является такимъ же дѣланымъ, сочиненнымъ и мертвеннымъ, какъ и Штольцъ, такую же играетъ въ романѣ и роль параллельнаго контраста.

Однимъ словомъ, какъ философія романа, такъ и всѣ выведенныя въ немъ новыя пореформенныя явленія русской жизни стоятъ ниже всякой критики, и романъ цѣненъ лишь картинами старой, дореформенной помѣщичьей жизни, въ которыхъ Гончаровъ является все тѣмъ же крупнымъ художникомъ—съ одной стороны широкимъ обобщителемъ, съ другой—жаристомъ, исполненнымъ свойственнаго ему русскаго, добродушнаго юмора.

Характеристику *Обрыва* мы можемъ покончить обзорѣніе литературной дѣятельности Гончарова. Все то небольшое, что вышло въ свѣтъ въ послѣдніе годы его жизни, *Литературный вечеръ* (1877), *Милліонъ терзаній* (1881), *Замѣтки о личности Бѣлинскаго* (1884), *Лучше поздно, чѣмъ никогда*, *Воспоминанія*, *Слуги*, заключая въ себѣ большія или меньшія достоинства, свойственныя таланту Гончарова, въ то же время ничего не прибавили къ славѣ его, не играли какой-либо роли въ русской литературѣ и не оставили въ ней рѣзкаго слѣда.

Значеніе Гончарова въ нашей литературѣ основывается лишь на трехъ его большихъ романахъ. Болѣе-же всего Гончаровъ всегда будетъ чтиться въ нашей литературѣ, какъ творецъ *Обломова*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ отличіи его отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Дѣтскіе и юношескіе годы его, до севастопольской кампаніи включительно.—II. Характеристика его произведеній этого періода его жизни.—III. Увлеченіе прогрессомъ конца пятидесятихъ годовъ и первыя сомнѣнія въ немъ и въ европейской цивилизаціи вообще. Произведенія петербургскаго періода его жизни.—IV. Гр. Толстой въ деревнѣ. Его педагогическая дѣятельность; педагогическія статьи и начало полнаго отрицанія и скептицизма во всемъ окружающемъ.—V. Пятнадцать лѣтъ жизни послѣ женитьбы. Раздвоеніе. Романъ *Война и миръ*.—VI. Духовный переворотъ на пятидесятомъ году его жизни. Связь этого переворота съ прежнимъ теченіемъ мыслей гр. Толстого. Результаты переворота. VII. Романъ *Анна Каренина*. Теолого-моральныя сочиненія гр. Толстого и прочія произведенія послѣднихъ лѣтъ его жизни.

I.

Въ то время, какъ въ Тургеневѣ мы видимъ западника и либерала съ нѣсколько краснымъ оттѣнкомъ, въ Гончаровѣ—представителя буржуазныхъ и оппортунистическихъ идеаловъ петербургскихъ дѣльцовъ и бюрократовъ, гр. Толстой отличается тѣмъ, что въ произведеніяхъ его глубже и сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, выразился духъ времени, такъ какъ ни у одного изъ писателей этой школы анализъ и скептицизмъ, присущіе ей, не доходили до такой безпощадной послѣдовательности, глубины и радикальности, и ни одинъ не приблизился въ такой степени къ демократическимъ и народнымъ идеаламъ. Тургеневъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и прозорливостью ставилъ гр. Толстого цѣлою головою выше всѣхъ прочихъ своихъ сотоварищей, называлъ его слономъ и великимъ писателемъ земли русской. И дѣйствительно, гр. Толстой принадлежитъ къ числу тѣхъ гениальныхъ натуръ, въ душѣ которыхъ каждое впечатлѣніе жизни вызываетъ глубокой и неизгладимый слѣдъ. Малѣйшіе диссонансы и противорѣчія, мимо которыхъ мы проходимъ равнодушно, отзываются въ нихъ болѣзненною мукою. Пытливый и ни на минуту не успокоивающійся умъ ихъ постоянно стремится проникнуть въ сущность вещей. Вслѣдствіе этого въ глубинѣ ихъ души лежитъ постоянно тяжелая тоска, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль ихъ имѣетъ неудержимую склонность погружаться въ мистическія бездны. Они словно нарочно бывають созданы для того, чтобы носить въ себѣ скорби своего вѣка и быть искушительными жертвами за своихъ современниковъ, хотя бы въ томъ только отношеніи, что имъ приходится болѣть за нихъ своею вѣчно страждущею душою.

Но при всей гениальности гр. Толстой не былъ въ состояніи далеко уйти отъ своего вѣка, среды и сверстниковъ.—Большая послѣдовательность въ скептицизмѣ и отрицаніи привела его лишь къ тому, что онъ не могъ ни съ чѣмъ помириться въ окружающей его жизни, ни на чемъ успокоиться, какъ мирились и успокаивались нѣкоторые изъ его современниковъ. Но въ то же время онъ не въ силахъ былъ дойти до той высоты развитія, на которой онъ предвидѣлъ бы обѣтованную землю впереди. И вотъ, будучи не въ силахъ долго оставаться въ торричеллиевой пустотѣ скептицизма и отрицанія, не предугадывая ничего впереди, онъ бросился назадъ—искать идеаловъ и успокоенія въ вѣроученіяхъ древняго Востока. Тамъ онъ весьма естественно ничего не могъ найти, кромѣ

однихъ личныхъ идеаловъ самосовершенствованія. Онъ не обратилъ вниманія, что человѣчество не даромъ прожило послѣ того около двухъ тысячъ лѣтъ и, хотя бы въ лицѣ немногихъ передовыхъ людей, дошло до идей коллективизма, неизвѣстнаго мудрецамъ древняго Востока. Гр. Толстому тѣмъ естественнѣе было увлечься ветхими идеалами личнаго самосовершенствованія, что юность его протекла въ такую эпоху, когда идеалы личнаго самосовершенствованія стояли на первомъ планѣ и составляли суть русскаго прогресса. Въ этомъ и заключается ахиллесова пята гр. Толстого, которая привела его ко всѣмъ заблужденіямъ послѣднихъ лѣтъ его литературной дѣятельности.

Гр. Л. Н. Толстой родился въ 1828 году 28 августа, въ селѣ Ясная Поляна, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Мать свою, урожденную княжну Марью Николаевну Волконскую, онъ потерялъ, когда ему не было еще и двухъ лѣтъ, и первыми его воспитательницами и наставницами были Т. А. Ергольская, дальняя родственница Толстыхъ, и графиня А. И. Остенъ-Сакенъ, тетка его по отцу. Въ 1837 году, когда Толстому было девять лѣтъ, вся семья переѣхала въ Москву, и вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его, Николай Ильичъ. Послѣ смерти отца Толстой съ братомъ Дмитріемъ и сестрой Марією снова переѣхали въ деревню, а братъ Николай остался при графинѣ А. И. Остенъ-Сакенъ и посѣщалъ Московскій университетъ. Черезъ три года, со смертью графини, опека перешла къ теткѣ по отцу гр. Толстого, П. И. Юшковой, жившей въ Казани, куда переселился и гр. Толстой. Въ 1843 г. онъ поступилъ въ Казанскій университетъ на филологическій факультетъ, но пробылъ на этомъ факультетѣ всего одинъ годъ, такъ какъ при переходѣ изъ перваго курса во второй былъ сръзанъ профессоромъ русской исторіи, поссорившимся передъ тѣмъ съ его домашними, и сверхъ того получилъ единицу изъ нѣмецкаго, несмотря на то, что зналъ нѣмецкій языкъ лучше всѣхъ однокурсниковъ. Тогда онъ принужденъ былъ перейти на юридическій факультетъ, гдѣ пробылъ два года—и въ 1848 г. держалъ экзаменъ на кандидата въ С.-Петербургскомъ университетѣ. «Буквально ничего не зналъ,—сообщаетъ онъ въ своей статьѣ *Воспитаніе и образованіе*,—и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе баллы изъ гражданскаго и уголовнаго права, готовясь изъ cadaго предмета не болѣе недѣли».

Сдавши кандидатскій экзаменъ, гр. Толстой переѣхалъ въ Ясную Поляну и здѣсь прожилъ до 1851 года. Въ этомъ году онъ поступилъ юнкеромъ въ 44-ю батарею 20-й артиллерійской бригады. Батарея эта стояла на Терекѣ въ станицѣ Старо-Медовской. Здѣсь гр. Толстой пробылъ четыре года до начала турецкой войны.

По всѣмъ этимъ даннымъ вы можете судить, что онъ былъ вполне деревенскимъ жителемъ. По крайней мѣрѣ, изъ первыхъ двадцати трехъ лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ городахъ не болѣе пяти лѣтъ, да и тѣ неполныя. А затѣмъ двадцати-трехъ лѣтъ, поступивши на службу, онъ перешелъ на лоно роскошной кавказской природы, и ему пришлось переживать всѣ тревоги и сильныя впечатлѣнія военной, боевой жизни. Надо полагать, что кавказская природа и боевая жизнь, полная приключеній и разнообразныхъ столкновеній съ людьми, дѣйствуя на воображеніе молодого человѣка, не мало способствовали развитію его таланта.

По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что четыре года пребыванія на Кавказѣ были годами пробужденія его творчества и первыхъ опытовъ, обратившихъ на него вниманіе печати и публики. Такъ, въ это время были написаны имъ: *Дѣтство*, *Набѣгъ*, *Отрочество*, *Утро помѣщика*, *Казакъ*.

Во время турецкой кампаніи гр. Толстой былъ прикомандированъ къ штабу князя М. Д. Горчакова при дунайской арміи. Въ 1855 году получилъ командованіе горной батареей, принималъ участіе въ сраженіи при Черной 4-го августа, былъ при штурмѣ Севастополя 27-го августа; плодомъ этого участія въ севастопольской войнѣ явились военные рассказы: *Севастополь въ декабрь*, *Севастополь въ май*, *Рубка лѣса* и *Севастополь въ августъ* (1855—1856 г.). Тогда же появились шуточные стихотворныя легенды Севастополя, которыя общій голосъ приписываетъ гр. Толстому.

II.

Уже въ первыхъ произведеніяхъ гр. Толстого вы видите задатки того развѣдающаго анализа, которымъ отличаются позднѣйшія его произведенія. Такъ напримѣръ, возьмите вы хотя бы *Дѣтство*, *Отрочество* (*Юность*, составляющая ихъ продолженіе, относится къ концу пятидесятихъ годовъ). Какою юношескою свѣжестью вѣетъ отъ нихъ; сколько обаятельной, чарующей поэзіи находите вы въ описаніи красотъ природы, дѣтскихъ впечатлѣній, игръ, симпатій и антипатій ребенка! И тѣмъ не менѣе беспощадная проза таится въ этихъ произведеніяхъ. Читая ихъ, вы видите, какъ шагъ за шагомъ изъ ребенка, исполненнаго прекрасныхъ задатковъ, вырабатывается пошлый, тщеславный фатъ и совершенно пустопорожній копитель неба. Васъ поражаетъ здѣсь полная изолированность ребенка отъ жизни взрослыхъ, совершенная отчужденность его отъ интересовъ семьи. Онъ не участвуетъ ни въ какихъ трудахъ своихъ родныхъ, ихъ радостяхъ и печаляхъ. Передъ нимъ мать истаяваетъ въ слезахъ при видѣ легкомыслія мужа, губящаго семейство, и сходитъ въ могилу обманутая, униженная, оскорбленная, почти брошенная въ деревенскомъ захолустьѣ; все это остается совершенно незамѣченнымъ ребенкомъ, безъ малѣйшаго протеста или простого вопроса о томъ, что дѣлается вокругъ него.

Изолированный такимъ образомъ отъ жизни, ребенокъ предоставленъ полной умственной и нравственной праздности. У него возникаютъ на каждомъ шагѣ живые вопросы по поводу всего окружающаго, но никто не забывается дать на нихъ отвѣты; вмѣсто этого мальчика забиваютъ рутинною школьною дрессировкою, ученіемъ французскихъ и нѣмецкихъ вокабулъ, рѣкъ, городовъ и историческихъ фактовъ съ докучною хронологіей. Не находя пищи и содержанія извнѣ, умъ юноши начинаетъ пожирать самого себя, углубляется въ рядъ отвлеченнѣйшихъ вопросовъ и строитъ гипотезы и теории въ духѣ стоицизма, эпикуреизма или-же путается въ безысходномъ скептицизмѣ. Въ нравственномъ мірѣ героя вы видите то же отвлеченное, фантастическое содержаніе за недостаткомъ реальнаго. Не приученный ни къ какому труду, успѣшное совершеніе котораго удовлетворяло бы его самолюбіе, юноша ищетъ этого удовлетворенія, воображая

себя олицетвореніемъ разныхъ величественныхъ идеаловъ; но дѣйствительность на каждомъ шагу разрушаетъ его иллюзіи, и мальчикъ вдругъ начинаетъ чувствовать себя ничтожнымъ и жалкимъ, стыдится за каждое свое слово и движеніе.

Результатомъ подобнаго противоестественнаго воспитанія, которому подвергается большинство юношей привилегированныхъ классовъ, и является полное отсутствіе всякаго внутренняго содержанія, неудержимое стремленіе къ внѣшнему блеску и, вмѣсто какихъ бы то ни было нравственныхъ основаній и правилъ, соблюденіе одного свѣтскаго комъ-иль-фотства при напыщенномъ презрѣніи и ненависти ко всему не комъ-иль-фотному. Иронія гр. Толстого съ особенною силою обнаруживается, когда онъ показываетъ, что даже такой религіозный актъ, какъ говѣнье, въ подобнаго рода герояхъ не можетъ ограничиться однимъ безхитростнымъ чувствомъ благоговѣнія, а соединяется съ рисовкою и любованіемъ собою, и здѣсь графъ Толстой впервые поражаетъ насъ въ сценѣ съ извозчикомъ тѣмъ сопоставленіемъ извращеннаго умственно и нравственно, изолгавшагося барства съ простотою, цѣльностью и здравымъ смысломъ народа. Въ восклицаніи извозчика: «А что, баринъ, ваше дѣло господское!..»—вы видите уже передъ собою того самаго гр. Толстого, величіе котораго впослѣдствіи заключалось главнымъ образомъ въ подобнаго рода сопоставленіяхъ.

Прочія произведенія гр. Толстого этого періода представляютъ собою изображеніе дальнѣйшей судьбы того самаго умственно и нравственно извращеннаго героя, воспитаніе котораго изображено въ *Дѣтствѣ*, *Отрочествѣ* и *Юности*. Такъ, на первомъ планѣ мы видимъ повѣсть *Утро помѣщика*, представляющуюся отрывкомъ изъ неоконченнаго романа *Русскій помѣщикъ*. Въ этой повѣсти впервые проявилось различіе гр. Толстого отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Какъ Тургеневъ, такъ и Гончаровъ выставляли обыкновенно безхарактерность героевъ помѣщичьей среды главнымъ образомъ по отношенію къ любимымъ женщинамъ, лишь вскользь и мимоходомъ упоминая о всѣхъ прочихъ фактахъ ихъ жизни. Въ то же время они предполагали, что не всѣхъ погловно развращаетъ среда, являются въ ней люди очень порядочные и полезные, въ родѣ Волинцева, Лежнева, и даже возможны такіе идеальные герои, какъ Штольцъ и Тушинъ. Гр. Толстой въ своихъ первыхъ разсказахъ совсѣмъ не имѣетъ дѣла съ любовью и рисуетъ своихъ героевъ въ столкновеніи ихъ съ различными слоями общества, преимущественно же съ народомъ, изображаетъ ихъ совершающими дѣло жизни. Въ то же время онъ изображаетъ не одни только пороки и недостатки, свойственные людямъ помѣщичьей среды, а обращаетъ вниманіе на ложность самаго общественнаго положенія ихъ и показываетъ, что при всѣхъ моральныхъ совершенствахъ, при всемъ энергическомъ стремленіи къ добру и пользѣ, условія ихъ жизни и отношенія къ людямъ столь не нормальны, что самыя почтенныя и энергическія усилія парализуются, или же, что еще хуже, превращаются въ попраніе челоуѣческихъ правъ, и вмѣсто добра и пользы получаютъ вредъ и зло.

Надо полагать, что и всѣ повѣсти этого времени: *Утро помѣщика*, *Казакъ*, равно и написанныя впослѣдствіи—*Альбертъ* и *Люцернъ*, если не заключаютъ въ себѣ въ буквальномъ смыслѣ автобіографическихъ

фактовъ, во всякомъ случаѣ навѣяны не одними объективными наблюдениями, а личными тяжкими опытами; авторъ ихъ пережилъ и пере-страдалъ.

Невольно чувствуется самъ гр. Толстой въ князѣ Нехлюдовѣ, приѣхавшемъ изъ университета въ деревню на лѣтнія вакаціи и въ письмѣ къ теткѣ излагающемъ свои радужныя фантазіи о священныхъ обязанностяхъ заботиться о счастьи семисотъ человѣкъ, за которыхъ онъ долженъ будетъ отвѣчать Богу. Нужно было самому пережить, чтобы изобразить во всей ужасающей правдѣ все разочарованіе князя Нехлюдова, убѣдившагося, что онъ не только не способенъ оказать какую-либо пользу своимъ крестьянамъ, но всѣ его усилія обращаются въ ничто или приносятъ имъ одинъ вредъ. Развѣ не слышите вы душевныхъ стонъвъ са-мого автора, напоминающихъ вамъ послѣдующую много лѣтъ спустя *Исповѣдь*, въ слѣдующихъ размышленіяхъ Нехлюдова:

„Гдѣ же мои мечты! вотъ уже больше года, что я ищу счастья на этой дорогѣ, и что жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть доволенъ собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собою! Я не доволенъ потому, что я здѣсь не знаю счастья, а желаю, страстно желаю счастья. И, не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все то, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легко? Правду писала тетка, что легче самому найти счастье, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? Образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжелѣе. Если бъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если бъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность! Я даромъ трачу лучшіе годы жизни“...

Очень возможно, что самое отправленіе на Кавказъ и поступленіе тамъ на службу было прямымъ результатомъ подобнаго рода разочарованія самого автора. Но и здѣсь ждалъ его рядъ новыхъ разочарованій, изображенныхъ въ повѣсти *Казакъ*. Герой этой повѣсти Оленинъ испыталъ цѣлый рядъ безплодныхъ порывовъ, при чемъ и свѣтской жизни, и службѣ, и хозяйству, и музыкѣ, по словамъ Толстого, онъ отдавался настолько лишь, насколько они не связывали его, и спѣшилъ поскорѣе отдѣлываться отъ нихъ, какъ только начиналъ чують приближеніе труда и мелочной борьбы съ жизнью. И вотъ, расточивъ половину имущества и надѣлавъ долговъ, въ одинъ прекрасный день вдругъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что всякая окружающая его жизнь и собственная его искусственна, нелѣпа, исполнена призрачности и лжи, и что необходимо сразу разорвать съ нею и начать новую жизнь, простую, естественную, на лонѣ природы, въ средѣ ея дѣтей, непосредственно наивныхъ, цѣльныхъ и нерастлѣнныхъ цивилизаціею.—Съ этой цѣлью опредѣлился онъ юнкеромъ въ кавказскую армію.

„Уѣзжая изъ Москвы,—читаемъ мы въ повѣсти,—онъ находился въ томъ счастливомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то, что все прежнее было случайно и незначительно, что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, но что теперь, съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ только одно счастье“...

Чѣмъ дальше,—читаемъ мы ниже,—уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ дальше казались отъ него всѣ его воспоминанія, и чѣмъ ближе подѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ. Ухать совсѣмъ и никогда не приѣзжать назадъ, не показываться въ общество, приходило ему иногда въ голову. „А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу,—*не люди*; никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто никогда не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ“. И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывало его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ со своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубѣе былъ народъ, чѣмъ меньше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя“.

Окончательно отрѣзавъ себя отъ цивилизаціи, Оленинъ поселился на лонѣ роскошной, дѣвственной природы, въ казацкой станицѣ, среди народа въ одно и то же время земледѣльческаго и грубо воинственнаго. Это были потомки раскольниковъ, бѣжавшихъ нѣкогда отъ преслѣдованій на берега Терека; они сохранили вѣру и языкъ предковъ, но въ нравахъ, понятіяхъ и обычаяхъ ничѣмъ не отличались отъ абрековъ, съ которыми постоянно дрались, что не мѣшало имъ скрещиваться съ врагами браками. Оленинъ проводилъ всѣ дни на охотѣ, въ бесѣдахъ со старымъ казакомъ Ерошкой, и вдругъ на него нашло просіяніе весьма характерное, которое мы просимъ читателей внимательно прочесть отъ первой строки до послѣдней:

„Ему ясно стало, что онъ нисколько не русскій дворянинъ, членъ московскаго общества, другъ и родня того-то и того-то, а просто такой же комаръ или такой же фазанъ или олень, какъ и тѣ, которые живутъ теперь вокругъ него.— Такъ же, какъ они, какъ дядя Ерошка, поживу, умру. И правду онъ говоритъ: только трава вырастетъ“.

„Да что же, что трава вырастетъ?—думалъ онъ дальше:—все же надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю—счастья. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава вырастетъ, и больше ничего, или я рамка, въ которой вставилась часть единого Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?“ И онъ началъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представилъ себя такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. „Отчего я счастливъ и зачѣмъ я жилъ прежде?“—подумалъ онъ.—„Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастья!“ И вдругъ ему какъ-будто открылся новый свѣтъ. „Счастье—вотъ что!—сказалъ онъ самъ себѣ:—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть—она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т. е. отыскивая для себя богатства, славы, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!“ Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскопилъ и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого бы ему пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. „Вѣдь, ничего для себя не нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ?“

Не правда ли, всѣ эти размышленія буквально тождественны съ тѣми «просіяніями» и «озареніями новымъ свѣтомъ», какія мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ гр. Толстого послѣднихъ лѣтъ? Такимъ образомъ уже въ 1852 году бродили въ головѣ гр. Толстого тѣ самыя мысли, появленіе которыхъ онъ приписывалъ позднѣйшему періоду своей жизни. Впрочемъ, находимъ мы здѣсь и весьма существенную разницу. Въ 1852 году онъ не думалъ, что стѣбитъ только дойти до подобныхъ мыслей и проникнуться ими, чтобы и дѣйствительно возродиться къ новой жизни. Онъ понималъ еще тогда, что отъ прекрасныхъ мыслей и словъ до дѣла очень далеко, и что несостоятельность людей въ родѣ Оленина зависѣла не отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на жизнь, а отъ самой ихъ природы, искаженной условіями жизни, и поэтому Оленинъ, несмотря на всѣ свои «просіянія», остается все тѣмъ же ветхимъ человѣкомъ, котораго носитъ въ себѣ, и приходитъ къ горькому опыту, что всѣ попытки его переродиться, слиться съ непосредственными дѣтьми народа, людьми труда и борьбы, и жить для другихъ—ничего не приносятъ этимъ людямъ, кромѣ вреда и горя, онъ совсѣмъ пасуетъ передъ ними при всемъ обширномъ образованіи, и ему остается идти своей натуральной дорогой, т. е. опредѣлиться въ штабъ, что онъ и дѣлаетъ въ заключеніе повѣсти.

Такую же мрачную и безнадежную параллель между привилегированными людьми и дѣтьми народа проводить гр. Толстой и въ своихъ военныхъ разсказахъ. Здѣсь такъ же, рядомъ съ напускною аффектаціею мишурнаго героизма, подъ внѣшнею оболочкою котораго скрывается часто самая негероическая грусть, рядомъ съ тщеславнымъ хвастовствомъ, съ какимъ мнимые герои разсказываютъ о своихъ небывалыхъ подвигахъ, васъ поражаетъ простое, непритворное, спокойное и въ то же время степенно-серьезное отношеніе къ своему дѣлу нижнихъ чиновъ. Не напрашиваясь на героизмъ и не помышляя о немъ, они-то и являются истинными героями: отъ нихъ зависитъ исходъ каждаго сраженія, они всегда находятся ближе къ смерти, ихъ болѣе падаетъ, и въ то же время они спокойнѣе самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ встрѣчаютъ смерть, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ не приходится и въ голову хвастаться и тщеславиться своимъ мужествомъ.

Очерки севастопольской войны имѣютъ и другое важное достоинство: они представляютъ первое вполнѣ реальное отношеніе искусства къ военнымъ дѣйствіямъ; послѣднія изображаются здѣсь во всей своей прозаичности, такъ, какъ они совершаются на самомъ дѣлѣ, разоблаченныя отъ того ореола бранныхъ ужасовъ и героическихъ аффектацій, въ какомъ эти дѣйствія представляются въ разсказахъ хвастливыхъ очевидцевъ и въ произведеніяхъ художниковъ романтическаго періода нашей литературы. Чтобы понять, какой громадный шагъ сдѣлало въ этомъ отношеніи искусство, слѣдуетъ рядомъ съ очерками гр. Толстого поставить хотя бы описаніе *Полтавской битвы* Пушкина или *Бородино* Лермонтова. У Толстого вы не найдете и слѣда такихъ ужасающихъ батальныхъ картинъ, чтобы рука бойцовъ колоть устала и ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ! Въ этомъ отношеніи гр. Толстой имѣлъ полное право сказать въ концѣ первыхъ своихъ очерковъ севастопольской войны:

«Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны... Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ— правда».

III.

Въ 1856 году, по окончаніи войны, гр. Толстой вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ въ этотъ годъ только-что начиналось то пробужденіе и оживленіе общества, которое предшествовало эпохѣ реформъ. Въ столицу въ это время съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи литераторы, словно разсѣянные предшествовавшими бурями птицы. Восторженные рѣчи, полныя свѣтлыхъ надеждъ, не смолкали. Въ этотъ хаосъ всеобщаго ликованія вмѣшался и гр. Толстой. Онъ явился въ столицу въ двойномъ ореслѣ—и какъ восходящее литературное свѣтило, и какъ севастопольскій герой. Онъ не замедлилъ познакомиться и подружиться съ передовыми литераторами того времени—Тургеневымъ, Гончаровымъ, Некрасовымъ, Островскимъ, Григоровичемъ, Дружининымъ и прочими. Они приняли его какъ своего, льстили, превознося его про-

изведенія. Въ то же время, по его словамъ (въ романѣ *Декабристы*), онъ «на себѣ испыталъ, какъ Россія умѣетъ вознаграждать истинныя заслуги. Сильные міра сего все искали его знакомства, жали ему руки, предлагали ему обѣды, настоятельно приглашали его къ себѣ для того, чтобы узнать отъ него подробности войны, рассказывали ему свои чувствованія».

Подъ этимъ впечатлѣніемъ и гр. Толстой не замедлилъ увлечься общими ликованіями и радужными надеждами.

„Мы все тогда были убѣждены,—говоритъ онъ въ „Исповѣди“;—что намъ нужно говорить и говорить, писать, печатать какъ можно скорѣе, какъ можно больше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицавъ, ругая одинъ другого, все печатали, писали, поучая другихъ. И не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ, что на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно,—мы не знаемъ, что отвѣтить,—мы все, не слушая другъ друга, все вразъ говорили, иногда потакая другъ другу и восхваляя другъ друга съ тѣмъ, чтобы и мы потакали и меня хвалили, иногда же раздражаясь другъ противъ друга точно такъ, какъ въ сумасшедшемъ домѣ.“

„Тысячи работниковъ дни и ночи изъ послѣднихъ силъ работали, набирали, печатали миллионы словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, и мы все еще больше учили и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало слушаютъ.“

„Ужасно странно, но теперь мнѣ понятно. Настоящимъ задушевнымъ разсужденіемъ нашимъ было то, что мы хотимъ какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другого не умѣли дѣлать, какъ только писать книжки, газеты. Мы это и дѣлали. Но для того, чтобы намъ дѣлать столь бесполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы—очень важные люди, намъ надо было еще разсужденіе, которое бы оправдало нашу дѣятельность. И вотъ у насъ придумано слѣдующее: все, что существуетъ, то разумно. Все же, что существуетъ, все развивается. Развивается все посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе же измѣряется распространеніемъ книгъ, газетъ. А намъ платять деньги и насъ уважають за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы—самые полезные и хорошіе люди“.

Дѣйствительно, литература находилась въ то время въ большомъ почетѣ, писателямъ вездѣ было первое мѣсто, ихъ чуть не носили на рукахъ, и вѣра въ просвѣщеніе, прогрессъ были безграничны; у всѣхъ и каждого эти слова безпрестанно были на устахъ. Выше же всего ставилось и цѣнилось художественное творчество, на художниковъ смотрѣли какъ на пророковъ, каждое вѣщее слово которыхъ подвергалось безчисленнымъ критическимъ комментаріямъ во всѣхъ журналахъ. Что гр. Толстой и самъ раздѣлялъ эту вѣру, объ этомъ можно судить по его вступительной рѣчи 4-го февраля 1859 г. на засѣданіи *Общества любителей русскаго слова*, при принятіи его въ члены этого общества,—рѣчи, въ которой онъ защищалъ высоту, чистоту и неприкосновенность искусства отъ всѣхъ переходящихъ и суетныхъ злобъ дня и возбудилъ, какъ мы выше видѣли, громовый протестъ со стороны Хомякова.

Но надо полагать, что гр. Толстой жилъ въ это время раздвоенною жизнью. Увлекаясь вмѣстѣ съ обществомъ вѣрою въ прогрессъ и литературнымъ движеніемъ, въ глубинѣ души онъ оставался тѣмъ же скептикомъ и пессимистомъ.—Въ *Исповѣди* онъ говоритъ, что уже «на второй и въ особенности на третій годъ онъ сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости своей вѣры въ прогрессъ и сталъ ее изслѣдовать». «Кромѣ того,—говоритъ онъ ниже,—усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти все жрецы этой вѣры, писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ,—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни,—но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святые или такіе, которые и не знаютъ, что

такое святость. Люди мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понималъ, что вѣра эта—обманъ».

Въ сочиненіяхъ же гр. Толстого этого періода мы и слѣда не находимъ этой самой вѣры. Такъ, онъ продолжалъ казнить все того же своего нравственно несостоятельнаго героя, князя Нехлюдова, и въ 1856 г. были написаны мрачныя *Записки Маркера*, гдѣ эта казнь является буквально смертною. Къ тому же 1856 году относится и повѣсть *Два гусара*, не менѣе мрачная по своему содержанію, такъ какъ представляетъ параллель двухъ поколѣній графскаго рода, и вы видите то страшное нравственное вырожденіе въ дворянской средѣ, какое особенно сильно произошло въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Въ слѣдующемъ, 1857 году, гр. Толстой поѣхалъ за границу, и зрѣлище европейскаго прогресса не только не привело его въ восторгъ, а напротивъ того, еще болѣе омрачило духъ его. Онъ не замедлилъ предать этотъ прогрессъ своему разлагающему анализу, и отъ его пытливыхъ глазъ не укрылись тѣ страшныя противорѣчія, какія таились въ нѣдрахъ европейской цивилизаціи и смущали всѣхъ мыслящихъ людей: при успѣхахъ знанія и промышленности, при ослѣпительномъ наружномъ блескѣ,—масса нищеты, невѣжества, варварства и грубаго безчеловѣчія. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой первой поѣздки за границу, были выражены въ произведеніи, относящемся къ этому году: *Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова—Люцернъ*. Князя Нехлюдова глубоко поразилъ тотъ фактъ, что седьмого іюля 1857 года въ Люцернѣ, передъ отелемъ Швейцаргофомъ, въ которомъ остаются самые богатые люди, странствующій нищій пѣвецъ въ продолженіе полчаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ дать ему чего-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего, и многіе смѣялись надъ нимъ.

„Вотъ событіе,—воскликаетъ онъ,—которое историкъ нашего времени долженъ записать огненными и неизгладимыми буквами. Это событіе значительное и серьезное и имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не погушаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету; что французы убили еще тысячу кабриоловъ за то, что хлѣбъ хорошо родился въ Африкѣ, и что турецкій посланникъ въ Неаполѣ не можетъ быть жидъ, и что императоръ Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ въ Plombières и печально увѣряетъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ своего народа,—это все слова, скрывающія или увѣряютъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ своего народа,—это все слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля, мнѣ кажется, совершенно ново, странно и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, не къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи.

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе, самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Отчего эти люди, въ своихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ горячо заботящіеся о состояніи безбрачныхъ китайцевъ въ Индіи, о распространеніи христіанства и образованія въ Африкѣ, о составленіи общества исправленія всего человѣчества, не находятъ въ душѣ своей простого первобытнаго чувства человѣка къ человѣку? Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняли тщеславіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной сабалоливой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи? И неужели это то равенство, за которое продито было столько невинной крови и столько совершенно преступленій? Неужели народы, какъ дѣти, могутъ быть счастливы однимъ звукомъ слова равенство?...“

Такимъ образомъ вотъ уже когда въ гр. Толстомъ вѣра въ прогрессъ,

цивилизацию начала сильно колебаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ вопросѣ «отчего развитые, гуманные люди, *способные въ общемъ* на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства *на личное доброе дѣло?*»—вы видите уже поворотъ на путь личнаго самосовершенствованія, на который впоследствии окончательно выступилъ гр. Толстой. Въ то же время онъ разочаровался и во всемъ шумномъ общественномъ движеніи, какимъ была преисполнена русская жизнь передъ реформами, уединился въ Ясной Полянѣ и занялся тамъ личнымъ самосовершенствованіемъ, дѣлѣя идеаль проссвѣщеннаго и гуманнаго барина-хозяина, чуждающагося свѣтской суеты и всѣхъ общественныхъ теченій, живущаго въ деревнѣ въ неусыпныхъ сельско-хозяйственныхъ трудахъ, въ тѣсномъ общеніи съ народомъ. Идеаль этотъ, вытекавшій изъ личнаго общественнаго положенія, равно какъ изъ всѣхъ его вкусовъ и склонностей, онъ стремился осуществить въ продолженіе всего средняго періода своей жизни, воплощая его впоследствии въ типахъ Петра Безухова и Левина. Первое же воплощеніе мы видимъ въ относящемся къ 1859 году романѣ *Семейное счастье*, въ героѣ этого романа Сергѣѣ Михайловичѣ, который, въ объясненіи своемъ въ любви своей героинѣ, категорически выражаетъ этотъ идеаль въ слѣдующихъ словахъ:

„Я прожилъ много, и мнѣ кажется, что нашель то, что нужно для счастья. Тихая уединенная жизнь въ нашей деревенской глуши съ возможностью дѣлать добро людямъ, которымъ такъ легко дѣлать добро, къ которому они не привыкли; потомъ трудъ, трудъ, который кажется, что приноситъ пользу, потомъ отдыхъ, природа, книги, музыка, любовь къ близкому человѣку,—вотъ мое счастье, выше котораго и не мечтаю. А тутъ сверхъ всего этого другъ, семья можетъ быть, и все, что только можетъ желать человѣкъ.“

Что касается до произведеній гр. Л. Толстого, относящихся къ этому времени, то, кромѣ вышеозначенныхъ, мы можемъ упомянуть еще слѣдующія. Къ 1856 году относится маленькій рассказъ *Метель*, къ 1857 году—*Альбертъ*.—1858 годъ почему-то представляетъ пробѣлъ въ художественной дѣятельности гр. Л. Толстого. Зато 1859 годъ ознаменовался, кромѣ рассказа *Три смерти*, романомъ *Семейное счастье*. Въ 1860 году была написана повѣсть изъ народнаго быта *Поликушка*, которою гр. Толстой заплатилъ дань какъ эмансипаціи, такъ и входившей въ то время въ моду беллетристикѣ изъ народнаго быта. Наконецъ, къ 1861 году относится рассказъ *Холстомеръ*.

IV.

Вообще нужно замѣтить, что какъ не отрицательно относился гр. Толстой къ движенію своего времени, какъ ни заирался отъ него въ деревенскую глушь, чуткая, впечатлительная натура его никакъ не могла противостоять вѣяніямъ времени, и на каждое онъ отзывался. Такъ, въ то время, какъ все вниманіе общества устремилось на народъ, изучать его, сближаться съ нимъ, учить его сдѣлалось кровною обязанностью всѣхъ и каждого, обратилось въ повальную эпидемію, всюду начали заводиться воскресныя и сельскія школы, и гр. Толстой, въ свою очередь, увлекся этимъ общественнымъ движеніемъ. Съѣздилъ даже еще разъ за границу съ цѣлью изучить школьное дѣло и, по возвращеніи въ Ясную Поляну, завелъ тамъ сельскую школу и началъ издавать педагогическій журналъ *Ясная Поляна*. Какъ методы преподаванія въ ясно-полянскій школѣ, такъ

и всѣ школьные порядки отличались оригинальностью и совершенно выходили изъ обычной школьной рутинѣ; это возбуждало оживленную поле-

Л. Н. Толстой.

мигу въ педагогическихъ сферахъ, которую гр. Толстой поддерживалъ въ своемъ ясно-полянскомъ журналѣ, развивая свои взгляды на обученіе

дѣтей и народа въ цѣломъ рядѣ педагогическихъ статей, каковы: *О народномъ образованіи*, *О методахъ обученія грамотѣ*, *Проектъ плана устройства народныхъ училищъ*, *Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ?* Во всѣхъ этихъ статьяхъ, рядомъ съ мыслями парадоксальными, вы встрѣчаете рядъ идей, поражающихъ васъ глубиною и самобытностью.

1862 годъ ознаменовался въ жизни гр. Толстого женитьбою на дочери московскаго доктора Берсъ, Софьѣ Андреевнѣ.

Между тѣмъ раздвоеніе, о которомъ мы выше говорили, не покидало гр. Толстого и въ ясно-полянскомъ уединеніи послѣ женитьбы. Съ одной стороны—мы видимъ живое отношеніе къ вѣзнямъ времени, сказавшееся въ стремленіи сблизиться съ народомъ, въ ясно-полянскій школъ и въ статьѣ *Воспитаніе и образованіе*, вызванной студенческими беспорядками 1861 года. Въ статьѣ этой гр. Толстой становится на самую радикальную точку зрѣнія въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ; усматривая въ нравственномъ воспитаніи лишь насиліе одной личности надъ другою, онъ отрицаетъ всѣ существующія учебныя заведенія отъ низшихъ до высшихъ, со всѣми ихъ программами и порядками, и требуетъ полной свободы преподаванія въ видѣ школъ, въ которыхъ каждый, кому угодно, передавалъ бы тѣ знанія, какія имѣетъ, или въ видѣ публичныхъ лекцій.

„Говорятъ,—читаемъ мы,—наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ (erziehendes Element)—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука, и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ; но самъ не любишь ее, то, сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія. И тутъ опять одно мѣрило, одно спасенье, опять та же свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать или не воспринимать его воспитательное вліяніе, то-есть имъ однимъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку.“

Проповѣдуя такимъ образомъ полный переворотъ всего учебнаго дѣла и не оставляя въ немъ камня на камнѣ, казалось, гр. Толстой уже этимъ самымъ становился впереди всѣхъ самыхъ рьяныхъ прогрессистовъ. И вдругъ тотъ-же самый гр. Толстой въ своей полемикѣ съ Евг. Марковымъ: *Прогрессъ и опредѣленіе образованія*, на страницахъ *Русскаго Вѣстника* (1864 г., № 5), доходитъ до полного отрицанія прогресса, далеко въ этомъ отношеніи оставляя позади тѣ идеи, которыя онъ высказывалъ въ *Люцернѣ*. Общаго закона движенія впередъ человѣчества, по его мнѣнію, нѣтъ, какъ то намъ доказываютъ неподвижные восточные народы; $\frac{9}{10}$ того же самаго европейскаго народа, будто бы находящагося въ процессѣ прогресса, сознательно ненавидитъ прогрессъ и всѣми средствами старается противодѣйствовать ему. У насъ вѣрятъ въ прогрессъ образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество—классы незанятые, по выраженію Бокля; не вѣрятъ въ прогрессъ и враги его—мастеровые, фабричные, крестьяне, земледѣльцы и промышленники, люди занятые прямою физическою работою—классы занятые.

Утверждая далѣе, что всѣ блага прогресса, созданныя наукою, какъ электричество и пр., приносятъ пользу лишь небольшой горсти людей привилегированныхъ, девяти десятымъ же человѣчества не только никакой

пользы не приносятъ, но и служатъ прямо ко вреду, онъ и литературу относитъ къ той же категоріи.

„Литература,—говоритъ онъ,—такъ же, какъ и отгуна, есть только искусная эксплуатація, выгодная только для ея участниковъ и негодная для народа. Есть *Современникъ*, есть *Современное Слово*, есть *Современная Лѣтопись*, есть *Русское Слово*, *Русскій Миръ*, *Русскій Вѣстникъ*, есть *Время*, есть *Наше Время*, есть *Орелъ*, *Звѣздочка*, *Гирлянда*, есть *Грамотей*, *Народное Чтеніе* и *Чтеніе для народа*, есть извѣстные слова въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, какъ заглавія журналовъ и газетъ, и всѣ эти журналы твердо вѣрятъ, что они *проводятъ* какія-то мысли и направленія. Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, ненужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды. Я говорилъ уже объ опытахъ, дѣлаемыхъ мною для пріятія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа любить чтеніе *Бориса Годунова* Пушкина или исторію Соловьева, надобно этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. Наша литература не прививается и не привьется народу; надѣюсь—люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ. Какое же благо получаетъ народъ отъ литературы? Библии и святцевъ до сихъ поръ народъ не имѣетъ дешевыхъ. Другія же книги, которыя западаютъ къ нему, только облачаютъ въ его глазахъ глупость и ничтожество ихъ составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды отъ книгопечатанія,—вотъ уже сколько времени прошло,—мы не видимъ ни малѣйшей для народа. Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плести лапти, ни рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться не учится и не научится народъ изъ книгъ. Всякій добросовѣстный судья, неосдержимый вѣрою прогресса, признается, что выгоды книгопечатанія для народа не было“... и т. д.

Въ этомъ утвержденіи тщеты прогресса, существующаго для немногихъ во вредъ большинству, гр. Толстой сходится повидимому съ социалистами, но только повидимому. Существенная разница заключается въ томъ, что социалисты самаго прогресса не отрицали, а напротивъ того, указывая на фактъ неравнаго его распредѣленія, требовали, чтобы къ благамъ прогресса были допущены равномѣрно всѣ классы общества. Гр. Толстой же вывелъ изъ того же факта полное отрицаніе всякаго коллективнаго прогресса и допускаетъ одно личное самосовершенствованіе. «Общій вѣчный законъ,—говоритъ онъ,—написанъ въ душѣ всякаго человѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается праздною, пустою болтовней, ведущей къ оправданію каждой бессмыслицы и фатализма».

Такимъ образомъ, какъ видите, уже въ 1862 году въ отрицаніи своемъ гр. Толстой дошелъ до тѣхъ самыхъ геркулесовыхъ столбовъ, въ какихъ онъ пребываетъ и днесъ. Не доставало лишь положительныхъ идеаловъ въ духѣ древнихъ восточныхъ мудрецовъ.

V.

Спрашивается теперь, какъ же могъ продолжать писать гр. Толстой, разъ онъ додумался не только до бесполезности, но даже и до вреда всей русской литературы? Это только и можно объяснить тѣмъ раздвоеніемъ, въ которомъ онъ въ то время находился. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своей «Исповѣди»:

„Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго иснанія общаго смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и потому въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ усовершенствованію, подмѣненное уже прежде стремленіемъ къ усовершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ съ семьей было какъ можно лучше. Такъ прошло еще пятнадцать лѣтъ. Несмотря на то, что я считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ пятнадцати лѣтъ, я все-таки

продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предался ему, какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моеѣ и общей“.

Тѣмъ не менѣе, благодаря этой непослѣдовательности гр. Толстого, Россія была обязана ему созданиемъ въ эти пятнадцать лѣтъ наиболѣе совершенныхъ и лучшихъ произведеній.

Такъ, вскорѣ послѣ женитьбы гр. Толстой задумалъ романъ *Декабристы*, но успѣлъ въ то время написать лишь три главы этого романа. Старааясь возсоздать время декабристовъ, онъ невольно переходилъ мысленно къ предыдущему времени, къ прошлому своихъ героевъ. Постепенно передъ авторомъ раскрывались все глубже и глубже источники тѣхъ явленій, которыя онъ задумывалъ описать,—семья, воспитаніе, общественныя условія избранныхъ имъ лицъ; наконецъ, онъ остановился на времени войны съ Наполеономъ, и изобразилъ его въ романѣ *Война и миръ*, въ концѣ котораго видны уже признаки того возбужденія, которое отразилось въ событіяхъ 14-го декабря 1825 года.

Начатый въ 1864 году, романъ *Война и миръ* печатался въ *Русскомъ Вѣстникѣ* съ 1865 года и въ 1869 году явился въ свѣтъ въ полномъ своемъ составѣ. Въ произведеніи этомъ художественное творчество гр. Толстого дошло до своего апогея. *Война и миръ*—не столько романъ, сколько колоссальная эпопея, обнимающая русскую жизнь начала нынѣшняго столѣтія во всѣхъ ея проявленіяхъ, начиная съ такихъ крупныхъ историческихъ событій, какъ Лейпцигская битва и пожаръ Москвы, и кончая мелкими, повседневными фактами общественной, частной и семейной жизни. Къ сожалѣнію эта эпопея не имѣетъ такой строгой цѣлостности, которая могла бы поставить ее на одномъ ряду съ высочайшими произведеніями искусства. Она распадается на три элемента, далеко не равнаго достоинства. Первый элементъ—самый высокій и безукоризненный,—непосредственный, художественный. Вездѣ, гдѣ гр. Толстой въ своемъ безсмертномъ произведеніи только живописуетъ, не проводя никакихъ философскихъ или моральныхъ идей, онъ доходитъ мѣстами до гениальнаго величія. Такія страницы романа, какъ пожаръ Москвы, Бородино, смерть Андрея Болконскаго, катанье на тройкахъ зимою въ деревнѣ, дѣтскіе романы—производятъ потрясающее впечатлѣніе; точно какъ будто передъ вами разстилаются безсмертныя полотна великихъ живописцевъ эпохи возрожденія, и глядятъ на васъ съ этихъ полотенъ изображенныя на нихъ вѣковѣчныя фигуры, блестя божественною красотою. Не менѣе поражаетъ васъ рядъ типовъ, исчерпывающихъ все содержаніе великосвѣтской среды изображаемой эпохи. Поистинѣ, такіе характеры, какъ семейство Болконскихъ, Курагиныхъ, Ростовыхъ, Пьеръ Безухій, Долоховъ, Вилибинъ и пр., нисколько не менѣе, чѣмъ типы *Мертвыхъ Душъ*, и могутъ служить такими же кличками, какъ Чичиковъ, Маниловъ, Ноздревъ и пр. Типы эти изслѣдованы во всѣхъ основныхъ пружинахъ своей жизни и въ самыхъ мельчайшихъ психическихъ движеніяхъ. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на четыре разряда. Одни изъ нихъ, каковы Курагины, Долоховъ, представляютъ крайнюю степень растрѣянна; это римляне послѣдняго періода имперіи, приближаться къ которымъ опасно, потому что для нихъ ничего не стоитъ, ради личныхъ выгодъ, лишить васъ не только чести или обезпеченія, но и самой жизни. Самые страшные изъ нихъ тѣ, которые,

при всей своей внутренней чудовищности, сохраняютъ известную долю сдержанности, такта, изворотливости, умѣютъ даже надѣвать на себя личины различныхъ добродѣтелей, каковъ, на примѣръ, князь Курагинъ. Не менѣе ужасенъ и Долоховъ со своею отчаянною дерзостью, стальными нервами и обаяніемъ недюжинныхъ силъ. Въ лицѣ Долохова гр. Толстой окончательно развѣнчиваетъ демоническій типъ, который въ тридцатые и сороковые годы былъ въ такомъ ореолѣ. Долоховъ—это почти тотъ же Печоринъ, но вмѣсто удивленія возбуждающей, подъ правдивымъ перомъ гр. Толстого, одно отвращеніе. Большого снисхожденія заслуживаютъ типы въ родѣ Анатолія Курагина и сестры его Елены Безухой, такъ какъ животныя инстинкты до такой уже степени заглушаютъ въ нихъ и разсудокъ, и волю, что по большей части они дѣлаются жертвами своего разврата.

Ко второй категоріи принадлежатъ карьеристы, въ родѣ Бориса Друбецкого, Берга—выслуживающіеся и наживающіеся. Приглашенные, припомаженные, умѣренные въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, сдержанные и почтительные, они имѣютъ видъ порядочныхъ людей, но въ сущности въ нихъ не болѣе человѣчности, чѣмъ и въ людяхъ первой категоріи. Они не сдѣлаютъ безъ нужды зла, но и добра отъ нихъ не ждите. Ихъ дружба и любовь опредѣляются личными интересами; въ то же время въ своихъ служебныхъ видахъ они предпочитаютъ забираться въ высшія сферы, гдѣ, низкопоклонничая и услуживая, втираются въ довѣріе, незамѣтно становятся на равную ногу и лѣзутъ еще выше.

Къ третьей категоріи относятся Ростовы. Это люди, у которыхъ вы найдете много человѣчности; они способны безкорыстно любить и увлекаться, способны, подъ вліяніемъ минуты, на высокой подвигъ, но въ то же время—это взрослые дѣти съ безмятежными дѣтскими вѣрованіями и воззрѣніями на міръ, слѣпо отдающіяся настоящей минутѣ, вѣчно жаждущія широкаго веселья, счастья. Если жизнь иногда и угоститъ ихъ горькою минутою, стоитъ погладить ихъ по головкѣ и поднести имъ новую игрушку, они мигомъ утѣшаются и опять довольны и веселы. Если подвернутся обстоятельства, нарушающія неприкосновенность ихъ дѣтскихъ воззрѣній, они слѣпо гонятъ отъ себя прочь сомнѣнія и считаютъ какъ бы преступленіемъ допустить въ себѣ малѣйшую самостоятельность мысли.

Къ четвертой категоріи относятся люди размышляющіе, читающіе, резонирующіе, развитые въ себѣ умственные и нравственные стремленія. Таковы князья Болконскіе—отецъ, дочь Марія и сынъ Андрей, таковъ Пьеръ Безухій. Но такъ какъ они продолжаютъ стоять въ тѣхъ же ненормальныхъ условіяхъ жизни, то цѣли, которыми они задаются, не вытекаютъ естественно изъ ихъ жизни и натуры, а искусственно придумываются, чтобы наполнить пустоту жизни, и какъ такія цѣли ни прекрасны въ теоріи, осуществленные обращаются въ ничто, или вмѣсто добра приносятъ неожиданное зло. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тою же нехлюдовщиною.—И какъ это мы находимъ въ прочихъ произведеніяхъ гр. Толстого, здѣсь точно такъ же для болѣе рельефнаго представленія нравственной несостоятельности излюбленной нехлюдовщины гр. Толстой дѣлаетъ геніальныя сопоставленія героевъ съ людьми массъ, живущихъ непосредственно жизнью. Такъ, мишурное геройство князя Андрея пасуетъ передъ истиннымъ и простымъ въ своемъ безо-

звательномъ величіи геройствомъ артиллериста Тушина; такъ всѣ отвлеченныя и мистическія философствованія Петра Безухова представляются бессмысленными и дрянными бреднями передъ свѣтлымъ міровоззрѣніемъ и здравымъ народнымъ смысломъ Каратаева.

Но однимъ художественнымъ элементомъ не ограничивается романъ гр. Л. Толстого. Мы видимъ въ немъ цѣлую философію исторіи, которая первоначально вилеталась въ самый текстъ романа, а затѣмъ была отдѣлена и составила вторую часть романа.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ отвлеченныхъ разсужденіяхъ гр. Толстого, излагаемыхъ тяжелымъ языкомъ съ безпрестанными повтореніями и распространеніями,—мы встрѣчаемъ ту же амальгаму глубокихъ и смѣлыхъ истинъ и рискованныхъ парадоксовъ, основанныхъ на произвольныхъ и спорныхъ категорическихъ афоризмахъ. Непривычка къ философскому мышленію ведетъ къ тому, что гр. Толстой не можетъ удержаться въ строго научныхъ и реальныхъ предѣлахъ, смѣшиваетъ причинность историческихъ событій съ цѣлесообразностью, и изъ всего изъ этого выходитъ у него теорія историческаго фатализма, при чемъ онъ и самъ не замѣчаетъ, въ какое впадаетъ логическое противорѣчіе: считая отжившимъ взглядъ древнихъ на историческія событія, основывающійся на произвольномъ управленіи народами и царями волею божествъ, онъ проводитъ тотъ же взглядъ, замѣняя лишь личную волю челоуѣкообразныхъ божествъ древняго міра предопредѣленіями какихъ-то таинственныхъ безусловныхъ силъ, безличныхъ и между тѣмъ сознательно разумныхъ. «На вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, говоритъ онъ, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ міровыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ, и что вліяніе Наполеоновъ на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее, фиктивное.»

Третій элементъ, еще болѣе портящій романъ, заключается въ той мистической экзальтаціи, которая окончательно обуяла гр. Толстого въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, но начало которой мы видимъ уже во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ дописывалъ свой романъ *Война и миръ*. Экзальтація эта особенно ярко выразилась въ эпизодѣ вліянія Каратаева на Пьера Безухова.

Увлечение Пьера простыми людьми послѣ Бородинскаго сраженія стоитъ совершенно на реальной почвѣ. Вполнѣ естественно, что запутавшійся въ омутѣ свѣтской пустоты, разочарованный и нравственно надломленный Пьеръ могъ увлечься простыми и сильными людьми, смотрѣвшими въ глаза смерти съ невозмутимымъ спокойствіемъ, безъ хвастовства и напускнаго геройства. Понятно, что онъ долженъ былъ ясно почувствовать, въ сравненіи съ правдой, простотой и силой этихъ людей, ощущеніе своей ничтожности и лживости и проникнуться стремленіемъ войти въ эту общую жизнь вѣрмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ такими... Подобныя мысли и чувства мы видѣли уже и у другихъ героев Толстого, начиная съ Оленина въ *Казакахъ*.

Не менѣе естественно выведенъ и типъ Каратаева. Простой, гуманный, одаренный художественною натурою и теплымъ сердцемъ, много испытавшій въ жизни,—Каратаевъ самъ по себѣ являлся бы весьма живою и удачно очерченною личностью въ романѣ, если бы гр. Толстой не возвелъ

его на пьедесталь, представивъ въ немъ какого-то вдохновеннаго глашатая народной мудрости, исполненной неизреченныхъ глубинъ, чуть-что не живое олицетвореніе божественной правды и благодати. Вліяніе его на Пьера было столь сильно, по словамъ автора, что Пьеръ совершенно переродился: онъ самъ исполнился кроткой терпимости и благодушія, подъ обаяніемъ которыхъ во всемъ сталъ видѣть Бога, все ему показалось ведущимъ ко благу, всѣ люди сдѣлались его друзьями и незамѣтно для самихъ себя почувствовали потребность повѣрить ему всѣ свои сокровенныя тайны. «Нѣтъ, говоритъ Пьеръ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка-дурачка».

И Оленинъ, какъ мы видѣли, получилъ подобное же просіяніе и позналъ, въ чемъ заключается истинное счастье подъ вліяніемъ сближенія съ казаками. Но онъ не могъ переродиться вслѣдствіе одного этого сознанія и остался прежнимъ Оленинымъ, въ чемъ и заключается преимущество *Казаковъ* сравнительно съ послѣднею частью *Войны и мира*. Здѣсь авторъ утратилъ уже прежнее реальное чутье и представилъ своего героя способнымъ возродиться и переродиться вслѣдствіе одного лишь измѣненія строя мыслей въ головѣ.

VI.

По окончаніи *Войны и мира* гр. Толстой снова занялся педагогіей. Въ 1870 году были имъ написаны *Азбука* и нѣсколько книгъ для чтенія.

Въ 1873 году появилось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо о самарскомъ голодѣ. Въ 1874 году надѣлала не мало шума статья *О народномъ образованіи*, напечатанная въ *Отечественныхъ Запискахъ* и возбуждавшая горячую полемику въ педагогическихъ сферахъ, особенно со стороны приверженцевъ нѣмецкой педагогіи, противъ которыхъ наиболѣе ратуегъ гр. Толстой въ своей статьѣ.

Около того же времени, въ 1873 году, гр. Толстой задумалъ романъ *Анну Каренину*, который печатался въ *Русскомъ Вѣстникѣ* съ 1875 по 1876 годъ.

Къ этому же времени относить гр. Толстой въ своей *Исповѣди* и радикальный переворотъ въ своихъ мысляхъ, который обратилъ его изъ беллетриста въ автора богословскихъ трактатовъ. Но тутъ представляется намъ съ перваго взгляда совершенно непонятное и странное противорѣчіе между *Исповѣдью* и свидѣтельствомъ, находимымъ нами на страницахъ всѣхъ предыдущихъ сочиненій гр. Толстого.

Въ самомъ дѣлѣ: въ *Исповѣди* гр. Толстой говоритъ, что хотя вѣра въ прогрессъ была поколеблена въ немъ уже до женитьбы, но и послѣ женитьбы, въ продолженіе 15 лѣтъ, т. е. почти до конца семидесятихъ годовъ, онъ продолжалъ жить прежнею безопасною жизнью. Вся жизнь его сосредоточилась въ это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ, въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Несмотря на то, что онъ считалъ писательство пустяками въ продолженіе этихъ 15 лѣтъ, онъ все-таки продолжалъ писать. «Я вкусилъ уже,—говоритъ онъ,—соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ, и предался ему, какъ средству къ улучшенію своего

матеріальнаго положенія и заглушенію въду шѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей».

И только по прошествіи пятнадцати лѣтъ начали вдругъ находить на него минуты недоумѣнія, остановокъ жизни, какъ будто онъ не зналъ, какъ ему жить, что дѣлать, началъ спрашивать, — зачѣмъ это? къ чему? а потомъ? а мнѣ что за дѣло? терялся и впадалъ въ недоумѣніе. Минуты эти, учащаясь, обратились наконецъ въ одно сплошное отчаянье: онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ жить, началъ бояться жизни, у него возникло стремленіе избавиться отъ нея, и онъ едва удерживался отъ самоубійства.

Тогда онъ началъ искать смысла жизни въ наукахъ, въ философіи, въ вѣрованіяхъ окружавшихъ его свѣтскихъ людей, но нигдѣ не находилъ отвѣта. Наконецъ, онъ сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, со странниками, монахами, раскольниками, мужиками, и тутъ только уразумѣлъ, что если онъ хочетъ жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла ему надо не у тѣхъ, которые его потеряли и хотятъ убить себя, а у тѣхъ миллиардовъ отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь.

„И чѣмъ болѣе я вникалъ въ ихъ жизнь, — говоритъ онъ, — тѣмъ болѣе я любилъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ два года, и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ и задатки котораго всегда во мнѣ были. Жизнь нашего круга не только стала противна мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Все наши дѣйствія, разсужденія, науки и искусство — все это представилось мнѣ однимъ балабожествомъ. Я понялъ, что искать смысла жизни въ этомъ нельзя. Дѣйствія же трущагося народа, творящаго жизнь, представились мнѣ единнымъ настоящимъ дѣломъ. И я понялъ, что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и приваялъ его... Я понялъ, что для того, чтобы познать смыслъ жизни и увидѣть въ ней добро, надо прежде всего, чтобы твоя собственная жизнь была не бессмысленна и зла, а потомъ уже разумъ, чтобы назвать свое пониманіе словомъ. Если думаешь и говоришь о жизни человѣческой, то надо говорить о жизни всего человечества, а не о жизни нѣсколькихъ паразитовъ жизни. Возненавидѣть себя, забывать о себѣ, не думать о себѣ, любить другихъ, — это одно средство, чтобы жить и понимать жизнь, любить ее и считать добромъ...“

Въ такомъ видѣ изображаетъ гр. Л. Толстой въ *Исповѣди* переворотъ, происшедшій съ нимъ будто бы, когда ему было уже около пятидесяти лѣтъ. Между тѣмъ, что же показываютъ намъ его сочиненія? Уже въ *Казакахъ*, — повѣсти, написанной въ 1852 году, когда гр. Толстому было всего 24 года, онъ высказалъ буквально тѣ же самыя мысли и въ тѣхъ же выраженіяхъ относительно того, въ чемъ заключается истинное счастье, и далѣе затѣмъ эти же самыя идеи, все болѣе и болѣе развившіяся и усложнявшіяся, мы видимъ и въ *Люцернѣ*, и въ педагогическихъ статьяхъ его, а въ *Войнѣ и мирѣ* переворотъ, пережитый Пьеромъ Безухимъ, совершенно аналогиченъ съ тѣмъ, который самъ графъ Толстой испыталъ десять лѣтъ спустя послѣ появленія *Войны и мира*. Правда, что въ *Исповѣди* графъ Толстой даетъ намъ какъ бы ключъ къ объясненію этой загадки, говоря, что переворотъ давно уже готовился и задатки его всегда въ немъ были. Но только онъ, какъ намъ кажется, слишкомъ умалываетъ значеніе этихъ задатковъ и слишкомъ раздуваетъ самый переворотъ. Не съ одними скромными задатками имѣли мы дѣло во всѣхъ вышеприведенныхъ цитатахъ изъ его сочиненій, а съ полнымъ выраженіемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя гр. Толстой приписываетъ перевороту.

Судя по характеру этихъ идей, надо полагать, что онѣ были заронены въ него въ университетскіе еще годы тѣмъ броженіемъ социальныхъ идей,

которымъ ознаменовалась вторая половина сороковыхъ годовъ. Затѣмъ идеи эти бессознательно для самого Толстого зрѣли въ немъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, найдя для своего развитія богатую почву въ гениальныхъ способностяхъ его и благопріятныя условія въ движеніи шестидесятыхъ годовъ. Идеи эти, приведя гр. Толстого къ полному отрицанію интеллигентной, паразитной жизни со всею европейскою цивилизаціею и прогрессомъ, и возбудили въ немъ стремленіе къ слитію съ народомъ. Но, вѣдь, таковъ именно и былъ результатъ всего движенія шестидесятыхъ годовъ. Къ нему склонялись все мало-мальски послѣдовательные и смѣлые умы. Обратите вниманіе, что гр. Толстой относитъ свой переворотъ какъ разъ къ половинѣ семидесятыхъ годовъ, именно къ той эпохѣ, когда во всемъ русскомъ обществѣ началось эпидемическое стремленіе идти въ народъ, такъ что и этимъ своимъ переворотомъ гр. Толстой заплатилъ дань вліянію времени.

Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло вовсе не съ переворотомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это былъ особеннаго рода умственный и нравственный кризисъ, заключавшійся въ томъ, что между тѣмъ какъ гр. Толстой наклонѣнъ былъ пресытился обезпеченною и счастливою жизнью со всею ея благами, идеи, которыя бродили въ немъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ, подъ вліяніемъ этого пресыщенія и вѣянія времени вдругъ выяснились, обострились, получили новую, яркую окраску; началось подведеніе итоговъ всей прожитой жизни; явилось сознаніе полнаго противорѣчія этой жизни съ идеями. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Толстой почувствовалъ страшную душевную пустоту при видѣ полнаго ниспроверженія всехъ тѣхъ боговъ, которымъ онъ прежде молился, въ видѣ цивилизаціи, прогресса, культа истины и красоты,—боговъ, завѣщанныхъ ему сороковыми годами. Необходимо было чѣмъ-нибудь наполнить эту пустоту, замѣнить старыхъ боговъ новыми.

Но заплативши дань вѣянію вѣка, гр. Толстой сразу сейчасъ же и разошелся съ нимъ, какъ только зашелъ вопросъ о новыхъ положительныхъ идеалахъ. Казалось бы, въ *Исповѣди* своей онъ вполне ясно даетъ намъ разумѣть, что слиться съ народомъ и усвоить пониманіе его жизни и его вѣру въ жизнь можно только отрѣшившись отъ прежней паразитной жизни и начавши трудиться, какъ трудится народъ. Гр. Толстой не остановился на этомъ общемъ неоспоримомъ положеніи. Онъ пошелъ далѣе въ своемъ стремленіи слиться съ народомъ. Такъ какъ все положительныя знанія развились на почвѣ паразитизма и не давали отвѣтовъ на вопросы о сущности жизни, то гр. Толстой началъ огуломъ отрицать все ихъ поголовно, начиная съ астрономіи и кончая химіей и медициной. Такъ какъ народъ черпалъ все свои познанія изъ единственныхъ источниковъ въ видѣ различныхъ ученій древнихъ восточныхъ мудрецовъ, то гр. Толстой, въ свою очередь, устремился къ изученію и толкованію этихъ самыхъ источниковъ, предполагая, что въ нихъ только и можно обрѣсти истинное познаніе смысла жизни. Наконецъ,—что всего прискорбнѣе,—въ немъ окончательно развились и утвердились тѣ задатки индивидуализма, какіе мы видѣли у него и прежде: отвергнувши коллективный общественный прогрессъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственное развитіе и улучшение человѣческаго рода заключается въ нравственномъ самосовершенствованіи каждаго человѣка въ отдѣльности.

Изъ этого положенія вытекли послѣдовательно и идеи непротивленія злу насиліемъ, и отрицаніе какъ всякихъ общественныхъ реформъ, такъ и выработанныхъ исторіею общественныхъ функций; наконецъ, въ *Крейцеровой сонатѣ* мы видимъ отрицаніе послѣдняго общественнаго звена — семьи и проповѣдь безбрачія во что бы то ни стало, хотя бы осуществленіе подобнаго противоестественнаго идеала грозило уничтоженіемъ чловѣческаго рода.

VII.

Въ романѣ *Анна Каренина*, писанномъ какъ-разъ во время кризиса, вы видите уже рѣзкое отраженіе его. На самой первой страницѣ поражаетъ васъ грозный эпиграфъ «Мнѣ отмщеніе — и Азъ воздамъ», придающій роману правоучительно-теологическій характеръ. Правда, авторъ какъ бы совсѣмъ забываетъ объ этомъ эпиграфѣ, когда начинаетъ излагать романъ. Въ немъ воскресаютъ художникъ и беллетристъ сороковыхъ годовъ, и, увлекаясь художественными цѣлями, онъ рисуетъ велико-свѣтскую жизнь нашего времени во всѣхъ ея деталяхъ, выводя массу характеровъ и типовъ, подобно какъ и въ *Войнѣ и мирѣ*, исчерпывающихъ представителей большого свѣта до тла. Правда и то, что въ развитіи сюжета авторъ совсѣмъ расходится съ своимъ эпиграфомъ, такъ какъ эпиграфъ этотъ, прилагаемый къ обыденному и мелкому свѣтскому адюльтеру, принимаетъ характеръ похода на муху съ обухомъ, и въ то же время художникъ реалистъ представляетъ намъ такую естественную и фатальную неотвратимость въ развитіи страсти своихъ героевъ, что у насъ невольно рождается мысль, за что же воздавать тутъ какое-то отмщеніе?

Тѣмъ не менѣе романъ, стоящій на рубежѣ кризиса, отражаетъ въ себѣ какъ прежній, такъ и новый порядокъ мыслей гр. Толстого. Мы видѣли уже выше, что послѣ удаленія въ деревню и женитбы до самаго кризиса гр. Толстой въ душѣ своей продолжалъ лелѣять соответственный его личной жизни и положенію въ обществѣ идеалъ культурнаго барина-хозяина, живущаго въ деревнѣ въ полной изолированности отъ всѣхъ общественныхъ вѣяній. Сообразно этому идеалу культурно-московскаго абсентеизма, онъ дѣлитъ и всѣхъ героевъ своего романа на правыхъ и лѣвыхъ, считая ихъ настолько устойчивѣе, положительнѣе, насколько крѣпче они стоятъ на культурной почвѣ и менѣе увлекаются суетными свѣтскими страстями и похотями или же эфемерными вѣяніями дня. Такъ, направо стоятъ — Константинъ Дмитриевичъ Левинъ, семья князей Щербацкихъ и дворянинъ Свіяжскій; налево — всѣ прочія дѣйствующія лица. Здѣсь и Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, со своимъ искусственнымъ увлеченіемъ славянскимъ вопросомъ; и Метровъ, мѣряющій русскую жизнь на аршинъ западно-европейскихъ экономическихъ теорій; и Алексѣй Александровичъ Каренинъ — бюрократическая машина съ безцвѣтными оловянными глазами, свидѣтельствующими объ ограниченности умственныхъ способностей; и набожная графиня Лидія Ивановна, великосвѣтская сектантка съ черствымъ сердцемъ; и княжна Бетси Тверская со своимъ свѣтскимъ кругомъ, державшимся одною рукою за дворъ, чтобы не спуститься до полусвѣта; и князь Степанъ Аркадьевичъ Облонскій —

эпикуреецъ и сластолюбецъ съ ногъ до головы, разоряющій семейство мотовствомъ и оскорбляющій жену невѣрностью. Здѣсь и Николай Левинъ съ безцутною жизнью сбившагося съ круга забулдыги; здѣсь, наконецъ, и преступный осквернитель чужого ложа—графъ Алексѣй Кирилловичъ Вронскій съ сообщницей по прелюбодѣянью, Анною Аркадьевною Карениною. Последніе, какъ наиболѣе сошедшіе съ культурной почвы и отдавшіеся свѣтской суетѣ, и являются въ романѣ жертвою небеснаго отмщенія.

Но въ то же время, какъ въ общемъ романъ пронизанъ воздухомъ старыхъ идеаловъ московскаго барскаго абсентеизма, конецъ его носитъ яркіе слѣды того кризиса, который успѣлъ совершиться въ авторѣ къ этому времени. Такъ гр. Толстой заставляетъ своего героя Левина, не довольствуясь уже своими прежними идеалами, пережить именно тотъ самый кризисъ, который совершился только-что въ немъ; и описать этотъ кризисъ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ *Войнѣ и мирѣ* (съ Пьеромъ Безухимъ).

Послѣ романа *Анна Каренина* гр. Толстой сдѣлалъ еще попытку продолжать свою чисто-художественную дѣятельность въ видѣ возвращенія къ прежде задуманному *Декабристамъ*, но онъ ограничился однимъ новымъ вариантомъ первыхъ двухъ главъ. Вродившія въ немъ мистико-теологическія идеи влекли его на новый путь, и вотъ онъ принимается за критику богословія, за переводъ и толкованіе *Евангелія*. Въ 1883 году появляется въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письмо о народной переписи. Далѣе слѣдуютъ: *Исповѣдь*, *Въ чемъ моя вѣра*, *Такъ что жъ намъ дѣлать? Въ чемъ счастье? Изъ воспоминаній о переписи*, и проч.

Всѣ эти сочиненія, привлекшія гр. Толстому массу приверженцевъ и послѣдователей, образовавшихъ что-то въ родѣ религиозной секты, привели въ немалое недоумѣніе и уныніе здравомыслящихъ почитателей таланта гр. Толстого, усматривавшихъ въ мистико-теологическихъ умствованіяхъ его паденіе и утрату великаго таланта земли русской. Сравнивали даже участь графа Толстого съ участію Гоголя, хотя такая аналогія далеко не выдерживаетъ критики, такъ какъ у гр. Толстого рядомъ съ мыслями, въ которыхъ онъ отдаетъ долгъ обскурантизму и мракобѣсію нашего времени, вы встрѣчаете свѣтлыя идеи, которыя далеко опереживаютъ нашъ вѣкъ своею смѣлою и послѣдовательною демократичностью.

Не ограничиваясь одними трактатами, излагающими его новыя идеи и новую вѣру, гр. Толстой въ послѣдніе годы, начиная съ 1881 г., написалъ цѣлый рядъ маленькихъ повѣстей для народа, напечатанныхъ фирмою *Посредникъ*, обществомъ для распространенія дешевыхъ народныхъ книгъ, учрежденнымъ друзьями и приверженцами гр. Толстого. Таковы: *Чѣмъ люди живы*, *Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ*, *Упустишь огонь—не потушишь*, *Свѣчка*, *Два старика*, *Гдѣ любовь, тамъ и Богъ*, комедія *Винокуръ* и пр. Разказы эти, при всей простотѣ и прекрасномъ языкѣ, производятъ на васъ непріятное впечатлѣніе обиліемъ въ нихъ чудеснаго элемента, въ чемъ обнаруживается искусственная поддѣлка подъ народныя легенды и сказки. Предвзятость и тенденціозность сквозитъ въ нихъ изъ каждой строки.

Словно потухающая лампа, художественный талантъ гр. Толстого порою ярко вспыхиваетъ и въ послѣдніе годы его дѣятельности, т. е. въ теченіе восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Такъ, къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ относится разсказъ его *Смерть Ивана Ильича*. Въ 1887 году была напечатана драма изъ народной жизни: *Власть тьмы, или Ноготокъ увязъ—всей птичкѣ пропасть*. Въ 1895 году появился разсказъ его *Хозяинъ и работникъ*. Въ этихъ произведеніяхъ, при всей ихъ тенденціозности въ духѣ новаго ученія гр. Толстого, дивный талантъ его ярко прорывается и очаровываетъ насъ, какъ онъ очаровывалъ и въ прежнихъ, лучшихъ его твореніяхъ.

Въ 1898 г. появился на страницахъ журнала *Вопросы философіи и психологіи*, и затѣмъ, въ отдѣльномъ изданіи, трактатъ *Что такое искусство*, въ которомъ съ обычными парадоксами, свойственными философскимъ и моральнымъ разсужденіямъ гр. Л. Толстого, вы встрѣтите рядъ взглядовъ на искусство, поражающихъ своею глубиною, оригинальностью и смѣлою новизною. Наконецъ, послѣднимъ произведеніемъ, вышедшимъ до сихъ поръ изъ подъ пера его, является дивная повѣсть его *Воскресеніе*, напечатанная на страницахъ *Нивы* за 1899 годъ. Повѣсть эта представляетъ собою яркое доказательство, что творчество Толстого не только находится въ прежней своей силѣ, но какъ бы возросло еще выше, несмотря на то, что гр. Л. Толстому минуло 70 лѣтъ въ 1898 году, что было привѣтствовано всею иностранною, а за нею и русскою прессою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I. Дѣтство и воспитаніе Федора Михайловича Достоевскаго.—II. Жизнь до ссылки.—III. Ссылка. Женитьба. Возвращеніе. Изданіе журналовъ.—IV. Остальная жизнь до смерти.—V. Отанчіе Достоевскаго отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ по міросозерцанію и характеру творчества.—VI. Сложность сюжетовъ. Психіатрическій анализъ. Жестокость. Преобладающіе типы.—VII. Два періода его литературной дѣятельности и характеръ каждаго періода. Проблески свѣта среди реакціоннаго мрака.

I.

Если въ каждомъ изъ разсмотрѣнныхъ нами беллетристовъ сороковыхъ годовъ мы нашли много индивидуальныхъ особенностей, то Федоръ Михайловичъ Достоевскій, къ характеристикѣ котораго мы приступаемъ, еще рѣзче отличается отъ всѣхъ нихъ, почти совсѣмъ выходя изъ рамокъ школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ и занимаетъ свое особенное мѣсто въ литературѣ.

Главными причинами этого отличія представляется во-первыхъ то обстоятельство, что въ то время, какъ большинство беллетристовъ сороковыхъ годовъ, будучи выходцами изъ *деревень*, принадлежатъ къ рыхлому помѣщичьему типу, Достоевскій является представителемъ различнаго, служилаго класса общества, холерически-нервнымъ сыномъ *города*; а во-вторыхъ, — въ то время какъ большинство ихъ были люди обезпеченные, Достоевскій одинъ среди нихъ принадлежалъ ко вновь возникшему классу интеллигентнаго пролетариата.

Отецъ Достоевскаго, Михаилъ Андреевичъ, штабъ-лѣкарь, служилъ въ московской Маринской больницѣ. Мать, Марья Федоровна, была дочь московскаго купца Нечаева. Семейство Михаила Андреевича состояло изъ семерыхъ дѣтей, при чемъ Ф. М. Достоевскій, второй сынъ по старшинству, родился 30-го октября 1821 года.—Казенная квартира при больницѣ, въ которой Достоевскій родился и провелъ дѣтство, состояла всего изъ двухъ комнатъ, передней и кухни, и въ этой-то маленькой квартиркѣ ютилась вся многочисленная семья. Нравы царили въ ней строго-религіозныя и патріархальныя, но смягченныя высшимъ образованіемъ главы семьи. Дѣтей не сѣкли, не били, и единственное наказаніе заключалось въ томъ, что отецъ вспылитъ и броситъ съ ними заниматься.

Не обошлось, правда, дѣтство Достоевскаго и безъ деревни. Въ 1831 г. родители его приобрѣли имѣніице въ Тульской губерніи, въ Каширскомъ уѣздѣ, въ 150 в. отъ Москвы. Въ эту деревню каждою раннею весною мать переселялась съ дѣтьми на все лѣто. Деревня, по словамъ самого Достоевскаго, «оставила въ немъ глубокое и сильное впечатлѣніе-на свою потомъ жизнь», и все въ ней «было полно для него самыми дорогими воспоминаніями». Тѣмъ не менѣе все-таки впечатлѣнія городской жизни наиболѣе, какъ увидимъ ниже, опредѣлили характеръ творчества Достоевскаго и его произведеній.

Первоначальнымъ обученіемъ дѣтей занималась мать. Затѣмъ въ домъ ходили два учителя: дьяконъ изъ Елизаветинскаго института преподавалъ Законъ Божій; преподаватель того же института Н. И. Сушардъ давалъ уроки французскаго языка. У Сушарда была приготовительная школа для приходящихъ. Туда были отданы два старшіе сына для приготовленія къ среднему заведенію; латинскимъ же языкомъ занимался съ ними самъ отецъ.

Въ 1834 году Достоевскій вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Михайломъ былъ отданъ въ славившійся въ то время въ Москвѣ пансіонъ Л. И. Чермака. Это было закрытое заведеніе, изъ котораго дѣти отпускались лишь на праздники и каникулы. Оно отличалось рационально-гуманнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ и подборомъ преподавателей. Въ высшемъ классѣ здѣсь преподавали даже профессора университета—Д. М. Перевозчиковъ по математикѣ, И. И. Давыдовъ по словесности и др.

У родителей Достоевскаго по вечерамъ часто устраивались семейныя чтенія, на которыхъ присутствовали и дѣти. Читались—*Исторія государства русскаго Карамзина*, *Письма русскаго путешественника и повѣсти*, біографія Ломоносова Кс. Полевого, сочиненія Державина, Жуковскаго, романы Загоскина, Лажечникова, сказки казака Луганскаго и проч.

Съ поступленіемъ въ пансіонъ кругъ чтенія Достоевскаго расширился: братья начали доставать тамъ массу книгъ. Достоевскій болѣе всего предпочиталъ путешествія. Въ то же время читалъ онъ Вальтеръ-Скотта, знакомился съ Пушкинымъ, зачитывался и романами Нарѣжнаго и Вельтмана.

Въ началѣ 1837 г. Достоевскій потерялъ мать. Въ томъ же году отецъ повезъ двухъ старшихъ сыновей въ Петербургъ для помѣщенія ихъ въ Инженерное училище. Достоевскому было тогда 15 лѣтъ. Вотъ какъ въ *Дневникъ Писателя* (1876 г., № 1) описываетъ онъ эту поѣздку и свое душевное состояніе въ то время:

„Быть май мѣсяць, было жарко. Мы ѣхали на долгихъ, почти шагомъ, и стояли на станціяхъ часа по два, по три. Помню, какъ надоѣло намъ, наконецъ, это путешествіе, продолжавшееся почти недѣлю. Мы съ братомъ стремились тогда въ новую жизнь, мечтали о чемъ-то ужасно, обо всемъ „прекрасномъ и высшемъ“, — тогда это словечко было еще свѣжо и выговаривалось безъ irony. И сколько тогда было и ходило такихъ прекрасныхъ словечекъ! Мы вѣрили чему-то страстно, и хотя мы оба отлично знали все, что требовалось къ экзамену изъ математики, но мечтали мы только о поэзіи и о поэтахъ. Братъ писалъ стихи, каждый день стихотворенія по три, и даже дорогой, а я непрерывно въ умѣ сочинялъ романъ изъ венеціанской жизни. Тогда всего два мѣсяца передъ тѣмъ скончался Пушкинъ, и мы дорогой сговаривались съ братомъ, прїѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидать ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ...“.

По прїѣздѣ въ Петербургъ дѣтей помѣстили въ приготовительный пансіонъ К. Ф. Костомарова, и съ начала учебного года Достоевскій былъ зачисленъ въ Инженерное училище, но лишь одинъ: братъ его Михаилъ не былъ принятъ по болѣзненности.

Поступленіе въ специальное училище, въ которомъ преобладали прикладныя науки, на общее же образованіе и развитіе мало обращалось вниманія, оказало огромное вліяніе на всю жизнь Достоевскаго и на весь складъ его міросозерцанія. Безъ сомнѣнія, этому обстоятельству болѣе всего былъ онъ обязанъ тѣмъ упорствомъ, съ которымъ въ продолженіе всей жизни сохранялъ свои дѣтскія вѣрованія.

При литературныхъ наклонностяхъ, обнаружившихся уже въ Достоевскомъ, понятно, не могъ онъ особенно усердно заниматься сухими предметами училища. Отбывая кое-какъ экзамены, въ 1838 г. онъ засѣлъ на второй годъ въ одномъ изъ курсовъ. Вѣчно замкнутый въ себя, задумчивый и угрюмый, мальчикъ мало сближался съ товарищами, дни и ночи просиживалъ за книгами и первыми своими литературными опытами. Зато въ теченіе курса онъ успѣлъ познакомиться сверхъ русскихъ классиковъ съ Гёте, Шиллеромъ, Гофманомъ, В. Гюго, Ж. Зандъ, Бальзакомъ и проч. Подъ вліяніемъ Пушкина онъ принялся писать драму *Борисъ Годуновъ*. Сильное впечатлѣніе, произведенное на него нѣмецкою трагическою актрисою Лилли Леве въ драмѣ *Марія Стюартъ*, побудило Достоевскаго обработать эту трагическую тему по своему, для чего онъ тщательно принялся за приготовительное чтеніе и до 1842 г. ревностно занимался драмою, сдѣлавъ нѣсколько набросковъ ея.

Между тѣмъ отецъ Достоевскаго скончался въ 1839 г. Опекуномъ дѣтей сдѣлался мужъ сестры Достоевскаго, Карелинъ. Въ 1843 году Достоевскій кончилъ полный курсъ, былъ выпущенъ на дѣйствительную службу и зачисленъ при Санктъ-Петербургской инженерной командѣ съ употребленіемъ при чертежной Инженернаго департамента.

II.

По выходѣ изъ училища началась холостая, цыганская и полная лишений жизнь Достоевскаго. Нельзя сказать, чтобъ онъ не былъ обезпеченъ. вмѣстѣ съ казеннымъ жалованьемъ и высылками денегъ опекуномъ изъ Москвы, Достоевскій могъ располагать 5000 р. асс. въ годъ. Но онъ былъ крайне непрактиченъ, деньги уходили у него сквозь пальцы съ неимоверною быстротою, и онъ вѣчно сидѣлъ безъ гроша и кругомъ опутанный долгами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чертой характера, проходящею сквозь всю его жизнь: вѣчно, до гробовой доски, онъ жаловался на безденежье, хлопоталъ о займахъ, авансахъ и никакъ

не могъ свести концы съ концами. Это былъ человѣкъ увлекающійся, съ сильными страстями, не любившій ни въ чемъ себѣ отказывать; въ молодости же, сверхъ того, имѣлъ пристрастіе къ игрѣ, особенно на билліардѣ.

Матеріальное положеніе Достоевскаго сдѣлалось еще хуже, когда въ 1844 году онъ вышелъ въ отставку, такъ какъ инженерная служба претѣла ему и совершенно расходилась съ литературными наклонностями. Пришлось замѣнить ее переводами Ж. Зандъ для издателей, съ платою по 25 р. асс. за листъ. По выходѣ въ отставку Достоевскій засѣлъ за свой первый романъ *Бѣдные люди*. Въ маѣ 1845 года романъ былъ окончательно написанъ, и Достоевскій черезъ своего школьнаго товарища Григоровича передалъ его Некрасову, который собирался въ то время издавать сборникъ. Въ *Дневникъ Писателя* (1877 г., № 1) Достоевскій подробно вспоминаетъ о томъ восторгѣ, съ которымъ Некрасовъ и Григоровичъ, прочитавши романъ его, прибѣжали къ нему ночью, и какъ потомъ Некрасовъ передалъ романъ Бѣлинскому съ восклицаніемъ: «Новый Гоголь явился!», на что Бѣлинскій строго замѣтилъ: «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ», но когда прочиталъ самъ романъ, то въ волненіи воскликнулъ: «Приведите, приведите его скорѣ!..»

Романъ еще не выходилъ въ свѣтъ (онъ вышелъ въ началѣ 1846 года, будучи напечатанъ въ *Петербургскомъ сборникѣ* Некрасова), какъ Достоевскій успѣлъ уже приобрести лестную извѣстность въ литературныхъ кружкахъ.

„Ну, братъ,—пишетъ Достоевскій къ брату своему Михаилу 16-го іюля 1845 г.,—никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до того апогея, какъ теперь. Всюду почтеніе невмѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездною народа самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ Соллогубъ рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. Соллогубъ обѣжалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: „Что это за Достоевскій? *Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго?*“ Краевскій, который впрочемъ въ усь не дуется и рѣжетъ всѣхъ на-пропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести и осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любитъ меня какъ нельзя болѣе. На-дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слышалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня...“

Изъ хвастливаго тона этого письма можно судить, какъ вскружилась голова у молодого писателя отъ быстраго успѣха. Какъ человѣкъ крайне увлекающійся, Достоевскій не могъ скрыть и сдержать въ должныхъ границахъ разыгравшееся самолюбіе, впалъ въ заносчивость, вслѣдствіе чего отношенія его къ Бѣлинскому, Некрасову и всему кружку *Современника* сдѣлались натянутыми и испортились. Послѣ *Бѣдныхъ людей* лишь *Романъ въ девяти письмахъ* былъ напечатанъ въ № 1 *Современника* за 1847 г. и *Ползунковъ*—въ *Иллюстрированномъ альманахѣ*, изд. Некрасовымъ и Панаевымъ въ 1848 г. Остальные же произведенія перваго періода дѣятельности Достоевскаго (до ссылки) появились на страницахъ *Отечественныхъ Записокъ*: *Двойникъ* въ 44 т. 1846 г., *Господинъ Прохарчинъ* въ 48 т. 1846 г., *Хозяйка* въ 54 и 55 тт. 1847 г., *Слабое сердце* въ 56 т. 1848 г., *Чужая жена* въ 56 т. 1848 г., *Ревнивый мужъ* въ 61 т. 1848 г., *Елка и свадьба* въ 60 т. 1848 г., *Вѣлыя ночи* въ 61 т. 1848 г., *Неточка Незванова* въ 62, 64 тт. 1849 г. и, наконецъ, *Маленькій*

герой, написанный въ 1849 г., былъ помѣщенъ въ тѣхъ же *Отечественныхъ Запискахъ* послѣ уже ссылки, въ августѣ 1857 года.

Охлажденію къ кружку *Современника* не мало, конечно, способствовало и различіе въ убѣжденіяхъ, которое тогда уже начало обнаруживаться между Достоевскимъ и кружкомъ. Увлечшись вслѣдствіе своихъ бесѣдъ и споровъ съ Бѣлинскимъ политическими и социальными идеями, господствовавшими въ кружкѣ, Достоевскій въ то-же время упорно отстаивалъ свои религиозные взгляды, и вслѣдствіе этого члены кружка начали смотрѣть на него, какъ на человѣка отсталого. Этимъ разладомъ въ убѣжденіяхъ объясняется, что въ обзорѣнїяхъ русской литературы за 1847 годъ, съ безпощадною рѣзкостью напавшій на новую повѣсть Достоевскаго *Хозяйка*, найдя, что въ этой повѣсти Достоевскій пытается помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, Бѣлинскій, между прочимъ, весьма многозначительно смѣется надъ занятіемъ героя повѣсти, Ордынова, наукою. «Изъ словъ и дѣйствій Ордынова,—говоритъ онъ,—не видно, чтобы онъ занимался какою-нибудь наукою, но можно догадываться изъ нихъ, что онъ сильно занимался кабалистикой, чернокнижіемъ, словомъ, чаромутіемъ. Но, вѣдь, это не наука, а сущій вздоръ; но тѣмъ не менше она положила на Ордынова свою печать, т. е. сдѣлала его похожимъ на поврежденнаго и помѣшаннаго».

Разойдясь съ кружкомъ *Современника*, Достоевскій сблизился съ Бекетовымъ и С. Д. Яновскимъ и, продолжая увлекаться социализмомъ, поселился вмѣстѣ съ друзьями на общую квартиру на началахъ ассоціаціи. «Наконецъ,—пишетъ онъ брату,—я предложилъ жить вмѣстѣ. Нанялась квартира большая, и всѣ издержки по всѣмъ частямъ хозяйства, все не превышаетъ 1,200 р. ассигнаціями съ человѣка въ годъ... Такъ велики благодѣянія ассоціаціи».

Вскорѣ онъ вошелъ въ дуровскій кружокъ фурьеристовъ, самый умѣренный изъ всѣхъ кружковъ петрашевцевъ. По утверженію Милюкова, въ кружкѣ этомъ «не было никакихъ чисто революціонныхъ замысловъ». Дуровцы возставали на строгость тогдашней цензуры, крѣпостное право, административныя злоупотребленія, но мало помышляли о перемѣнѣ формы правленія, слѣдуя въ этомъ отношеніи ученію Фурье и его послѣдователей, не придававшихъ никакого значенія политическимъ переворотамъ.

Впрочемъ, когда однажды зашелъ споръ о средствахъ освобожденія крестьянъ и на замѣчаніе Достоевскаго, что «народъ нашъ не пойдетъ по стопамъ европейскихъ революціонеровъ», кто-то возразилъ, «ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ черезъ возстаніе?», то Достоевскій воскликнулъ: «такъ хотя бы черезъ возстаніе!..»

Но это запальчивое восклицаніе было лишь минутною экзальтаціей; въ общемъ же Достоевскій былъ весьма далекъ отъ какихъ бы то ни было революціонныхъ замысловъ, восторженно декламировалъ стихи Пушкина о паденіи рабства «по мановенію царя» и настаивалъ на томъ, что всѣ социалистическія теории не имѣютъ для насъ никакого значенія, что въ общинѣ, въ артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сень-Симона и его

школы, и что жизнь въ Икарійской коммуѣ и фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги.

Тѣмъ не менѣе 23-го апрѣля 1849 года Достоевскій былъ арестованъ вмѣстѣ со всѣми прочими петрашевцами, заключенъ въ крѣпость и подвергся военно-полевому суду по обвиненію въ томъ, что онъ «принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 г. прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копии Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести типографію и у Спѣшнева слушалъ чтеніе «Солдатской бесѣды».

Военно-полевой судъ, какъ извѣстно, приговорилъ всѣхъ петрашевцевъ, въ томъ числѣ и Достоевскаго, къ казни чрезъ разстрѣляніе, и этотъ ужасный приговоръ былъ прочтенъ осужденнымъ 22-го декабря 1849 г., заставивши ихъ двадцать минутъ прожить подъ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько минутъ ихъ не станетъ. Но по высочайшему повелѣнію смертная казнь была отмѣнена, и участь осужденныхъ была смягчена въ различныхъ степеняхъ. Относительно Достоевскаго окончательная резолюція заключалась въ ссылкѣ на каторгу на четыре года, а потомъ въ рядовые.

Въ рождественскій сочельникъ Достоевскій былъ отправленъ въ Сибирь. *Маленькій герой* было послѣднимъ произведеніемъ этого періода жизни Достоевскаго, написаннымъ уже въ крѣпости, и затѣмъ литературная дѣятельность его прервалась на многіе годы.

III.

Снабженный *Евангеліемъ*, подареннымъ ему женами декабристовъ, которыя въ Tobольскѣ посѣтили въ острогѣ петрашевцевъ и напутствовали ихъ своимъ благословеніемъ на предстоящую имъ каторгу, Достоевскій былъ водворенъ въ острогъ, гдѣ онъ и отбылъ всѣ четыре года наказанія. Въ *Запискахъ изъ мертвого дома* Достоевскій подробно описываетъ свою жизнь въ омскомъ острогѣ и всѣ ея впечатлѣнія. Мы считаемъ излишнимъ передавать ихъ. Замѣтимъ только, что на міросозерцаніе и мышленіе Достоевскаго каторга произвела крайне подавляющее и неблагопріятное впечатлѣніе. Правда, онъ имѣлъ возможность близко сойтись съ народомъ, изучить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне проникся и духомъ того мистицизма, который свойственъ темнымъ и безграмотнымъ людямъ. Его собственное міросозерцаніе, какъ мы говорили выше, стояло на ступени дѣтскихъ вѣрованій. Каторга еще болѣе укрѣпила ихъ, приучивъ его видѣть въ нихъ основу народнаго духа и русской жизни. Прибавьте ко всему этому полное отчужденіе отъ литературы: ни одной книжки не проникало въ острогъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ Достоевскій ничего не имѣлъ въ рукахъ, кромѣ одной библіи, и, по его словамъ, «читая по необходимости одну библію, онъ яснѣе и глубже могъ понять смыслъ христіанства».

Лишь въ послѣдній годъ, при новомъ плацъ-маіорѣ, положеніе Достоевскаго улучшилось. «Въ городѣ,—говоритъ онъ,—между служащими военными у меня оказались знакомые и даже давнишніе школьные товарищи.

Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже имѣть книги. Трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Это былъ нумеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ... особенно бросился я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена... Я съ жадностью слѣдилъ съ ними познакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду... Прежде же, при первомъ плацъ-маюрѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу».

Вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровье Достоевскаго значительно пошатнулось во время каторги. Онъ съ дѣтства страдалъ нервами, и передъ арестомъ нервы его были настолько уже распатаны, что въ 1846 году онъ былъ близокъ къ душевной болѣзни, и лишь попеченіямъ друзей своихъ, Бекетова и Яновскаго, онъ приписываетъ излеченіе отъ нея. Уже тогда по ночамъ находилъ на него тотъ *мистическій ужасъ*, который онъ подробно описалъ въ романѣ *Униженные и оскорбленные*, появлялись изрѣдка и припадки эпилепсіи. Въ Сибири болѣзнь его окончательно развилась и дошла до такой степени, что не было уже возможности и ему самому не убѣдиться въ ея настоящемъ характерѣ.

По окончаніи срока каторги, 2-го марта 1854 г., Достоевскій былъ зачисленъ рядовымъ въ Сибирскій линейный № 7 батальонъ; 1-го же октября 1855 г. былъ произведенъ въ прапорщики съ оставленіемъ при томъ же батальонѣ. Положеніе его значительно улучшилось съ прекращеніемъ каторги. Онъ былъ на свободѣ, безъ цѣпей, получилъ возможность имѣть уединеніе, отсутствіе котораго болѣе всего терзало его въ острогѣ; сталъ вести переписку съ родными и друзьями, принялся и за перо. Такъ, будучи въ Сибири, онъ написалъ *Дядюшкинъ сонъ* и *Село Степанчиково* и тогда уже задумалъ *Записки изъ мертваго дома*. Въ то-же время ему пришлось пережить собственный романъ, очень измучившій его нравственно и физически, но кончившійся бракосочетаніемъ въ Кузнецкѣ 6-го марта 1856 года со вдовою Маріей Дмитріевной Исаевой.

Наконецъ, послѣ большихъ и долговременныхъ хлопотъ и ходатайствъ, Достоевскій получилъ разрѣшеніе выѣхать изъ Сибири въ Европейскую Россію и поселился въ Твери. Вилетъ на проѣздъ выданъ былъ ему 30-го іюля 1859 г., и передъ осенью былъ онъ уже въ Твери; зимою же того же года было ему разрѣшено жить въ столицахъ.

Получивши полную свободу, Достоевскій, увлекаемый общественнымъ движеніемъ, дошедшимъ въ то время до своего апогея, не могъ ограничиться одною беллетристикою, и въ слѣдующемъ же году, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, замыслилъ журналъ *Время*, который и началъ выходить съ начала 1861 года.

Какъ направленіе *Времени*, такъ и составъ сотрудниковъ (Ап. Григорьевъ, Страховъ и пр.) свидѣтельствуютъ достаточно о томъ строѣ міросозерцанія, который въ это время сложился у Достоевскаго и затѣмъ послѣдовательно развивался въ продолженіе всей остальной жизни. Это было то полу-славянофильское, полу-западническое ученіе, адепты котораго носили названіе почвенниковъ, и которое, какъ мы видѣли уже въ

III главѣ, впервые выражалось въ *Москвитянинѣ*, имѣя своимъ родоначальникомъ и первымъ представителемъ Ап. Григорьева. Теперь во главѣ этой партіи всталъ Достоевскій, и ему-то именно и принадлежит кличка ея, такъ какъ выраженія: *мы оторвались отъ своей почвы*, намъ слѣдуетъ *искать своей почвы*, были любимыми оборотами Достоевскаго и встрѣчаются уже въ первой статьѣ его во *Времени*.

Насколько горячее и дѣятельное участіе принялъ Достоевскій въ новомъ журналѣ, видно изъ того, что съ первой же книжки сталъ печататься романъ его *Униженные и оскорбленные*, и одновременно съ нимъ, въ теченіе 1861 и 1862 годовъ, были напечатаны во *Времени*: *Записки изъ мертвого дома*. Сверхъ того, Достоевскій взялъ на себя критическій отдѣлъ, который открылъ статью: *Рядъ статей о русской литературѣ, введеніе*. Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ другихъ трудахъ по журналу, въ составленіи книжекъ, въ выборѣ и заказѣ статей, а въ первомъ номерѣ взялъ на себя и фельетонъ, который порученъ былъ Минаеву, но не понравился Достоевскому, и онъ наскоро написалъ свою статью подъ заглавіемъ *Сновидѣнія въ стахахъ и прозѣ*, вставивъ въ нее всѣ стихотворенія, которыми былъ пересыпанъ фельетонъ Минаева. Такого труда не выдержалъ распатанный организмъ Достоевскаго, и на третій мѣсяць онъ заболѣлъ.

Зато журналъ имѣлъ, значительный, по тому времени, успѣхъ. Въ первомъ же 1861 г. у не было 2,300 подписчиковъ; на второй же годъ—болѣе 4,000. Этотъ успѣхъ доставилъ Достоевскому возможность въ 1862 г. сдѣлать первую свою поѣздку за границу, результатомъ которой были *Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ*, напечатанныя въ № 2 и 3 *Времени* за 1863 годъ.

Но дни *Времени* были сочтены. Журналъ сгубила статья Страхова *Рокковой вопросъ* въ № 4 *Времени*, написанная по поводу польскаго возстанія такъ неловко, безтактно и темно, что администрація поняла ее совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ, и журналъ былъ воспрещенъ тотчасъ же по выходѣ № 4.

Этотъ погромъ не помѣшалъ Достоевскому лѣтомъ въ 1863 г. совершить вторичную поѣздку за границу, далеко не столь удачную, какъ первая. Будучи отъ природы игрокомъ, онъ соблазнился рулеткою въ одномъ изъ германскихъ городовъ. Но въ то время, какъ въ первую поѣздку онъ выигралъ 11,000 франковъ, во вторую, напротивъ того, проигрался до тла и остался безъ гроша, такъ что друзья принуждены были занимать для него деньги въ счетъ будущей его работы въ редакціи *Библиотеки для Чтенія*. Въ воспоминаніе этого эпизода былъ написанъ имъ впоследствии романъ *Игрокъ*.

Слѣдующій годъ былъ для Достоевскаго еще болѣе несчастенъ: во-первыхъ, онъ потерялъ двухъ самыхъ близкихъ ему людей: жену и брата Михаила, а во-вторыхъ, ему пришлось пережить прискорбную неудачу съ новымъ журналомъ, предпринятымъ вмѣсто *Времени*,—*Эпохою*.

Журналу этому не повезло съ самаго начала. Разрѣшеніе его вышло такъ поздно, что объявленіе объ его изданіи могло появиться лишь 31-го января 1864 года. Достоевскій въ это время находился въ Москвѣ у постели умиравшей жены и самъ былъ боленъ, такъ что не успѣлъ ничего написать, всѣ сотрудники были въ разбродѣ. Братъ Достоевскаго,

Михаиль, дѣйствовалъ вяло, измученный предшествовавшими волненіями и снѣдаемый смертельною болѣзнію. И вотъ лишь къ началу апрѣля, когда подписка на періодическіе журналы давно кончилась, явилась *Эпоха*, въ видѣ двойной книжки за-разъ, январской и февральской.

Такъ потянулась *Эпоха* и дальше: вяло, неопратно, запаздывая книжками. Сверхъ того, смерть Михаила Достоевскаго, 10-го іюня, принудила редакцію на два мѣсяца задержать изданіе до утвержденія цензурнымъ вѣдомствомъ новаго редактора въ лицѣ Ап. Ус. Порѣцкаго.

По смерти жены и брата, Достоевскій дѣятельно принялся за изданіе журнала, стараясь всячески вогнать книжки въ срокъ. Въ послѣдніе мѣсяцы 1864 года редакція выпускала по двѣ книжки въ мѣсяць, такъ что январь 1865 года вышелъ уже 13-го фаврала, а февраль—въ мартѣ. Несмотря на это, въ первый годъ журналъ успѣлъ уже такъ плохо рекомендовать себя, что на 1865 г. едва набралось 1,300 подписчиковъ,—число, съ которымъ журналъ, обремененный сдѣланными затратами, выдержать не могъ. Послѣ февральской книжки въ редакціи не оказалось ни копѣйки денегъ, никакой возможности платить сотрудникамъ, за бумагу, въ типографію. Все разсыпалось и разлетѣлось; семейство Михаила Достоевскаго осталось безъ всякихъ средствъ, а на Достоевскомъ выросъ долгъ въ 15 тысячъ.

Этимъ фіаско съ *Эпохой* заканчивается періодъ журнальной дѣятельности Достоевскаго, и начинается новая полоса созданія большихъ романовъ.

IV.

Лѣтомъ 1865 г., въ концѣ іюня, Достоевскій уѣхалъ за границу, а осенью возвратился въ Петербургъ и оставался здѣсь весь 1866 годъ. Это было самое тяжелое время въ его жизни. Больной, одинокій притѣсняемый кредиторами, обремененный заботами о семьѣ покойнаго брата, онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы, чтобы вывернуться изъ тяжелаго финансоваго положенія, и очень можетъ быть, что плодомъ такихъ усилій и были романы такихъ большихъ размѣровъ, какихъ до того времени Достоевскій еще не создавалъ. Такъ, въ теченіе 1865 и 1866 годовъ онъ написалъ лучший свой романъ *Преступленіе и наказаніе*, который печатался въ *Русскомъ Вѣстникѣ* съ января 1866 года.

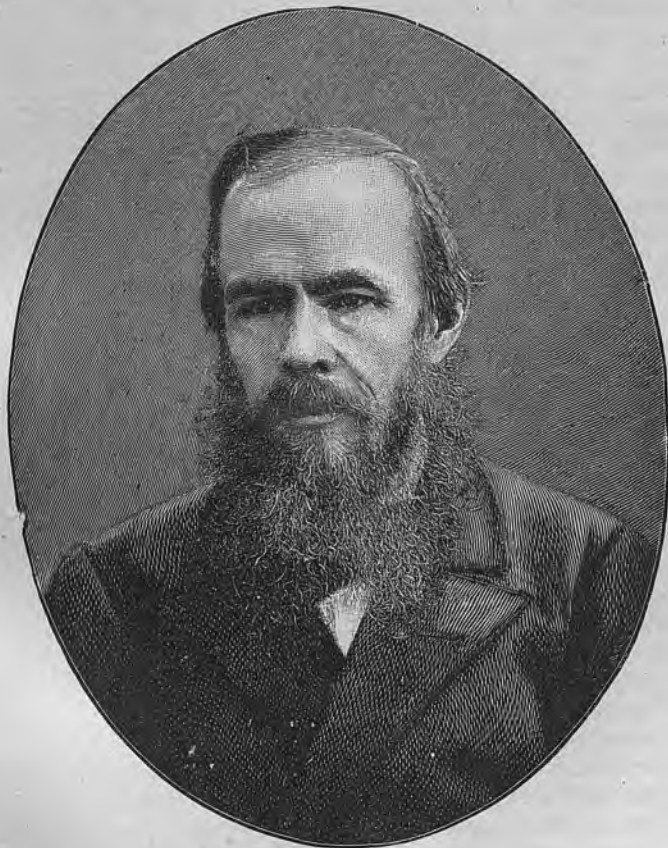
Въ томъ же году, чтобы выпутаться изъ долговъ, Достоевскій запродавъ Стелловскому право на полное собраніе своихъ сочиненій за 3,000 рублей, съ помѣщеніемъ въ изданіе особаго ненапечатаннаго еще нигдѣ романа. Срокъ доставки этого романа былъ обозначенъ въ контрактѣ. Вотъ тогда Достоевскій и началъ писать задуманный еще въ 1863 году романъ *Игрокъ*. Но видя, что не поспѣеть, если будетъ писать обыкновеннымъ порядкомъ, онъ пригласилъ къ себѣ стенографку. Къ нему явилась незнакомая дѣвушка, рекомендованная книгопродавцемъ П. М. Ольхинымъ, Анна Григорьевна Снитгина, которой суждено было стать его женою. Свадьба состоялась 15-го февраля 1867 г. Отъ этого брака было четверо дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ послѣ Достоевскаго осталось лишь двое: дочь Любовь и сынъ Феодоръ.

Вскорѣ послѣ свадьбы Достоевскій съ женой поѣхали за границу,

гдѣ они оставались до 1871 г., переѣзжая изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, болѣе же всего проживя въ Дрезденѣ. Въ эти четыре года были написаны Достоевскимъ романы: *Идиотъ*, напечатанный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868 г., *Вѣчный мужъ*—въ *Зарѣ* 1870 г. и *Бѣсы*—въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1871—1872 годовъ.

Въ июнѣ 1871 г. Достоевскіе рѣшились вернуться въ Петербургъ, не видя выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, и такъ какъ оставаться долѣе за границею сдѣлалось для нихъ совершенно невыносимо.

Послѣднее десятилѣтіе своей жизни Достоевскій провелъ въ Петер-

Ф. М. Достоевскій.

бургѣ, отлучаясь изъ него лишь на лѣтніе мѣсяцы, которые онъ проводилъ съ семьей по большей части въ Старой Руссѣ; въ 1874—1875 же годахъ они прожили тамъ и зиму. Это была та зима, въ которую Достоевскій писалъ *Подростка*, романъ, напечатанный въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1875 г. Когда дѣла поправились, Достоевскій нашелъ удобнымъ даже купить себѣ въ Старой Руссѣ домъ, куда регулярно семья

и переѣзжала вмѣсто дачи. Самъ же Достоевскій уѣзжалъ иногда на июль и августъ въ Эмсъ для леченія.

Такимъ образомъ жизнь Достоевскаго подъ конецъ дѣлалась все болѣе и болѣе правильною и осѣдлою: никакихъ передрагъ и переворотовъ онъ теперь не испытывалъ, и матеріальное положеніе его съ каждымъ годомъ улучшалось. 1873 годъ ознаменовался редактированіемъ *Гражданина*, по предложенію князя Мещерскаго. Достоевскій получалъ за это 250 р. въ мѣсяцъ, сверхъ платы за статьи. Въ 1876 году Достоевскій началъ издавать *Дневникъ писателя*—нѣчто въ родѣ ежемѣсячной газетки, наполненной сплошь его собственными статьями преимущественно политическаго содержанія, въ виду возникшей въ то время сербско-турецкой войны; но среди нихъ проскальзывали порою и беллетристическія вещи (*Кроткая*), а также статейки публицистическія и автобіографическія. *Дневникъ писателя* имѣлъ большой успѣхъ. За 1876 годъ у него было 1,982 подписчика и, кромѣ того, въ розничной продажѣ каждый номеръ расходился въ 2,000 до 2,500 экз. Нѣкоторые номера потребовали 2-го и 3-го изданія. Въ 1877 году было около 3,000 подписчиковъ и столько же расходилось въ розничной продажѣ. Одинъ номеръ, выпущенный въ 1880 году въ августѣ и содержавшій въ себѣ рѣчь о Пушкинѣ, былъ напечатанъ въ 4,000 экз. и разошелся въ нѣсколько дней. Было сдѣлано новое изданіе въ 2,000 экземпляровъ и разошлось безъ остатка. *Дневникъ* на 1881 г. печатался въ 8,000 экз. и имѣлъ въ январѣ, прежде выхода перваго номера, 1,074 подписчика. Всѣ 8,000 были распроданы въ дни выноса и погребенія. Сдѣлано было второе изданіе въ 6,000 экз. и разошлось безъ остатка.

Послѣдній годъ жизни Достоевскаго ознаменовался тѣми шумными и полными энтузіазма оваціями, которыми почтила его публика во время открытія пушкинскаго памятника, послѣ произнесенія имъ рѣчи на публичномъ засѣданіи «Общества любителей россійской словесности», 8-го іюня 1880 г. Рѣчь эта снискала ему такую популярность, какою онъ не пользовался въ продолженіе всей своей жизни. Онъ былъ осажденъ письмами и визитами; со всѣхъ концовъ Петербурга и краевъ Россіи къ нему непрерывно приходили съ выраженіями поклоненія, съ просьбами о помощи, съ вопросами, съ жалобами на другихъ и съ возраженіями противъ него.

Во вторую половину 1880 г. Достоевскій кончилъ *Братьевъ Карамзовыхъ* и составилъ *Дневникъ писателя*, единственный выпускъ за 1880 г., августъ. Въ этомъ выпускѣ онъ помѣстилъ рѣчь свою о Пушкинѣ, обставивъ ее поясненіями и отвѣтами на поднявшіяся противъ нея возраженія. Въ концѣ года было объявлено, что *Дневникъ* будетъ выходить на слѣдующій 1881 годъ. Январскій номеръ печатался и былъ почти готовъ къ выходу, но дни Достоевскаго уже были сочтены. Послѣднія девять лѣтъ своей жизни онъ страдалъ катарромъ дыхательныхъ путей, осложненнымъ эмфиземой. Смертельный исходъ этой болѣзни произошелъ отъ разрыва легочной артеріи, вслѣдствіе чего, начиная съ 25-го января, у Достоевскаго нѣсколько разъ повторялось кровотеченіе изъ горла, и 28-го января 1881 года, въ 8^{1/2} часовъ вечера, его не стало.

Похороны его, 1-го февраля, отличались большою торжественностью; за гробомъ, при несмѣтномъ количествѣ народа, шествовали 42 депутаціи

съ вѣнками. Погребенъ былъ онъ 2-го февраля на кладбищѣ Александровской лавры.

V.

Мы уже говорили выше, что Достоевскій рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ какъ міросозерцаніемъ, такъ и характеромъ творчества. Что касается міросозерцанія, то воспитанный, подобно прочимъ писателямъ его школы, на почвѣ социальнаго движенія сороковыхъ годовъ, въ кружкахъ петрашевцевъ, впоследствии подъ вліяніемъ ссылки и затѣмъ новыхъ литературныхъ связей онъ мало-помалу втянулся въ кружокъ почвенниковъ, сталъ во главѣ ихъ и подъ конецъ жизни обратился въ истаго славянофила и мистика. Въ этомъ превращеніи, равно въ мистическихъ теоріяхъ, которыя Достоевскій проповѣдывалъ въ своемъ *Дневникѣ* и затѣмъ въ романахъ, начиная съ *Преступленія и наказанія*, находятъ нѣчто общее у него съ гр. Л. Толстымъ. На первый взглядъ какъ будто это и такъ. Оба писателя разочаровались въ европейскомъ прогрессѣ, признали въ интеллигентномъ русскомъ обществѣ нравственную и умственную несостоятельность, пришли къ отчаянію, изъ котораго единственнымъ выходомъ для нихъ явилось проникновеніе живою вѣрою народныхъ массъ, и оба въ этой вѣрѣ увидѣли единственную возможность слиться съ народомъ. Затѣмъ, проникаясь все болѣе и болѣе духомъ христіанскаго ученія, оба пришли къ полному отрицанію матеріальнаго улучшенія общаго благосостоянія; гр. Толстой выступилъ съ теоріей непротівленія злу насиліемъ, а Достоевскій—съ теоріей нравственнаго возвышенія и очищенія путемъ страданій, что въ сущности одно и то же: въ чемъ же и выражается непротівленіе злу, какъ не въ безропотномъ перенесеніи страданій, причиняемыхъ зломъ?

Тѣмъ не менѣе между гр. Л. Толстымъ и Достоевскимъ существуетъ глубокое различіе. Въ гр. Л. Толстомъ мы видимъ отсутствіе консерватизма и преданности традиціямъ. Онъ относится ко всѣмъ ученіямъ съ безусловною свободою мысли и, подвергая ихъ смѣлой критикѣ, выбираетъ изъ нихъ лишь то, что соотвѣтствуетъ внушеніямъ его разума. Онъ—истый индивидуалистъ до мозга костей. Ему дѣла нѣтъ до общества, до отечества и его судебъ. Если бы онъ усмотрѣлъ, что для самосовершенствованія личности необходимо полное распадѣніе государства, онъ не постоялъ бы и за этимъ; да отчасти онъ и предполагаетъ нѣчто подобное, ратуя противъ такихъ функцій, какъ суды, войско, безъ которыхъ немислимо существованіе государствъ. Подъ народными массами онъ подразумѣваетъ не одинъ русскій народъ, а производительныхъ тружениковъ на всемъ земномъ шарѣ безъ различія національности, а подъ вѣрою, которую ищетъ въ средѣ этихъ тружениковъ, разумѣетъ не какія-либо религіозныя вѣрованія, а вѣру въ разумность и цѣлесообразность жизни и всего сущаго, ставя эту вѣру въ зависимость отъ живого и здороваго труда.

Достоевскій же является, напротивъ того, общественникомъ. Свобода и самосовершенствованіе личности мало его заботятъ. Личность по его ученію должна лишь смириться и безропотно принести себя въ жертву отечеству, ради исполненія той миссіи, какую предопредѣлено совершить Россіи,

какъ народу богоизбранному. Миссія эта заключается въ осуществленіи на землѣ истиннаго христіанства въ православіи, которому остается вѣренъ и преданъ русскій народъ; слиться же съ народомъ можно только однимъ путемъ: подобно ему, съ тою же безпредѣльною преданностью и вѣрою исповѣдывать православіе, въ которомъ все спасеніе, какъ для всего міра въ его цѣломъ, такъ и для каждой личности.

Что же касается характера творчества Достоевскаго, то онъ вполне опредѣляется тѣмъ, что Достоевскій былъ сынъ города и интеллигентный пролетарій, и въ этомъ заключается различіе его отъ прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Различіе это сказывается и во внѣшнихъ формахъ его произведеній. Мы не видимъ въ нихъ той изящной стройности, классической законченности, отдѣланности и отчужденности, какія васъ поражаютъ въ произведеніяхъ Тургенева и Гончарова. Напротивъ того, они поражаютъ васъ своею неуклюжестью, растянутостью, отсутствіемъ строгой отдѣлки, требующей досуга. Видно, что они писались съ поспѣшностью, къ сроку, человѣкомъ, который вѣчно нуждался, путаясь въ долгахъ, не въ силахъ былъ сводить концы съ концами. Поспѣшность работы заставляла его иногда прибѣгать къ стенографіи и диктовать свои произведенія.

Въ то же время поражаетъ васъ въ произведеніяхъ Достоевскаго полное отсутствіе тѣхъ художественныхъ элементовъ, какими такъ богаты прочіе беллетристы сороковыхъ годовъ: не найдете вы въ нихъ ни очаровательныхъ описаній природы, ни захватывающихъ духъ сценъ любви, свиданій, поцѣлуевъ, ни кружащихъ голову читателей обворожительныхъ женскихъ типовъ, чѣмъ такъ богатъ и славенъ Тургеневъ, а за нимъ Гончаровъ и гр. Толстой. Достоевскій принципиально отрицалъ все это, потѣшаясь въ *Бесахъ* надъ Тургеневымъ въ лицѣ писателя Кармазина съ его страстью изображать поцѣлуй не такъ, какъ они происходятъ у всего чело-вѣчества, а чтобы кругомъ росъ дрокъ, или какая-нибудь такая трава, о которой надобно справляться въ ботаникѣ, при этомъ на небѣ непременно долженъ быть какой-то фіолетовый оттѣнокъ, котораго, конечно, никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, а дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непременно какого-нибудь оранжеваго цвѣта и т. д.

Но не однѣ художественныя красоты отсутствуютъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, а вообще они бѣдны пластичностью, детальностью. Достоевскій не любилъ вдаваться въ подробности и обрисовывать предметы со всѣхъ сторонъ, и описательный элементъ играетъ въ произведеніяхъ его послѣднюю роль. Знакома съ дѣйствующими лицами и героями своихъ романовъ, Достоевскій хотя и перечисляетъ главныхъ ихъ примѣты, но вы съ трудомъ по этимъ примѣтамъ составляете себѣ понятіе объ ихъ наружности. Въ то же время герои его отличаются крайнимъ многословіемъ, говорятъ рѣчи подчасъ страницы въ двѣ, въ три и при этомъ выражаются языкомъ и слогомъ самого автора.

Въ одномъ этомъ пренебреженіи къ внѣшности, въ отсутствіи созерцательности, воспитываемой жизнью на лонѣ природы и однообразіемъ деревенскаго житья-бытья, — мы уже видимъ нервнаго сына города.

VI.

Сюжеты произведений Достоевскаго, въ свою очередь, представляютъ рѣзкое отличіе. У прочихъ беллетристовъ они отличаются крайнею простотою и односложностью; дѣйствующихъ лицъ выводится мало, иногда не болѣе двухъ, трехъ, четырехъ, и вся интрига заключается обыкновенно въ соперничествѣ двухъ любовниковъ и въ вопросѣ о томъ, котораго изъ нихъ героиня удостоитъ своей любви. Совсѣмъ не то видимъ мы у Достоевскаго. Сюжеты произведений его сложны и запутаны, дѣйствующихъ лицъ выводится масса. Читая романы Достоевскаго, вы словно слышите гулъ толпы, и передъ вами разворачивается городская жизнь со всею ея суетою и непрерывными сложными и непредвидѣнными столкновениями и отношеніями между собой людей, скученныхъ въ тѣснотѣ и смрадѣ городскихъ стѣнъ. При этомъ Достоевскій не ограничивался одними великосвѣтскими салонами или же интеллигентными кружками среднихъ классовъ общества: онъ любилъ водить читателей въ городскія трущобы, въ вертепы нищеты и разврата и, какъ истый сынъ города, мало того, что отлично изучилъ эти трущобы и вертепы, но и проникся ихъ мрачною поэзіею. Не вдаваясь въ описанія красотъ природы, онъ очень часто разворачиваетъ передъ вами иного рода ужасающія картины, отъ которыхъ у васъ мурашки ползутъ по спинѣ: картины городскихъ улицъ ночью, въ осеннее ненастье или зимнюю вьюгу, когда всѣ, у кого есть теплый кровъ, прислушиваются къ завываніямъ бури въ своихъ тепленькихъ уголочкахъ, и лишь безпріютныя, обиженные, сбившіяся со всякаго пути, полуодѣтыя въ жалкія рубища существа крадутся среди грязи, слякоти, холода и мрака, осыпаемая мокрымъ снѣгомъ, пронизываемая вѣтромъ и погруженная въ полубезумныя грезы. Въ этомъ отношеніи романы Достоевскаго принадлежатъ не къ жоржъ-зандовскому типу, какъ у прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, а скорѣе къ типу романовъ Диккенса съ ихъ подобнаго же рода мрачною поэзіею городскихъ вертеповъ, скрывающихъ во мракѣ ненастныхъ ночей невѣдомо какія страданія и преступленія. Наконецъ, мы подошли къ наиболѣе существенному качеству творчества Достоевскаго, именно тому психіатрическому анализу, который въ большинствѣ его романовъ стоитъ на первомъ планѣ и представляетъ главную ихъ силу и достоинство.

Извѣстный психіатръ д-ръ Чижъ, разобравшій произведенія Достоевскаго съ точки зрѣнія своей науки, удивляется научной вѣрности, съ какою Достоевскій изображаетъ душевно-больныхъ. По мнѣнію его, почти четверть дѣйствующихъ лицъ въ *Братьяхъ Карамазовыхъ*—шесть, въ *Преступленіи и наказаніи*, *Бѣсахъ*—по четыре, въ *Идиотѣ*, *Подросткѣ* и *Хозяинѣ*—по три, въ *Униженныхъ и оскорбленныхъ*—два и, наконецъ, почти во всѣхъ—по одному). На основаніи наблюденій такихъ специалистовъ, какъ Пинель, Эскироль, Гюисленъ, Гринингеръ, Ломброзо и Крафтъ-Эбингъ, д-ръ Чижъ доказываетъ, что Достоевскій былъ великимъ психопатологомъ, что онъ художественнымъ прозрѣніемъ опередилъ даже точную науку, и много изъ него перейдетъ несомнѣнно въ учебники психіатріи. Къ числу такихъ замѣчательностей д-ръ Чижъ относитъ совершенно правильно и мастерски объявленные и

развитыя: эпилептическую ауру (Мышкинъ), старческое слабоуміе (старикъ Сокольскій и князь К.), нравственное помѣшательство (Раскольниковъ и Свидригайловъ, Смердяковъ и Иванъ Карамазовъ), противоположеніе страсти и аффекта (во многихъ лицахъ, напримѣръ въ Дмитріѣ Карамазовѣ), галлюцинаціи (Иванъ Карамазовъ), противоположенія аффекта и настроенія (Сокольскій, Алексѣй Раскольниковъ), истерію, извращеніе прихотей, навязчивыя идеи (Лиза Хохлакова), связь религіозности и половыхъ влеченій, наслѣдственность, значеніе пьянства и т. д.

Преобладаніе психіатрическаго анализа и вѣрность изображенія душевно-больныхъ обусловливаются, конечно, прежде всего личною склонностью Достоевскаго къ нервнымъ болѣзнямъ; но въ то же время, въ свою очередь, представляются характеристичнымъ качествомъ писателя, взлѣбываемаго городомъ и проведшаго большую часть жизни въ городскихъ стѣнахъ, такъ какъ города и особенно тѣ вертепы нищеты, въ которые такъ любилъ заглядывать Достоевскій, являются главнымъ гнѣздомъ всякаго рода психическихъ болѣзней.

Отсутствіемъ примиряющаго и смягчающаго душу вліянія природы и преобладаніемъ раздражающихъ нервы впечатлѣній городской сутолоки можно объяснить и ту *жестокость*, какую обнаруживалъ Достоевскій въ своемъ психическомъ анализѣ и на которую вѣрно указываетъ Михайловскій въ своей статьѣ *Жестокій талантъ*. Дѣйствительно, только крайне раздраженными и вѣчно натянутыми нервами можно объяснить страсть Достоевскаго мучить читателя, изображая самыя тяжелыя и ужасныя въ психическомъ отношеніи положенія выводимыхъ лицъ и къ тому же преувеличивая эти положенія, доводя ихъ до послѣдней крайности и безвыходности, подолгу останавливаясь на нихъ и медленною художественною пыткою, словно съ какимъ-то сладострастіемъ жестокости, вымучивая нервы читателей.

Въ заключеніе общей характеристики Достоевскаго слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, при всемъ обилии выводимыхъ лицъ и кажущемся ихъ разнообразіи, все они сводятся къ весьма немногимъ типамъ, которые лишь съ небольшими варіаціями повторялись во всѣхъ его произведеніяхъ.

Такъ, вѣрный ученію почвенниковъ и особенно представителя ихъ Ап. Григорьева, Достоевскій въ основѣ большинства произведеній ставитъ одинъ изъ двухъ противоположныхъ типовъ: 1) типъ *кроткій*, челоуѣка любвеобильнаго, полнаго самоотверженія, готоваго все простить, все оправдать, гуманно отнестись къ измѣнѣ любимой дѣвушки и продолжать любить ее, устраивая даже ея бракъ съ другимъ, и т. п., таковы напр.: Ростаневъ въ романѣ *Село Степанчиково*, герой *Униженныхъ и оскорбленныхъ*, князь Мышкинъ въ *Идиотѣ* и пр.; 2) типъ *хищный* — эгоиста, исполненнаго страстей, не знающаго удержа своимъ похотямъ и не останавливающагося ни передъ какими божескими и челоуѣческими законами, таковы: Ставрогинъ въ *Бесахъ*, Дмитрій Карамазовъ и пр.

Въ свою очередь, и женщины Достоевскаго раздѣляются на подобные же два противоположные типа: съ одной стороны, *кроткій* — типъ женщинъ, обладающихъ нѣжнымъ, любящимъ до самозабвенія женскимъ сердцемъ, таковы: Нелли и Наташа въ *Униженныхъ и оскорбленныхъ*, мать Раскольникова и Соня въ *Преступленіи и наказаніи*, Хроменькая

въ *Бѣсахъ*, Нечочка Незванова, жена Макара Ивановича въ *Подросткѣ*; съ другой стороны рисуются передъ нами, въ свою очередь, *хищные* типы своеобразныхъ, обаятельныхъ и властныхъ до жестокости женщинъ, каковы: Полина въ *Игрокъ*, Настасья Филипповна въ *Идиотѣ*, Грушенька и Катерина Ивановна въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* и Варвара Петровна въ *Бѣсахъ*.

Часто повторяется также типъ развратнаго циника, для котораго законъ не написанъ и который не останавливается ни передъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ низменныхъ, иногда и противоестественныхъ страстей, таковы: князь-отецъ въ *Униженныхъ и оскорбленныхъ*, Свидригайловъ въ *Преступленіи и наказаніи*, Ѳедоръ Петровичъ Карамазовъ.

Наконецъ, не менѣе часто повторяется типъ бѣднаго чиновника, дошедшаго до послѣдней степени самоуниженія и обезличенія, но тѣмъ не менѣе сохраняющаго въ душѣ образъ Божій и чувство человѣческаго достоинства. Таковы: Дѣвушкинъ въ *Бѣдныхъ людяхъ*, Вася Шумиловъ въ *Слабомъ сердцѣ*, Мармеладовъ въ *Преступленіи и наказаніи*, и пр.

VII.

По идейному содержанию литературная дѣятельность Достоевскаго раздѣляется на два періода, какъ и у большинства беллетристовъ сороковыхъ годовъ: періодъ прогрессивный до половины шестидесятыхъ годовъ, а затѣмъ до конца жизни—агрессивный и реакціонный.

Въ произведеніяхъ перваго періода вы и тѣни еще не находите ни славянофило-почвенныхъ ученій, ни мистицизма, ни отрицательнаго взгляда на передовое общественное движеніе, усвоеннаго Достоевскимъ впоследствии. Они имѣютъ совершенно такой же характеръ и духъ, какими отличается и вся беллетристика сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ: тотъ же натурализмъ подъ сильнѣмъ вліяніемъ Гоголя и тотъ же скептический анализъ русской жизни.

Макаръ Дѣвушкинъ, скрывающій подъ смѣшною наружностью и рубищами гоголевскаго Акакія Акакіевича массу любви, нѣжности и высокаго самоотверженія, раздвоившійся Голядкинъ, прозрѣвшій въ своемъ двойникѣ весь омутъ опошленія и оподленія, которымъ угрожало ему засасывающее болото чиновничества, музыкантъ Ефимовъ—геній-самородокъ, искалѣченный крѣпостнымъ правомъ до безпробуднаго пьянства и сумасшествія, и пр., и пр., всѣ подобныя типы производили потрясающее впечатлѣніе на общество и сливались въ одинъ гармоническій аккордъ съ стихотвореніями Некрасова, съ *Записками Охотника*, съ *Антономъ Горемыкой* Григоровича, съ *Любимомъ Торцовымъ* Островскаго.

Иногда Достоевскій отклонялся въ этотъ первый періодъ своей дѣятельности отъ существенныхъ свойствъ своего таланта, составлявшихъ главную силу его,—именно отъ серьезнаго и временами мучительнаго психическаго и психіатрическаго анализа, и ударялся въ юморъ, очевидно подъ вліяніемъ Гоголя. Таковы его рассказы: *Чужая жена и мужъ подъ кроватью*, *Скверный анекдотъ*, *Крокодилъ*. Но произведенія эти показываютъ намъ, что юморъ не былъ свойственъ его таланту; въ нихъ поражаетъ васъ съ одной стороны искусственная и затѣливая

водевильность сюжетовъ, съ другой — крайняя напряженность и дѣланность смѣха, вслѣдствіе чего смѣхъ Достоевскаго не имѣетъ и слѣда той заразительности, какую обладаютъ истинные юмористы, въ родѣ Гоголя.

Прерванная ссылкой дѣятельность Достоевскаго расцвѣла съ новою силою послѣ освобожденія, во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, и въ теченіе десяти лѣтъ сохраняла еще все тотъ же характеръ, какой имѣла и до ссылки, несмотря на то, что Достоевскій стоялъ уже въ это время во главѣ почвенниковъ и издавалъ съ братомъ *Время* и *Эпоху*. Талантъ Достоевскаго достигъ въ то время своего апогея, и періодъ этотъ, сверхъ романа *Униженные и оскорбленные*, ознаменовался лучшимъ изъ всѣхъ произведеній Достоевскаго — *Записками изъ мертваго дома*.

Записки изъ мертваго дома, и по содержанію, и по духу, рѣзко отличаются отъ прочихъ произведеній Достоевскаго и стоятъ особнякомъ. Онѣ однѣ были бы способны увѣковѣчить память Достоевскаго. Здѣсь не найдете вы ничего такого, чѣмъ отличаются не всегда выгодно для себя прочія произведенія Достоевскаго: ни запутаннаго, сложнаго и искусственно придуманнаго сюжета, ни преобладанія психіатрическаго анализа, доходящаго до терзанія нервовъ читателей, ни излишней растянутости и неуклюжести. Все дышетъ неподкрашенной правдой, простотой и глубокимъ проникновеніемъ въ душу народа. Каждая подробность у мѣста, въ каждомъ эпизодѣ поражаетъ васъ глубокою прозрѣніемъ въ основы народной жизни. Все вмѣстѣ составляетъ стройную, законченную и величавую эпопею каторги, какую могъ создать лишь художникъ, самъ пережившій ее и на своихъ ногахъ вынесшій каторжные кандалы.

Въ то же время вы не видите здѣсь и тѣни доктринъ, къ которымъ пришелъ Достоевскій впоследствии. Все произведеніе проникнуто высокою гуманностью, въ духѣ которой Достоевскій воспитывался въ кружкахъ сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто того нравственнаго оздоравливающаго вліянія, какое Достоевскій приписывалъ впоследствии каторгѣ, вы найдете здѣсь взглядъ на нее совершенно противоположный.

„Я сказалъ уже, — читаемъ мы въ первой главѣ, — что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видѣлъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тѣславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что высѣдѣлъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сопровленное отъ всего свѣта? Но, вѣдь, можно же было во столько лѣтъ хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе, кажется, не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потрудище, чѣмъ полагають. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступниковъ; они только его наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее, и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ, какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же онъ ужъ потерялъ отъ него наказаніе, а черезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ и сквитавшимся. Можно судить, наконецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самого преступника“...

Записки изъ мертваго дома писались въ то время, когда Достоев-

скій не былъ еще въ Петербургѣ и не подвергался вліянію кружка, въ который онъ попалъ. Но затѣмъ вліяніе это не замедлило обнаружиться во время издательства журналовъ сначала въ видѣ полемики *Времени съ Современникомъ*, въ которой Достоевскій принялъ дѣятельное участіе. Такъ, въ своей статьѣ:—*Г. Бовъ и вопросъ объ искусствѣ*, напечатанной въ журналѣ *Время* въ № 2, 1861 г., Достоевскій, вооружаясь противъ Добролюбова, отстаивалъ доктрину чистаго искусства, несмотря на то, что его собственная литературная дѣятельность во всемъ ея составѣ рѣзко противорѣчила той доктринѣ. Въ то же время въ № 1 *Времени* за тотъ же годъ, въ своемъ *Введеніи и Пяти статьяхъ о русской литературѣ*, Достоевскій высказалъ впервые взгляды въ духѣ славянофильскаго ученія, при чемъ оказался ближе къ чистымъ славянофиламъ, чѣмъ къ почвенникамъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ и которые обаяны были ему своею кличкою.

„Да, мы вѣруемъ,—говоритъ онъ въ этой статьѣ,—что русская нація—необыкновенное явленіе въ исторіи всего человѣчества. Характеръ русскаго народа до того не похожъ на характеры всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ, что европейцы до сихъ поръ не понимаютъ его и понимаютъ въ немъ все обратно. Все европейцы идутъ къ одной и той же цѣли, къ одному и тому же идеалу; это безспорно такъ. Но все они раздвигаются между собою почвенными интересами, исключительны другъ къ другу до непримиримости, и все боже и боже расходятся по разнымъ путямъ, уклоняясь отъ общей дороги. Повидимому, каждый изъ нихъ стремится отыскать общечеловѣческой идеаль у себя, своими собственными силами, и потому все вмѣстѣ вредятъ сами себѣ и всему дѣлу“...

„Съ нами согласается, что въ русскомъ характерѣ замѣчается рѣзкое отличіе отъ европейскаго. рѣзкая особенность, что въ немъ по преимуществу выступаетъ способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловѣчности. Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Онъ со всемъ уживается и во все вливается. Онъ сочувствуетъ всему человѣческому въ различіи національности, крови и почвы. Онъ находитъ и немедленно допускаетъ разумность во всемъ, въ чемъ хоть сколько-нибудь есть общечеловѣческаго интереса. У него истиннѣе общечеловѣческой“...

Но подобныя идеи, высказанныя Достоевскимъ впослѣдствіи въ рѣчи на пушкинскомъ празднествѣ, при всей своей метафизической гадательности и фантастичности, не вліяли пока на содержаніе и характеръ дѣятельности его; къ тому же онѣ не заключали въ себѣ ничего реакціоннаго. Реакціонное направленіе обнаружилось въ Достоевскомъ лишь въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, т. е. почти одновременно съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, подъ вліяніемъ общей реакціи, наступившей съ 1863 года.

Къ сожалѣнію, первое произведеніе, въ которомъ обнаружился реакціонный духъ, былъ романъ *Преступленіе и наказаніе*, лучшій изъ всѣхъ романовъ Достоевскаго. Талантъ его въ этомъ романѣ вновь достигъ своего апогея, *блеснувъ яркимъ свѣтомъ*.

По глубокому психиатрическому и психологическому анализу *Преступленіе и наказаніе* достойно было бы стоять въ числѣ первыхъ и лучшихъ памятниковъ европейскаго искусства XIX вѣка. Но къ прискорбію на всѣхъ благомыслящихъ людей онъ произвелъ странное впечатлѣніе тѣмъ, что Достоевскій преступленіе своего героя Раскольникова обуславливаетъ вдругъ вліяніемъ новыхъ идей, якобы оправдывающихъ преступленія, совершающіяся съ благими цѣлями. Не менѣе поражаетъ въ романѣ развязка его въ видѣ нравственнаго возрожденія Раскольникова подъ вліяніемъ каторги.

Въ слѣдующемъ романѣ *Бѣсы* реакціонное направленіе сказалось еще рѣзче. Въ основѣ сюжета этого романа взять, какъ извѣстно, Нечаевъ-

скій процессъ, и въ романѣ выведенъ рядъ молодыхъ людей радикальнаго направленія въ видѣ такихъ нравственныхъ чудовищъ, что Достоевскій въ этомъ отношеніи далеко оставилъ за собою и Тургенева, и Гончарова, обнаруживъ еще болѣе поверхностное знаніе по наслышкѣ той среды, которую онъ взялся изобразить.

Тѣмъ не менѣе далеко нельзя сказать, чтобы реакціонное направленіе вполне овладѣло Достоевскимъ. Заваска гуманныхъ идей сороковыхъ годовъ была такъ сильна въ немъ, что временами давала себя знать, и во всѣхъ послѣднихъ произведеніяхъ Достоевскаго, равно какъ и въ *Дневникѣ писателя*, рядомъ съ славянофильскими и мистическими разглагольствованіями, словно оазисы въ степи, прорываются взгляды и образы, поражающіе васъ свѣтлостью и глубиной. Такъ, напримѣръ, реакціонное направленіе не мѣшало Достоевскому до самой смерти быть горячимъ приверженцемъ женскаго движенія. Въ майскомъ выпускѣ *Дневника* за 1876 годъ онъ восторженно заявляетъ, что въ русской женщинѣ заключена «одна наша огромная надежда, одинъ изъ залоговъ нашего обновленія».

„Возрожденіе русской женщины,—говоритъ онъ,—въ послѣдніи двадцать лѣтъ оказалось несомнѣннымъ. Подъемъ въ запросахъ ея былъ высокій, откровенный и безобязанный. Онъ съ перваго раза внушалъ уваженіе, по крайней мѣрѣ, заставилъ задуматься, не въпрямъ на нѣсколько поразительныхъ неправильностей, обнаружившихся въ этомъ движеніи. Теперь однако уже можно свести счеты и сдѣлать безобязанный выводъ. Русская женщина цѣломудренно пренебрегла прелестями, насмѣшками. Она твердо объявила свое желаніе участвовать въ общемъ дѣлѣ и приступила къ нему не только безкорыстно, но и самоотверженно. Русскій человѣкъ въ эти послѣдніи десятилѣтія страшно поддакъ разврату стяжанія, цинизма, матеріализма; женщина же осталась гораздо болѣе его вѣрна чистому поклоненію идеѣ, служенію идеѣ. Въ жалкѣ высшаго образованія она проявила серьезность, терпѣніе и представила примѣръ величайшаго мужества...“

Въ то же время мы видимъ, что Достоевскій глубоко сознавалъ тотъ демократическій духъ, который составляетъ сущность движенія нашего времени. Такъ, возвеличивая съ своихъ славянофильскихъ точекъ зрѣнія Россію надъ Европою, онъ основывалъ свои доводы не на одномъ только противоположеніи россійскаго православія и западнаго католицизма, а между прочимъ и на томъ, что въ то время, какъ въ Европѣ демократизмъ развивается въ обездоленныхъ массахъ пролетаріевъ и нищихъ и, встрѣчая оппозицію въ правящихъ классахъ, подтачиваетъ западныя государства, у насъ наоборотъ: демократическими стремленіями все болѣе и болѣе проникаются интеллигентные классы.

„Правда,—говоритъ онъ въ томъ же выпускѣ *Дневника*,—много въ теперешнихъ демократическихъ заявленіяхъ и фальши, много и журнальнаго плутовства; много увлеченія, напримѣръ, въ преувеличеніи нападокъ на противниковъ демократизма, которыхъ, къ слову сказать, у насъ теперь очень мало. Тѣмъ не менѣе честность, безкорыстіе, прямота и откровенность демократизма въ большинствѣ русскаго общества не подвержены уже никакому сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи мы, можетъ быть, представили или начнемъ представлять собою явленіе, еще не объявлявшееся въ Европѣ, гдѣ демократизмъ до сихъ поръ и повсемѣстно заявилъ себя еще только снизу, еще только волеетъ, а побѣжденный (будто бы) верхъ до сихъ поръ даетъ страшный отпоръ. Нашъ верхъ побѣжденъ не былъ, но верхъ сталъ демократиченъ или вѣрнѣе, народенъ, и кто же можетъ отрицать это? А если такъ, то согласитесь сами, что нашъ демось ожидаетъ счастливая будущность. И если въ настоящемъ еще многое неприглядно, то, по крайней мѣрѣ, позволительно питать большую надежду, что временныя невзгоды демоса непременно улучшатся подъ неустаннымъ и непрерывнымъ вліяніемъ впродъ такихъ огромныхъ началъ (либо иначе и назвать нельзя), какъ *всеобщее демократическое настроеніе и всеобщее согласіе* на то всѣхъ русскихъ людей, начиная съ самаго верха. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и выразился, что нашъ демось доволенъ, и „чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ удовлетворенъ“. Что же, въ это трудно не вѣрить...“

Хотя бы вы и не соглашались вполне съ подобными взглядами До-

стоевскаго относительно мнимаго превосходства Россіи передъ Европою по части демократизма, который мы усвоили отъ той же Европы, и при томъ вовсе не отъ обездоленныхъ низовъ, а изъ книгъ передовыхъ мыслителей, тѣмъ не менѣе Достоевскій остается тысячу разъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно общее проникновеніе демократизмомъ всей русской интеллигенціи до самыхъ ея верховъ составляетъ существенное отличіе нашего времени, и въ сочувствіи Достоевскаго этому факту, конечно, никто не станетъ подозрѣвать что-либо реакціонное. Напротивъ того, мы видимъ, что въ минуты подобныхъ просвѣтленій Достоевскій становился въ полное противорѣчіе со своими реакціонными взглядами. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, высказывая вѣру, что нашъ демось ожидаетъ счастливая будущность и что временныя невзгоды его непремѣнно улущшатся, онъ совсѣмъ забылъ свою теорію, гласившую, что страданія и невзгоды очищаютъ человѣка и возвышаютъ его нравственность и что чѣмъ болѣе кто пострадаетъ, тѣмъ вѣрнѣе спасется.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

І. Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ.—ІІ. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.—ІІІ. Алексій Теофилактовичъ Писемскій.—ІV. Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ.—V. Надежда Дмитріевна Хвощинская.—VI. Надежда Степановна Соханская (Кохановская).

І.

Къ четыремъ разсмотрѣннымъ нами корифеямъ, звѣздамъ первой величины въ созвѣздіи беллетристовъ сороковыхъ годовъ, примыкаетъ нѣсколько писателей, которые, въ свою очередь, были популярны и уважаемы, хотя и далеко не достигли той общеевропейской славы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Л. Толстой и Ф. Достоевскій.

Такъ, большимъ успѣхомъ въ продолженіе сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ пользовался Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ, сочиненія котораго нѣкоторыми наиболѣе горячими поклонниками были превозносимы до того, что авторъ ихъ ставился даже на одну степень съ Гомеромъ, Шекспиромъ и В. Скоттомъ. Но и менѣе увлеченные критики причисляли Аксакова къ числу первостепенныхъ и классическихъ русскихъ писателей.

Дѣятельность Аксакова распадается на два періода, до такой степени различные между собою, что они не принадлежатъ даже къ двумъ смежнымъ эпохамъ. Аксаковъ представляетъ собою единственный и исключительный экземпляръ писателя, который прямо и непосредственно отъ ложнаго классицизма, минуя романтизмъ, перешагнулъ къ натурализму гоголевской школы.

По возрасту онъ былъ значительно старше не только беллетристовъ сороковыхъ годовъ, но Пушкина и Гоголя, принадлежа къ поколѣнію начала девятнадцатаго столѣтія. Родился онъ 20-го сентября 1791 года въ Уфѣ и, подобно всѣмъ людямъ того времени, очень рано началъ и учиться, и жить. Въ 1801 году онъ былъ уже въ гимназіи, а въ 1805 году, т. е. 14 лѣтъ,—въ только что открытомъ Казанскомъ университетѣ. «Мало вы-

несъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ воспоминаній,—не потому, что онъ (университетъ) былъ еще молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ еще молодъ и дѣтски увлекался въ разные стороны страстностью моей природы. Во всю жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ».

«Въ началѣ 1807 г.,—говоритъ Аксаковъ въ другомъ мѣстѣ,—я оставилъ Казанскій университетъ и получилъ аттестатъ съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія я зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще и не преподавали. Этого мало: въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ я «оказалъ значительные успѣхи», а нѣкоторыми «занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ».

Кончивши такимъ образомъ 16-ти лѣтъ курсъ университета, въ 1808 г. Аксаковъ опредѣлился уже на службу переводчикомъ комиссіи составленія законовъ и находился на этомъ мѣстѣ до 1811 года. Въ эти три года пребыванія въ Петербургѣ онъ познакомился и сблизился съ Шишковымъ, такъ какъ уже на скамьѣ университета увлекался его націонализмомъ, не долбилъ Карамзина и восторгался *Разсужденіемъ о новомъ и старомъ слоgъ* и *Прибавленіями* къ нему. «Эти книги совершенно свели меня съ ума,—разсказываетъ онъ,—я увѣровалъ въ каждое ихъ слово, какъ въ святыню. Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, а темное чувство національности выросло до исключительности».

Затѣмъ съ 1811 года до 1826 г. Аксаковъ нигдѣ не служилъ, исключительно предавшись литературнымъ занятіямъ. Уже на школьной скамьѣ, въ гимназій и университетѣ, Аксаковъ пописывалъ въ рукописныхъ журналахъ, издаваемыхъ имъ съ товарищами; но болѣе всего пристрастился онъ къ театру, увлеченный успѣхомъ на различныхъ домашнихъ спектакляхъ, а также и въ декламаторскомъ искусствѣ. Въ 1812 г. онъ перевелъ *Филактета* стихами для бенефиса Шушерина. Въ то же время страсть къ театру сблизила его съ кружкомъ московскихъ театраловъ (Кокшкинъ, Шаховскій, Верстовскій, Загоскинъ, Писаревъ и др.), въ которомъ господствовали ложно-классическіе вкусы и поклоненіе Буало. Подъ этимъ вліяніемъ Аксаковъ написалъ нѣсколько пьесъ, басенъ, эпиграммъ, посланій, переводилъ сатиры Буало, а также комедіи Мольера (*Школу мужей* въ 1819 г. и *Скупого* въ 1828 г.).

Въ 1816 году Аксаковъ женился на дочери генерала Заплатаина. Въ 1820 г. за переводъ 10-й сатиры Буало былъ удостоенъ избранія въ члены «Общества любителей россійской словесности», а въ 1827 г. министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ опредѣлилъ своего друга цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ. На этомъ мѣстѣ Аксаковъ служилъ до 1834 года, омрачивши свое имя въ качествѣ цензора мало того что строгаго, но пристрастнаго и несправедливаго, такъ какъ онъ, мирволя своимъ, беспощадно въ то же время преслѣдовалъ въ лицѣ Н. А. Полевого своего литературнаго врага, вымарывая въ *Московскомъ Телеграфѣ* не только вещи, которыя онъ считалъ цензурными, но и недобрительные отзывы о своихъ пріятеляхъ и литературныхъ партизанахъ.

Загѣмъ съ 1834 года по 1839 годъ Аксаковъ служилъ инспекторомъ, а загѣмъ директоромъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, и въ 1839 году вышелъ окончательно въ отставку.

Въ теченіе тридцатыхъ годовъ въ умственной жизни Аксакова совершился радикальный переворотъ, которымъ онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что прежніе его друзья-театралы одни умерли, другіе разжились; онъ же сблизился съ новыми людьми,—Павловымъ, Погодинымъ, Надеждинымъ, а загѣмъ подпалъ подъ вліяніе и своего сына Константина. Но главнымъ виновникомъ переворота, происшедшаго съ Аксаковымъ, было знакомство съ Гоголемъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Аксакову было уже за сорокъ лѣтъ.

Вліяніе Гоголя сказалось въ очеркѣ *Буранъ*, написанномъ Аксаковымъ въ 1833 г. для альманаха Максимовича *Денница*. Въ этомъ очеркѣ Аксаковъ впервые сошелъ съ ложно-классическихъ ходуль и обратился къ живой, непосредственной дѣйствительности и личнымъ воспоминаніямъ. «Хотя прошло уже шесть лѣтъ, какъ я оставилъ оренбургскій край,—разсказываетъ онъ,—но картины лѣтней и зимней природы его были свѣжи въ моей памяти. Я вспомнилъ страшныя зимнія метели, отъ которыхъ и самъ былъ въ опасности и даже одинъ разъ ночевалъ въ стогѣ сѣна; вспомнилъ слышанный мною разсказъ о пострадавшемъ обозѣ и написалъ *Буранъ*».

Но лишь съ выходомъ въ отставку, съ 1840 года, Аксаковъ принялся серьезно за тотъ литературный трудъ, который увѣковѣчилъ его: онъ началъ набрасывать *Семейную хронику*, отрывки изъ которой были напечатаны въ *Московскомъ Сборникѣ* 1846 г. Въ 1847 г. появились его *Записки объ уженъ рыбы*; въ 1852 г.—*Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*; въ 1855 г.—*Разсказы и воспоминанія охотника*; въ 1856 году появилась въ полномъ видѣ *Семейная хроника*. Наконецъ, въ 1858 г.—*Дѣтскіе годы Багрова внука*.

Здоровье Аксакова начало страдать лѣтъ за двѣнадцать до кончины. Болѣзнь глазъ принудила его надолго запереться въ темной комнатѣ, и, непріученный къ сидячей жизни, Аксаковъ разстроилъ свой организмъ, лишаась при томъ одного глаза. Бодрость, впрочемъ, никогда не покидала его, даже въ послѣдніе годы жизни, когда болѣзнь развивалась все болѣе и болѣе и заставляла его почти постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Онъ былъ живъ и впечатлителенъ попрежнему; ясность духа его была невозмутима. Весною 1858 г. болѣзнь Аксакова приняла весьма опасный характеръ и стала причинять ему жесточайшія страданія; но онъ переносилъ ихъ съ необычайною энергіею и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ близъ Москвы и, несмотря на ужасную болѣзнь, имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ, въ какія тяжелыя минуты они созданы. Сюда принадлежитъ *Собираніе бабочекъ*, вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его смерти въ *Братчинѣ*,—сборникъ въ пользу бѣдныхъ казанскихъ студентовъ, которымъ онъ особенно интересовался. Осенью 1858 г. Аксаковъ переѣхалъ въ городъ и всю слѣдующую зиму провелъ въ ужасныхъ страданіяхъ. Ни помощь лучшихъ врачей, ни заботы семьи не могли спасти его жизни. Однако онъ продолжалъ еще иногда заниматься и написалъ статью *Зимнее утро, Встрѣчу съ*

мартинистами, послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его сочиненій, появившееся въ *Русской Бесѣдѣ*, 1859 г., и повѣсть *Наташу*, которая напечатана въ томъ же журналѣ. Весною не оставалось уже надежды, и онъ умеръ 30-го апрѣля 1859 года.

Произведенія Аксакова замѣчательны прежде всего тѣмъ, что здѣсь вы не найдете и слѣда творческой фантазіи, вымысла.

Все изображаемое авторъ бралъ непосредственно изъ жизни или изъ своей замѣчательной памяти, и искусство его заключалось въ поразительной вѣрности дѣйствительности и художественной изобразительности предметовъ съ малѣйшими ихъ деталями и оттѣнками, что обличало въ Аксаковѣ наблюдательность, выходящую изъ ряда обыкновеннаго.

С. Т. Аксаковъ.

При такихъ качествахъ таланта Аксаковъ наиболѣе прославился въ трехъ отношеніяхъ: во-первыхъ онъ является перво-степеннымъ пейзажистомъ своего времени. Если большинство беллетристовъ сороковыхъ годовъ славилось изображеніями красоты природы и преимущественно сельскихъ ландшафтовъ, то Аксакову безспорно принадлежить въ этомъ отношеніи первое мѣсто. При безыскусственной простотѣ и непосредственности, при отсутствіи вычурности и предвзятаго желанія блеснуть какимъ-либо эффектомъ, ландшафты его поражаютъ васъ своими мельчайшими деталями, равно и тѣмъ величественнымъ ансамблемъ, въ какой художнику удастся соединить эти детали. Очарованіе, производимое

ландшафтами Аксакова, зависитъ, конечно, и отъ того, что въ нихъ описывается по большей части оренбургскій край, столь богатый живописною природою и дарами ея.

Во-вторыхъ, Аксаковъ замѣчательнъ, какъ создатель совершенно новаго и оригинальнаго животнаго эпоса, подобнаго которому не было еще ни въ одной литературѣ. Это не тотъ завѣщанный древностью аллегорическій эпосъ, въ которомъ звѣрямъ приписываются человѣческія слабости и пороки, и подъ видомъ животныхъ пародируютъ тѣ же люди, при чемъ авторъ преслѣдуетъ нравоучительныя или сатирическія цѣли. Животный эпосъ, созданный Аксаковымъ, замѣчательнъ тѣмъ, что звѣри, птицы и рыбы изображаются имъ совершенно объективно въ ихъ дѣйствительныхъ нравахъ, привычкахъ, во всей ихъ звѣриной жизни, безъ какихъ бы то ни было дидактическихъ цѣлей, изъ единственнаго стремленія художественно изобразить и вѣрно передать массу разнообразныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ страстнымъ охотникомъ изъ многолѣтнихъ на-

блюденій надъ жизнью и правами звѣрей. Тутъ не знаешь, чему и дивиться: художественной полнотѣ, мѣткости и детальности, съ какимъ художникъ изображаетъ каждую породу встрѣчаемыхъ животныхъ, схватывая всѣ ея характеристическіе признаки, или поразительному богатству языка, владѣя которымъ авторъ сумѣлъ для каждой детали, малѣйшаго оттѣнка прибрать особенное слово и выраженіе.

Въ-третьихъ, не менѣ замѣчателенъ Аксаковъ, какъ мемуаристъ и бытописатель, въ свою очередь, первостепенный и несравненный. Въ его *Семейной хроникѣ* старая русская помѣщичья жизнь рисуется передъ вами во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ и со всѣми характеристическими особенностями, съ такою ясностью и поразительностью, какъ будто самъ авторъ переживалъ все, что онъ рассказывалъ о дѣдахъ и отцахъ. Рядомъ съ детальностью васъ поражаетъ здѣсь и умѣнье схватить, выставить на первый планъ и подчеркнуть наиболѣе характеристическія черты старой русской жизни.

Въ то же время передъ вами рисуется галерея портретовъ людей прошлаго столѣтія, которые мало того что поражаютъ васъ живостью художественнаго изображенія, но и своею типичностью, обличающею въ авторѣ умѣнье обратить ваше вниманіе на черты наиболѣе характеристическія, существенныя и общія людямъ изображаемаго вѣка. Въ особенности выдаются типы дѣдушки Багрова и Куралесова. Недаромъ они сдѣлались нарицательными кличками на ряду съ лучшими типами Гоголя.

II.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ является беллетристомъ, въ свою очередь, съ преобладающею наклонностью къ пейзажу и описательному жанру.

Григоровичъ родился 19-го марта 1822 г. въ Симбирской губерніи, въ деревнѣ на Волгѣ. Родители его были дворяне. Первые десять лѣтъ своей жизни онъ провелъ на родинѣ, на лонѣ природы. Затѣмъ былъ отданъ въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, а оттуда поступилъ въ Инженерное училище и былъ товарищемъ и однокашникомъ съ Ф. Достоевскимъ. Здѣсь въ немъ развилась страсть къ живописи и до такой степени увлекла его, что въ послѣдній годъ пребыванія въ училищѣ онъ совсѣмъ не занимался науками.

Оставивъ училище въ 1840 году, Григоровичъ поселился на Васильевскомъ острову и въ теченіе двухъ лѣтъ почти безвыходно пробылъ въ академіи художествъ, занимаясь въ рисовальномъ классѣ.

Но судьба не судила ему сдѣлаться художникомъ: вслѣдствіе слабости зрѣнія, онъ принужденъ былъ оставить любимое занятіе, хотя потомъ всю жизнь принималъ горячее участіе въ судьбахъ русской живописи и много лѣтъ былъ даже секретаремъ общества поощренія художниковъ.

На литературу натолкнуло Григоровича случайное знакомство съ Плюшаромъ, который въ то время издавалъ сборникъ *Переводчикъ* или *Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ*.—Въ этомъ сборникѣ было помѣщено нѣсколько переводовъ съ французскаго Григоровича. Это было

въ 1843 году, а въ 1844 году появились первые оригинальные рассказы Григоровича въ *Литературной газетѣ*: *Театральная карета* и *Собачка*, и тамъ же помѣстилъ онъ *Обзоръ выставки въ академіи художествъ*.

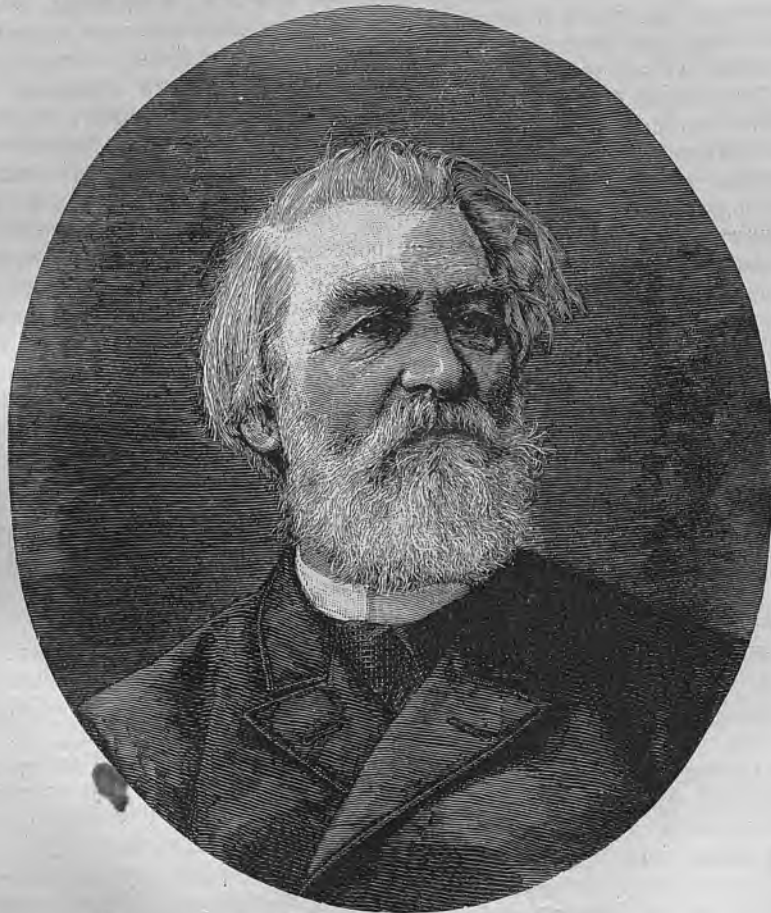
Съ Некрасовымъ Григоровичъ познакомился въ 1841 году. Въ 1845 же въ *Физиологіи Петербурга*, сборникѣ, изданномъ Некрасовымъ, были напечатаны два рассказа Григоровича: *Петербургскіе шарманщики* и *Лотерейный билетъ*. Всѣ эти рассказы были въ духѣ натуральной школы; при отрицательномъ отношеніи къ великосвѣтскимъ и бюрократическимъ правамъ столицы, съ претензією на юморъ, вы встрѣтите въ нихъ сочувственное и исполненное гуманности отношеніе ко всему загнанному и обездоленному, ютящемуся въ столичныхъ углахъ и труппахъ. Не лишеныя талантливости, эти повѣсти въ то же время далеко не заключали въ себѣ той яркости, оригинальности и силы, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики и сразу поставить писателя на высоту. Григоровичъ былъ замѣченъ, но мало выдѣлялся изъ массы повѣствователей того времени въ духѣ натуральной школы.

Болѣе громкая извѣстность и популярность Григоровича началась съ 1847 года, послѣ того какъ въ декабрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* была напечатана повѣсть его *Деревня*, а въ *Современникѣ* 1847 г.—*Антонъ Горемыка*. Этими рассказами Григоровичъ попалъ, что называется, въ самый живой нервъ времени, когда общій интересъ былъ возбужденъ народнымъ и преимущественно крестьянскимъ бытомъ, и само правительство подымало вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Обѣ повѣсти Григоровича, особенно послѣ восторженнаго отзыва о нихъ Бѣлинскаго, были причислены къ выдающимся литературнымъ явленіямъ своего времени и читались нарасхватъ.

Этотъ успѣхъ поощрилъ Григоровича писать изъ народнаго быта и, кромѣ многихъ небольшихъ рассказовъ: *Пахарь*, *Свѣтлое Христово воскресеніе*, *Въ ожиданіи паромъ*, *Смедовская долина*, онъ написалъ два большіе романа изъ крестьянской жизни: *Переселенцы* и *Рыбаки*. Здѣсь мы прежде всего должны если не разрушить совѣзмъ, то во всякомъ случаѣ значительно ограничить предрасудокъ, укоренившійся относительно рассказовъ изъ народнаго быта Григоровича, будто послѣдній совѣзмъ не зналъ народа, увлекшись же рассказами изъ крестьянской жизни Ж. Занда, изображалъ, по образцу этихъ рассказовъ, русскихъ крестьянъ, во образѣ французскихъ пейзанъ.

Предрасудокъ этотъ укоренился подъ впечатлѣніемъ позднѣйшихъ крупныхъ романовъ Григоровича изъ народнаго быта: *Рыбаковъ* и *Переселенцевъ*. Въ романахъ этихъ вы дѣйствительно видите много искусственнаго, дѣланнаго, сочиненнаго. Такъ, на примѣръ, автору, чтобы написать объемистый романъ, необходимо было составить сложный сюжетъ съ любовной интригой, ревностями, разочарованіями, препятствіями и всѣми перипетіями нѣжныхъ страстей. Но какъ ни много наблюдалъ Григоровичъ народъ, онъ все-таки зналъ его не настолько, чтобы изображать любовныя исторіи среди крестьянъ въ ихъ натуральномъ видѣ и психической правдѣ, тѣмъ болѣе, что наблюдать мужиковъ ему приходилось преимущественно въ ихъ общественной жизни, какъ они проявляютъ себя въ кабакахъ, на базарахъ, на сходкахъ, на деревенскихъ праздни-

какъ, въ объясненіяхъ съ господами или бурмистрами, но, конечно, ему никогда не приходилось видѣть, какъ любятъ парни и дѣвки, цѣлуются, и что говорятъ на тайныхъ свиданіяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ заставилъ выводимую въ романѣ молодежь изъясняться въ любви, томиться, страдать, ревновать и великодушничать совершенно такъ же, какъ это все дѣлалось въ помѣщичьихъ усадьбахъ подѣ влияніемъ чтенія французскихъ романовъ. Такимъ образомъ любящіеся парни и дѣвки и вышли у Григоровича въ родѣ пейзажъ романовъ Ж. Зандъ.—Но и въ

Д. В. Григоровичъ.

большихъ романахъ его встрѣтите массу второстепенныхъ лицъ, не занимающихся любовными интригами, которые изображены какъ нельзя болѣе реально и, являясь передъ вами чистокровными русскими мужиками, нисколько на французскихъ пейзажъ не похожи. Что же касается до мелкихъ разсказовъ Григоровича, то къ нимъ вышеозначенный пред-

разсудокъ никакого отношенія имѣть не можетъ. Въ разсказахъ этихъ все до послѣдней степени натурально, просто и непосредственно взято изъ жизни, начиная съ сюжетовъ и кончая дѣйствующими лицами и массою деревенскихъ сценъ, наполняющихъ разказы. Имѣемъ ли мы право назвать неестественными и похожими на французскихъ пейзажъ личность въ родѣ захудалаго мужиченка Антона-Горемыки, который принужденъ ради уплаты оброка продавать на ярмаркѣ послѣднюю лошадинку, да и ту у него уводятъ конокрады; или сиротки скотницы Акулины, которую баринъ насильно выдалъ замужъ въ богатую семью, думая сдѣлать ей этимъ благодѣяніе, а ее тамъ заклевали до смерти. Здѣсь все до послѣдней черточки какъ нельзя болѣе правдиво, во всемъ передъ вами здѣсь «Русь живетъ и Русью пахнетъ». Однимъ словомъ, не даромъ Бѣлинскій былъ въ восхищеніи отъ этихъ разказовъ, и, конечно, этотъ въ высшей степени чуткій къ малѣйшей фальши критикъ не могъ бы не замѣтить ея въ разсказахъ Григоровича, если бы въ нихъ дѣйствительно русскіе мужики были похожи на французскихъ пейзажъ.

Въ большей степени обращаетъ на себя вниманіе въ деревенскихъ разсказахъ Григоровича вотъ какое обстоятельство: какія бы ни изображалъ авторъ несчастныя приключенія съ горемычными героями, желая возбудить въ читателяхъ сочувствіе и участіе къ угнетенному народу и протестуя противъ крѣпостного права, вы чувствуете, что онъ платитъ лишь дань времени, на самомъ же дѣлѣ совсѣмъ не это болѣе всего занимаетъ и увлекаетъ его. Онъ является прежде всего художникомъ-живописцемъ. На первомъ планѣ всюду у него описаніе, картина, ландшафтъ: изображеніе внутренности убогой избенки, покривившагося плетня, сцены у кабака, грозы, осенней непогоды, распутицы и т. п. Сюжеты разказовъ являются словно лишь рамками, въ которыхъ авторъ развертываетъ передъ вами вереницу картинъ деревенскаго жанра. И надо отдать справедливость Григоровичу, какъ изобразитель внѣшней дѣйствительности, онъ является первостепеннымъ мастеромъ. Описанія его отличаются ясностью, отчетливостью, яркимъ, сочнымъ колоритомъ. Любое изъ нихъ ничего не стоило бы сейчасъ же воскресить на полотнѣ. Не даромъ Григоровичъ началъ свое служеніе искусству съ живописи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ призванъ быть болѣе живописцемъ, чѣмъ поэтомъ, и какъ пейзажистъ занимаетъ первое мѣсто послѣ С. Аксакова.

Совсѣмъ другое приходится сказать о юморѣ, которому Григоровичъ, въ свою очередь, старался заплатить обильную дань, подобно большинству беллетристовъ сороковыхъ годовъ, подъ влияніемъ Гоголя. Юморъ, очевидно, не принадлежитъ къ числу врожденныхъ качествъ таланта Григоровича, и потому вездѣ, гдѣ онъ является въ его произведеніяхъ, производитъ на васъ впечатлѣніе чего-то напряженнаго, дѣланнаго, неестественнаго. Особенно грѣшитъ этимъ романъ *Проселочныя дороги* (1852 г.), въ которомъ изображается старый помѣщичій бытъ. Григоровичъ построилъ этотъ романъ совсѣмъ безъ интриги, на одномъ чистомъ юморѣ, а потому онъ принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ произведеній Григоровича; дочитать его до конца—дѣло большого труда, и рѣдко кто на это покушается.

Очень возможно, что преобладаніе описательнаго, живописнаго элемента въ талантѣ Григоровича и недостатокъ глубокаго проникновенія

въ явленія жизни и были причиною, что послѣ десяти лѣтъ литературной дѣятельности, въ которыя Григоровичъ успѣлъ написать большую часть имъ созданнаго, онъ вдругъ прекратилъ свою дѣятельность и словно ступевался, когда настали горячіе годы реформъ, и отъ писателей начали требовать серьезнаго, идейнаго содержанія. Когда же волна общественнаго движенія упала, и настала эпоха новой реакціи, подобной пятидесятымъ годамъ, Григоровичъ вновь вынырнулъ въ послѣднее время съ своими повѣстями: *Карьеристъ* (1884 г.), *Акробаты благотворительности* (1885 г.), *Гуттаперчивый мальчижъ* (1886 г.), *Сонъ Карелина* (1887 г.), *Не по хорошему миль* (1889 г.), *Заноза* (1891 г.), *Порфирій Петровичъ Кукушкинъ* (1894 г.), *Пикникъ* (1896 г.), *Отставка и назначеніе* (1898 г.) и пр. Но надо отдать справедливость Григоровичу, онъ является однимъ изъ немногихъ людей сороковыхъ годовъ, не выронившихъ изъ рукъ званія, которое держали въ своей юности, не поспѣвшихъ встать въ открытую вражду съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ и людьми младшаго поколѣнія и не обратившихся изъ вождей прогресса въ поборниковъ мрака и застоя. Онъ остался чистымъ и незапятнаннымъ, и это одно зачтется ему въ большую заслугу! Умеръ Григоровичъ 22 декабря 1900 г.

III.

Но, увы, нельзя сказать того же самаго объ Алексѣѣ Теофилактовичѣ Писемскомъ, начавшемъ свое литературное поприще громко и блестяще, а кончившемъ печально.

Родители Писемскаго были небогатые дворяне Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда.

„Прослуживъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи,—разсказываетъ Писемскій въ своей автобиографіи,—отецъ мой уже въ чинѣ майора намѣлъ возможность побывать на родинѣ, т. е. въ Костромской губерніи, которая отстояла отъ Кавказа на двѣ тысячи почти верстъ; но онъ тѣмъ не менѣе большую часть пути совершилъ въ сопровожденіи четырехъ денщиковъ верхомъ, находя ѣзду въ акипалѣ совершенно для себя непріятною и очень безпокойною. На родинѣ ему пришлось жениться на моей матери, изъ довольно достаточнаго семейства Шиловыхъ. Отцу моему въ это время было лѣтъ сорокъ пять, а матери тридцать семь. Плодомъ этого брака между прочими дѣтьми былъ и я, родившійся въ 1820 году, 10-го марта, въ усадьбѣ Раменье. Четверо дѣтей, бывшихъ передо мною, померли, а равно померли и бывшіе послѣ меня пять человекъ. Если позволительно дѣтямъ произносить судъ надъ родителями, то я могу такимъ образомъ опредѣлить моего отца и мою мать. Отецъ мой въ полномъ смыслѣ былъ военный служака того времени, строгій исполнитель долга, умѣренный въ своихъ привычкахъ до шуризма, человекъ неподкупной чести въ смыслѣ денежномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сурово-строгий къ подчиненнымъ,—наши крѣпостные люди его трепетали, но только дураки и лѣнтяи, а умныхъ и дѣльныхъ онъ даже баловалъ иногда“...

„Мать моя была совершенно иныхъ свойствъ: нервная, мечтательная, тонко-умная и при всей своей недостаточности воспитанія прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собою она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была нехороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ еще студентомъ, имѣлъ со мной такого рода бесѣду:—„Скажи мнѣ, Алексѣй, отчего это мать твоя, чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?“—„Отъ того, папенька, что у мамашеньки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ“.—Отецъ согласился со мной“.

Первые десять лѣтъ Писемскій провелъ въ Ветлугѣ, гдѣ служилъ отецъ его по комитету о раненыхъ. Затѣмъ онъ жилъ въ деревнѣ, куда переселились его родители. Особенно рѣзвъ и шаловливъ онъ не былъ, но всегда любилъ устраивать игры въ попы, въ лошадки, пахалъ грядки.

сидѣлъ на лабазѣ, подстерегая медвѣдя. Умственное развитіе Писемскаго совершалось незатѣйливо.

„Учиться,—повѣствуетъ онъ,—меня особенно не нудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но зато читать, и читать особенно романы, любилъ до страсти; до четырнадцатилѣтняго возраста я уже прочелъ, въ переводѣ разумѣется, большую часть романовъ В. Скотта, „Донъ-Кихота“, „Фоблаза“, „Жильблаза“, „Хромого бѣса“, „Серапіоновыхъ-братьевъ“ Гофмана, персидскій романъ „Хаджи-Баба“; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ и, сколько припоминаю теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми.

„Наставники у меня были очень плохи, и все русскіе. Въ дѣтствѣ я, кромѣ латинскаго языка, никакому новому языку не учился, что мнѣ впоследствии приносило большой вредъ. Тщетно я въ гимназій и университетѣ старался ознакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, которымъ впрочемъ въ нѣкоторой степени и выучивался, но только не надолго: не проходило года, какъ я забывалъ языкъ.

А. О. Писемскій.

Вообще, кажется, у меня очень слаба способность къ языкамъ, къ исторіи и къ естественнымъ наукамъ; тогда какъ къ наукамъ философскимъ, къ математикѣ, къ метафизикѣ, къ логикѣ, эстетикѣ, этикѣ я весьма склоненъ“.

Въ 1834 году, когда Писемскому было четырнадцать лѣтъ, его отдали въ Костромскую гимназію, во второй классъ. «Учиться тамъ я началъ,—говоритъ онъ,—понятливо и довольно прилежно, но гораздо большую стяжалъ себѣ славу на актерскомъ поприщѣ». Страсть къ театру, которую сохранилъ онъ на всю жизнь, пробудилась въ немъ подъ вліяніемъ гимназиста Стайновскаго, старшаго его годами и приставленнаго къ нему чѣмъ-то въ родѣ тьютора. Стайновскій затѣялъ поставить *Казака-сти-*

сотворца, и въ немъ Писемскій весьма удачно сыгралъ комическую роль Прудаса.

Въ пятомъ классѣ Писемскій призванъ былъ учителемъ словесности прекраснымъ стилистомъ, въ шестомъ—написалъ уже повѣсть *Черкешенку*, а въ седьмомъ—*Чугунное кольцо*. Повѣсть эту, во вкусѣ Марлинскаго, Писемскій посылалъ въ столичныя редакціи, которыя не приняли ея.

Въ 1840 году Писемскій кончилъ курсъ гимназіи и опредѣлился въ Московскій университетъ на математическій факультетъ. Но здѣсь онъ мало занимался науками, большую часть времени посвящалъ чтенію, любительскимъ спектаклямъ и упражненію въ декламаторскомъ искусствѣ, въ которомъ Писемскій всегда былъ большимъ мастеромъ. Слава о немъ, какъ о превосходномъ чтецѣ Гоголя, и объ исполненіи имъ роли Подколесина, не уступающемъ Щепкину, разнеслась по всей Москвѣ, и избранное московское общество стекалось на любительскіе спектакли и чтенія посматрѣть и послушать Писемскаго. Что касается до математическихъ наукъ, то вліяніе ихъ на Писемскаго заключалось въ томъ, по его словамъ, что, «будучи фразеромъ, я въ этомъ случаѣ благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что самъ ясно понимаешь».

«Научныхъ свѣдѣній,—говоритъ онъ далѣе,—изъ моего собственнаго факультета я приобрѣлъ немного, но зато познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Ж.-Ж. Руссо, Вольтеромъ, В. Гюго и Ж. Зандомъ сознательно и оцѣнилъ русскую литературу».

Надо полагать, что знакомство Писемскаго съ Вольтеромъ и Руссо было поверхностное, такъ какъ онъ раздѣлялъ одну участь съ Ѳ. Достоевскимъ: тотъ же недостатокъ философскаго образованія и полную нетронутость мышленія. До самой смерти Писемскій продолжалъ коснѣть въ традиціонныхъ вѣрованіяхъ и міросозерцаніи людей, стоящихъ на низшемъ уровнѣ развитія. Откуда и происходили въ Писемскомъ, какъ и въ Достоевскомъ, расположеніе къ квазному патріотизму и склонность видѣть гибель въ каждомъ самостоятельномъ движеніи мысли.

Въ 1844 г. Писемскій кончилъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента и поѣхалъ въ провинцію на службу.

„На моемъ успѣхъ въ 1844 г. въ роли Подколесина,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—копчилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояли горе и необходимость служить: отецъ мой уже померъ; мать, пораженная его смертію, была разбита параличемъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія. Все это понимая, я впалъ по пріѣздѣ моемъ въ деревню въ меланхолію и ипохондрію, изъ какой спасла меня любовь. Еще ранѣе того, во время моего гимназическаго и университетскаго воспитанія, я влюблялся идеалью въ моихъ кузинъ, изъ которыхъ первая описана въ лицѣ Софіи, въ *Взбаломученномъ морѣ*, а вторая, въ лицѣ Мари,—въ *Людяхъ сороковыхъ годовъ*; но вышеказанная любовь была уже реальная и поглотила всего меня. Любовь эта мною выражена, во-первыхъ, въ романѣ моемъ *Боярщина*, въ отношеніяхъ Эльчанинова къ Аннѣ Павловнѣ, и потомъ, второй разъ, въ *Людяхъ сороковыхъ годовъ*, въ отношеніи Вихрова къ Фатѣевой. Но жизнь и родные не удовлетворились этимъ моимъ блаженствомъ, какъ не удовлетворилась имъ моя собственная совѣсть, тѣмъ болѣе, что написанный мною тогда романъ *Боярщина*, какъ протестъ противъ брака, былъ прямо прихваченъ цензурой, значитъ надежда на авторство могла тогда показаться сумасшествіемъ, и потому я рѣшился, во-первыхъ, посвятить себя службѣ, а потомъ жениться, избравъ для этого дѣвушку совершенно ужъ не кокетку, изъ семьи хорошей, но небогатой. Свадьба наша совершилась 11-го октября 1848 года. Жена моя отчасти обрисована мною въ *Взбаломученномъ морѣ* въ лицѣ Евпраксіи, которой сверхъ того придано въ романѣ названіе ледешка“.

Въ лицѣ жены своей, Екатерины Павловны, Писемскій сдѣлалъ необыкновенно удачный выборъ. Всѣ знающіе ее въ одинъ голосъ отзы-

ваются о ней, какъ о женщинѣ самыхъ рѣдкихъ достоинствъ. «Это при-
мѣрная женщина,—разсказываетъ Анненковъ,—умѣла успокаивать болѣз-
ненную мнительность Писемскаго и освободила не только его отъ заботъ
по хозяйству и воспитанію дѣтей, но, что важнѣе, освободила его и отъ
своего вмѣшательства въ его личную интимную жизнь, тоже исполненную
капризовъ и порывовъ; она же и переписала на своемъ вѣку, по крайней
мѣрѣ, двѣ трети всѣхъ его сочиненій съ черновыхъ оригиналовъ, пред-
ставлявшихъ всегда страшно запачканную макулатуру изъ кривыхъ стро-
чекъ, куриныхъ каракуль и чернильныхъ пятенъ».

Первое мѣсто службы Писемскаго была костромская палата государ-
ственныхъ имуществъ, а потомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ служилъ въ
московской палатѣ того же вѣдомства. Затѣмъ онъ поступилъ чиновникомъ
особыхъ порученій къ костромскому губернатору (князю Суворову). Въ
1849 году Писемскій былъ назначенъ ассессоромъ костромского губер-
нскаго правленія и прослужилъ въ этой должности до 1853 года. Съ этого
года и до 1859 года онъ служилъ въ Петербургѣ по министерству удѣловъ.
Затѣмъ, послѣ семилѣтней отставки, въ 1866 г. онъ опять поступилъ на
службу совѣтникомъ въ московское правленіе, гдѣ дослужился до старшаго
совѣтника. Наконецъ, въ 1874 г. окончательно вышелъ въ отставку въ
чинѣ надворнаго совѣтника.

Первое произведеніе Писемскаго, романъ *Боярщина*, принятый въ *Оте-
чественныя Записки*, былъ, какъ мы уже видѣли изъ словъ Писемскаго,
прихлопнутъ цензурой въ 1847 году, увидѣвшей въ немъ протестъ противъ
брака. Писемскій и самъ какъ бы соглашался съ этимъ приговоромъ.
Очень возможно, что, находясь подъ вліяніемъ Ж. Зандъ, подобно всѣмъ
своимъ современникамъ, Писемскій мечталъ провести подобную тенден-
цію въ своемъ романѣ, но на самомъ дѣлѣ никакой тенденціи не про-
велъ, такъ какъ, несмотря на всѣ постороннія вліянія, явился писате-
лемъ вполнѣ самобытнымъ, и художественное творчество повело его
совсѣмъ въ другую сторону; онъ оказался слишкомъ безнадежнымъ пес-
симистомъ, чтобы провести какую-либо тенденцію. Какой же протестъ
противъ брака можно вывести изъ романа, сюжетъ котораго заключается
въ томъ, что героиня вышла замужъ поневолѣ за необразованнаго, гру-
баго и дикаго бурбона, не могла съ нимъ ужиться, бросила его, сошлась
съ молодымъ человѣкомъ высшаго образованія, но и въ немъ пришлось
ей горько разочароваться, такъ какъ онъ оказался никуда негодною
тряпкою, и ей оставалось только умереть въ чахоткѣ.

Неудача съ *Боярщиною* не охладила Писемскаго къ литературнымъ
трудамъ, и въ 1848 году былъ напечатанъ въ *Сынѣ Отечества* малень-
кій разсказъ его *Нина*. Затѣмъ, приглашенный въ *Москвитянинъ*, онъ
примкнулъ къ почвенникамъ и съ ними перешелъ въ концѣ пятидеся-
тихъ годовъ въ *Библиотеку для Чтенія*, гдѣ былъ утвержденъ редакто-
ромъ послѣ Дружинина. Начиная съ 1850 года, слѣдуетъ непрерывный
рядъ его произведеній въ *Москвитянинѣ* и другихъ журналахъ: *Тюфякъ*,
Бракъ по страсти, *Комикъ*, *Ипосондрикъ*, *Богатый женихъ*, *Питер-
щикъ*, *М-ръ Батмановъ*, *Раздѣлъ*, *Лѣшій*, *Фанфаронъ* и пр. Въядомъ
же творческой дѣятельности является обширный романъ *Тысяча душъ*,
напечатанный въ *Библиотекѣ для Чтенія* въ 1858 году.

Начиная съ перваго романа, во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Писемскій

является неизмѣнно тѣмъ же самымъ, безъ малѣйшихъ измѣненій. Его опредѣляли обыкновенно, какъ трезваго реалиста, который, рисуя дѣйствительность во всей ея грязи и пошлости, доходитъ порою до цинизма въ своихъ изображеніяхъ, но не имѣетъ никакого идеала и вѣры въ прогрессъ. Первымъ и самымъ главнымъ качествомъ Писемскаго является безнадежный пессимизмъ, но совершенно не тотъ философскій пессимизмъ, который присущъ Тургеневу, гр. Л. Толстому и нѣкоторымъ другимъ беллетристамъ сороковыхъ годовъ; послѣдніе, сомнѣваясь въ окружающей дѣйствительности и современныхъ людяхъ, видѣли все-таки возможность иной дѣйствительности и иныхъ людей. Отнимите у пессимизма его Weltschmerz и романтическіе порывы къ лучшему, и вы получите тотъ циническій пессимизмъ практическаго буржуа, который столько навидѣлся въ своей жизни всевозможныхъ мерзостей, что утратилъ всякую вѣру въ человѣка, въ возможность какихъ-либо безкорыстныхъ высокихъ влеченій, за которыми не скрывались бы грязь и пошлость, и ему остается лишь разоблачать все эти явленія, кажущіяся свѣтлыми и отрадными, раскрывая всю ихъ низменность.

Пишущій эти строки своими ушами слышалъ отъ Писемскаго весьма непечатный афоризмъ, смыслъ котораго заключается въ томъ, что, какъ земля вокругъ своей оси, весь міръ людской вращается вокругъ половыхъ влеченій; все отъ нихъ происходитъ, все къ нимъ сводится, и, что бы ни творилось на землѣ высокаго и благороднаго, все это совершается ради нихъ. Вся философія Писемскаго и внутреннее содержаніе его произведеній выражаются въ этомъ афоризмѣ, съ тѣмъ лишь расширеніемъ его, что человѣчествомъ, по мнѣнію Писемскаго, движетъ исключительно одно только стремленіе всячески нѣжить и холить свое брѣнное тѣло, и все высокіе подвиги сводятся, въ концѣ концовъ, къ плотоугодію.

Если мы къ этому присоединимъ конкретность изображеній Писемскаго, обиліе выводимой грязи и подчасъ циническую смѣлость въ ея изображеніи, то невольно бросится въ глаза, что Писемскій имѣетъ много общаго съ современными французскими натуралистами: онъ предупредилъ и предсказалъ ихъ своими произведеніями.

Подобно большинству беллетристовъ сороковыхъ годовъ, Писемскій не преминулъ написать нѣсколько произведеній изъ народнаго быта, таковы: *Питершицкѣ*, *Лѣшій*, *Плотничья артель*, *Горькая судьбина*, *Батька*. Знаніе народнаго быта Писемскій обнаружилъ замѣчательное; языкъ дѣйствующихъ лицъ поражаетъ живостью и вѣрностью народному говору. Но въ то же время и здѣсь Писемскій остался неизмѣненъ: онъ не льститъ народу, не идеализируетъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ не выставляетъ его несчастнымъ для возбужденія къ нему участія читателей, а изображаетъ его пороки съ тѣмъ же откровеннымъ протоколизмомъ, какой вы найдете у Золя въ его «*La terre*» или же во *Власти тьмы* гр. Л. Толстого. Замѣчательно, что драма *Горькая судьбина*, при всемъ своемъ колоссальномъ успѣхѣ, раздѣляла одну участь съ *Властью тьмы* въ томъ отношеніи, что многіе были недовольны слишкомъ реальнымъ изображеніемъ убійства ребенка почти на самой сценѣ.

Но, какъ ни велики были слава и популярность Писемскаго, уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ литературная репутация его начала колебаться, и въ литературныхъ кружкахъ начали носиться смутные слухи

о томъ, что Писемскій съ пѣною у рта говорить о движеніи шестидесятихъ годовъ и готовится писать романъ съ цѣлью положить въ немъ въ лоскъ молодое поколѣніе. Безъ сомнѣнія эти слухи и были причиною той холодности, съ которою были встрѣчены въ *Современникѣ* и романъ *Тысяча душъ*, неудостойившійся даже критическаго отзыва, и драма *Горькая судьбина*. Писемскій дѣйствительно находился въ то время въ крайне озлобленномъ настроеніи. Если такіе философски-образованные люди, какъ Тургеневъ, не могли ясно осмыслить массу новыхъ народившихся явленій, не удивительно, что человѣкъ, опиравшійся въ своемъ мышленіи на одинъ только здравый смыслъ народа и ничего не видѣвшій вокругъ себя, кромѣ аггломерата пошлости и грязи, потерялся въ вихрѣ всевозможныхъ противорѣчій, какими было исполнено движеніе шестидесятихъ годовъ.

Въ концѣ 1861 года Писемскій открыто заявилъ себя противникомъ движенія, начавши писать фельетоны въ *Библиотекѣ для Чтенія* подъ псевдонимомъ Никиты Безрылова, въ которыхъ между прочимъ насмѣшливо отозвался противъ процвѣтавшихъ въ то время литературныхъ чтеній и воскресныхъ школъ. Фельетоны эти возбудили бурю въ либеральномъ лагерѣ, и особенно обрушились на нихъ въ *Искрѣ*. Писемскій былъ потрясенъ до глубины души этими нападками и отвѣчалъ на нихъ въ *Библиотекѣ для Чтенія* столь оскорбительно, что издатели *Искры*—Курочкинъ и Степановъ—вызвали Писемскаго на дуэль, которая впрочемъ не состоялась.

Это еще болѣе раздражило и озлобило Писемскаго, и въ 1863 году появился романъ его *Взбаломученное море*, возбудившій противъ себя всеобщее негодованіе и ожесточеніе во всѣхъ либеральныхъ слояхъ общества.

Нельзя сказать, чтобы Писемскій въ романѣ своемъ умышленно или по незнанію искажалъ дѣйствительность. Онъ остался какъ нельзя болѣе вѣренъ себѣ въ томъ отношеніи, что собралъ всю ту грязь, которую видѣлъ вокругъ себя, и движеніе шестидесятихъ годовъ изобразилъ исключительно только съ этой грязной стороны, ничего не признавая въ немъ, кромѣ одной минутной мути взбаломученнаго моря русской жизни, какъ и самъ говорить онъ въ послѣсловіи къ своему роману:

„Не мы виноваты, что въ быту нашемъ много грубости и чувственности, что такъ называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ, *здоровому смыслу*, она выдается на первый же фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣрить, что въ немъ вся сила и спасеніе!

„Въ началѣ нашего труда, при раздавшемся около насъ со всѣхъ сторонъ говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рабъ и пузыри, отчасти надутые извнѣ и отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу разной дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія“.

При нѣкоторой вѣрности дѣйствительности, хотя крайне односторонней,—въ политическомъ отношеніи романъ Писемскаго былъ въ неизмѣримой степени вреднѣе для друзей русскаго прогресса, чѣмъ если бы Писемскій нагаль въ немъ съ три короба. Ложь не замедлили бы опровергнуть, и оклеветанная правда восторжествовала бы съ новою силою, но романъ тѣмъ и ужасенъ, что обнаруживалъ дѣйствительныя язвы, какія коренились въ движеніи, но, къ сожалѣнію—однѣ только язвы, какъ будто весь организмъ его родины былъ сплошь изъѣденъ безысход-

ной гангреней. Вредъ такого пессимизма усугубляется тѣмъ еще, что въ художественномъ отношеніи это самое сильное произведеніе изъ всего, написаннаго Писемскимъ, и по жизненности и вѣрности типовъ, и по сложности сюжета съ широкимъ захватомъ русской жизни, и по живо-трепещущему интересу, съ которымъ романъ читается, и по силѣ производимаго впечатлѣнія. Видно, что Писемскій положилъ въ него всю свою душу, сконцентрировалъ весь опытъ, какой вынесъ изъ своей жизни.

Это было послѣднее властное слово, какое сказалъ Писемскій. Послѣ того онъ много еще написалъ; такъ, напримѣръ, четыре объемистые романа: *Люди сороковыхъ годовъ* (1869), *Въ водоворотѣ* (1871), *Мѣщане* (1877) и *Масоны* (1878), массу драматическихъ пьесъ, каковы: *Подкопы*, *Ваалъ*, *Просвѣщенное время*, *Финансовый геній*, *Самоуправцы*, *Былые соколы*, *Поручикъ Гладковъ*. Но всѣ эти произведенія представляютъ собою лишь блѣдную тѣнь прежняго Писемскаго; они читались, раску-пались, имѣли минутный сценическій успѣхъ, но проходили безслѣдно, не производя никакого вліянія, никакихъ критическихъ обсужденій или разговоровъ.

Послѣдніе годы своей жизни Писемскій провелъ въ Москвѣ. Онъ былъ обезвеченъ, жилъ въ собственномъ домѣ на Поварской; но состояніе его духа было очень печально. Онъ отъ природы былъ расположенъ къ ипохондріи и мнительности. Подъ старость же лѣтъ, подъ вліяніемъ погрома, который пережилъ по выходѣ *Взбаломученнаго моря*, горькаго сознанія увяданія своего творчества и общественнаго невниманія, хандра его при-нимала съ каждымъ годомъ все большіе и большіе размѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались и его старанія заглушить тоску виномъ. Особенно сильно зашилъ онъ послѣ внезапной смерти нѣжно любимаго сына Ни-колая, застрѣливагося отъ неизвѣстной причины. Къ нравственнымъ недугамъ современемъ присоединились и тѣлесныя. Безнадежная болѣзнь второго сына, Павла, профессора Московскаго университета, окончательно доканала Писемскаго; онъ умеръ 21-го января 1881 г.

IV.

Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ родился въ 1821 г. въ Оренбургѣ. Отецъ его—уральскій казакъ, человекъ зажиточный и занимавшій видныя мѣста въ яицкомъ войскѣ, вышелъ изъ него, недовольный новыми поряд-ками, и поступилъ на гражданскую службу. Одинъ изъ первыхъ учителя Авдѣева былъ сосланный въ Оренбургъ извѣстный польскій писа-тель Оома Занъ, другъ Мицкевича и основатель виленскаго патриотиче-скаго общества *Филаретовъ*. Затѣмъ Авдѣевъ учился въ гимназій въ Уфѣ, а окончилъ образование въ корпусѣ путей сообщенія, откуда былъ выпущенъ поручикомъ въ 1842 г., и отправился на службу въ Нижній-Новгородъ, а въ 1852 году въ чинѣ капитана вышелъ въ отставку. Во время крымской войны онъ былъ выбранъ начальникомъ дружины орен-бургскаго ополченія, а въ шестидесятихъ годахъ былъ членомъ крестьян-скаго по дѣламъ присутствія.

Послѣ выхода въ отставку Авдѣевъ поселился въ доставшейся ему отъ отца деревнѣ, въ живописной гористой мѣстности Стерлитамакскаго уѣзда; здѣсь онъ проживалъ большую часть года, пріѣзжая въ столицы

лишь на зимніе мѣсяцы. Въ 1862 г. онъ былъ сосланъ въ Пензу, но черезъ годъ ему дозволено было уѣхать за границу, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, близко сойдясь съ Тургеневымъ, съ талантомъ котораго онъ чувствовалъ въ себѣ наиболѣе сродства. Умеръ Авдѣевъ въ Петербургѣ 1-го февраля 1876 г.

Талантъ Авдѣева былъ небольшой, произведенія его не блестятъ яркими художественными достоинствами или оригинальностью. Онъ бралъ либеральною гуманностью чувствъ и симпатій и ловкимъ умѣньемъ попадать въ самый фарватеръ общественнаго теченія. Разъ чувствуя себя въ этомъ фарватерѣ, онъ слѣпо отдавался теченію, сочинялъ романъ или повѣсть по соотвѣтствующему шаблону, выводя нѣсколько героевъ, видимою самыхъ современныхъ, но въ сущности стереотипныхъ и сочиненныхъ, равно и въ цѣломъ каждое произведеніе его оказывалось всегда сочиненнымъ и надуманнымъ. Тѣмъ не менѣе романы его производили въ свое время живое впечатлѣніе, благодаря животрепещущимъ темамъ, мастерству разсказа и развитія сюжета, приправленнаго умными и резонными разсужденіями. Два же раза ему удалось затронуть самые чувствительные нервы общественнаго настроенія, что и выдвинуло его впередъ.

Въ первый разъ большую сенсацію произвели три повѣсти его, напечатанныя въ *Современникѣ* 1849, 51 и 52 гг.: *Варенька*, *Записки Тамарина* и *Ивановъ*, изданныя потомъ имъ отдѣльно въ 1852 г. подъ общимъ названіемъ: *Тамаринъ*. Это было какъ-разъ такое время, когда окончательно развѣнчивались романтическіе идеалы и въ томъ числѣ печоринскій типъ, когда Тургеневъ въ рядѣ произведеній показывалъ нравственную несостоятельность и ничтожество провинціальныхъ Гамлетовъ и Донъ-Жуановъ, а Гончаровъ смѣялся надъ порывами Александра Адуева. Авдѣевъ выступилъ со своимъ Тамаринымъ какъ нельзя болѣе кстати и сразу приобрѣлъ такую популярность, что имя Тамарина сдѣлалось кличкою для всѣхъ выдохшихся провинціальныхъ Печоринныхъ и очень часто встрѣчалось на страницахъ журналовъ въ критическихъ статьяхъ и обзорѣняхъ.

Второй разъ Авдѣеву удалось попасть въ жилку эпохи девять лѣтъ спустя, когда въ *Современникѣ* 1860 года былъ напечатанъ романъ его *Подводный камень*. Это было какъ-разъ въ такой моментъ, когда только-что были подняты женскій и семейный вопросы, когда у всѣхъ на устахъ были горячія разсужденія о вредѣ и гнусности семейнаго деспотизма, о необходимости полной свободы чувствъ и объ избавленіи женщины отъ вѣковаго рабства. Романъ Авдѣева, изображающій свободную измѣну жены по добровольному согласію великодушнаго мужа, пришелся обществу какъ нельзя болѣе по душѣ и возбудилъ сенсацію, несмотря на то, что казалось бы, тема романа вовсе не блистала особенной новизной: она была осколкомъ съ извѣстнаго романа Ж. Занда «*Jacques*» и не разъ уже разрабатывалась въ нашей литературѣ, такъ, напримѣръ, и въ *Кто виноватъ?* Искандера и въ *Полинкѣ Саксъ* Дружинина. Въ романѣ же Авдѣева публику подкупило ловкое умѣнье автора подать старое кушанье подъ самымъ современнымъ и свѣжимъ соусомъ.

Но только два раза и удалось Авдѣеву сдѣлаться героемъ дня. Третья попытка его въ этомъ родѣ потерпѣла fiasco. Это было въ концѣ уже

шестидесятихъ годовъ, когда женскій вопросъ съ почвы свободы чувствъ успѣлъ перейти на почву труда, всѣ реформы были уже совершены и земство только-что открыло свою дѣятельность. Въ это время Авдѣевъ выступилъ съ новымъ большимъ романомъ *Между двухъ огней*, напечатаннымъ въ *Современномъ Обозрѣннн* 1868 г.

Здѣсь выставленъ былъ новый герой, дѣятельный земець Камышинцевъ, вступающій въ бракъ послѣ разныхъ перипетій съ новой женщиной, занимающейся самостоятельнымъ трудомъ въ качествѣ сельской учительницы, Анной Барсуковой. Но романъ этотъ не произвелъ большого впечатлѣнія на публику.

Новый человѣкъ оказался очень старымъ, все тѣмъ же бонвиваномъ и Донъ-Жуаномъ сороковыхъ годовъ съ благородными порывами при полномъ неумѣннѣ осуществлять и доводить ихъ до конца и при отсутствнн всякой стойкости; настояще же новые люди, если и не осмѣяны благодушнымъ авторомъ съ той злобой, съ какой въ то время относились къ нимъ сверстники его, во всякомъ случаѣ остались не поняты имъ и поставлены въ тѣни въ полномъ пренебреженнн.

Помѣтивъ своего обветшалого героя, представляющаго какую-то неопредѣленную амальгаму Лаврецкаго и Калиновича, между двухъ огней, т. е. между реакціонерами и радикалами, Авдѣевъ не замедлилъ и самъ встать между тѣхъ же двухъ огней съ своимъ романомъ, такъ какъ критики лѣваго лагеря негодовали на Авдѣева за то, что онъ возвелъ въ герои такого пошляка, какъ Камышинцевъ, а критики праваго лагеря изъясняли недовольство за слишкомъ мягкое отношенн къ «вигилистамъ» Камышинцева и самого автора.

Провалившись на служенн новымъ злобамъ дня, оказавшимся и для Авдѣева такою же terra incognita, какъ и для всѣхъ его сверстниковъ, Авдѣевъ вновь вернулся къ старой темѣ, свискавшей ему наиболѣе лавровъ, именно свободной любви, и написалъ нѣсколько повѣстей въ этомъ родѣ: *Магдалина* (*Дѣло* 1869 г., № 1), *Сухая любовь* (*Дѣло* 1870 г., № 10), *Пестренькая жизнь* (*Отеч. Зап.* 1870 г., № 1), но эпоха увлеченн этимъ вопросомъ давно прошла, и Авдѣевъ свискалъ этими произведеннми лишь эпитетъ «специалиста по бракоразводнымъ дѣламъ».

Послѣдняя крупная вещь его—романъ *Въ сороковыхъ годахъ* былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы* за 1876 годъ, уже послѣ его смерти. Слабый въ художественномъ отношенн и не задѣвающій никакихъ злобъ дня, какъ это явствуетъ и изъ его заглавія, романъ этотъ любопытенъ лишь въ историческомъ отношенн, такъ какъ въ немъ между прочимъ изображенъ кружокъ Вѣлинскаго и особенно Герценъ.

V.

Такъ какъ романы беллетристовъ сороковыхъ годовъ особенно сильное влннн оказали на русскнхъ женщинъ, воспитавши поколѣнн поборницъ женской эмансипаціи и піонерокъ на пути женской самостоятельности, то нѣтъ ничего мудренаго, что, начиная съ конца сороковыхъ годовъ и до нашего времени, возникъ у насъ рядъ женщинъ-писательницъ въ духѣ этой школы. Такъ, почти одновременно со Станицкой, принадлежащей къ этой же школѣ (литературная дѣятельность которой была

разсмотрѣна нами во II главѣ), выступила Надежда Дмитріевна Хвоцинская, писательница, по своему таланту и самобытности, стоящая во главѣ писательницъ своего времени.

Надежда Дмитріевна Хвоцинская, по мужу Заіончковская, а по псевдониму В. Крестовскій, родилась въ 1825 году 20-мая въ Рязани, гдѣ служилъ ея отецъ сначала по вѣдомству коннозаводства, а затѣмъ окружнымъ начальникомъ по министерству государственныхъ имуществъ. Хвоцинская воспитывалась дома, рано обнаружила любовь къ литературѣ и начала писать стихи. Въ *Литературной Газетѣ* за 1847 годъ, въ № 38, были помѣщены впервые шесть стихотвореній ея съ подписью полного имени. Затѣмъ стихотворенія ея начали появляться въ *Пантеонѣ*, *Репертуарѣ*, *Отечественныхъ Запискахъ*, а въ 1853 г. въ *Пантеонѣ* (№ 1—3) была напечатана повѣсть ея въ стихахъ *Деревенскій случай*, вышедшая потомъ отдѣльной книгой.

Первое прозаическое сочиненіе Хвоцинской была повѣсть *Анна Михайловна*, напечатанная въ № 6 *Отечественныхъ Записокъ* за 1850 г. и впервые подписанная уже не собственнымъ именемъ Хвоцинская, какъ предыдущія вещи, а псевдонимомъ В. Крестовскій. Подъ обаяніемъ успѣха Хвоцинская въ 1852 г. отправилась въ Петербургъ, и это былъ первый выѣздъ ея изъ Рязани и первое посѣщеніе столицы, гдѣ она встрѣтила самый радушный приемъ. Вслѣдъ затѣмъ началась непрерывная дѣятельность Хвоцинской. Произведеніе за произведеніемъ печатались въ *Отечественныхъ Запискахъ*, иногда и въ другихъ журналахъ: *Пантеонѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, и пр. Упомянемъ главные и наиболѣе выдающіеся изъ ея повѣстей и романовъ: *Сельскій учитель* (1850), *Искушеніе* (1852), *Кто жъ остался доволенъ?* (1853), *Испытаніе* (1854), *Послѣднее дѣйствіе комедіи* (1856), *Свободное время* (1856), *Баритонъ* (1861), *Въ ожиданіи лучшаго* (1861), *Два памятныхъ дня* (1868), *Первая борьба* (1869), *Большая Медвѣдица* (1870—71), *На вечеръ* (1876), *Альбомъ, группы и портреты* (1874—77) и пр.

Скромная, робкая и застѣнчивая, до самой смерти сохранила Хвоцинская типъ провинціалки, не любила большого общества, толпы, предпочитая уединеніе и тѣсный кружокъ друзей. Почти всю жизнь прожила она въ Рязани въ небольшомъ домикѣ, доставшемся ей отъ родителей, кормя своими трудами старушку мать и убогую сестру. Когда онѣ умерли и Хвоцинская осталась одна, она переѣхала въ Петербургъ, гдѣ и прожила послѣдніе годы своей жизни въ сообществѣ съ г-жою М—ой, съ которою находилась въ тѣсной дружбѣ. Петербургскій климатъ пришелся ей не понутру; она схватила воспаленіе въ легкихъ, которое приняло хроническую форму, но у нея не было средствъ даже и для переѣзда на дачу, и послѣдніе два-три года прожила она безвыѣздно въ городѣ, медленно угасая и борясь въ то же время съ удручающею нуждой. Лишь весной 1889 года она переѣхала въ Старый-Петергофъ, но уже для того только, чтобы помереть, — 8-го іюня ея не стало; 10-го іюня она была похоронена на старо-петергофскомъ Троицкомъ кладбищѣ.

Литературную дѣятельность Хвоцинской можно раздѣлить на два періода. Первый періодъ обнимаетъ десятилѣтіе ея дѣятельности съ 1850 года по 1861 годъ. На всѣхъ произведеніяхъ этого періода отражаются реакція пятидесятихъ годовъ и замкнутая провинціальная жизнь писа-

тельницы. Въ нихъ изображаются исключительно нравы провинціального бомонда, дѣйствіе не выходитъ изъ семейной сферы и въ то же время васъ поражаетъ уость міросозерцанія автора. Это романы губернскихъ баловъ, пикниковъ и усадебныхъ развлеченій. Преобладающими типами являются здѣсь мать семейства въ видѣ коварной интриганки, съ-молоду кокетка, а подъ старость суровая ханжа и нервная тиранка, держащая весь домъ въ ежовыхъ рукавицахъ, производящая ежедневно чувствительныя нервныя сцены съ истериками и выдающая дочерей за первыхъ попавшихся соискателей, ради поправленія разстроенныхъ финансовъ; добрякъ отецъ, ни во что не входящій, съ-молоду украшавшійся рогами, а подъ старость выдерживающій ежедневно истерики своей супруги, покоряющійся безусловно ея непоколебимой волѣ и оплакивающій судьбу дочерей, выдаваемыхъ за негодяевъ; типъ извѣженнаго, избалованнаго селадона съ высокими фразами о чувствахъ, объ обязанностяхъ и несостоятельнаго на дѣлѣ, оказывающагося коварнымъ другомъ и безхарактернымъ любовникомъ; типъ сына, обезличеннаго и доведеннаго до последней степени идиотизма подъ гнетомъ материнскаго деспотизма, соединеннаго съ баловствомъ,—словомъ, Митрофанушки нашего времени; рядъ молодыхъ дѣвушекъ, простыхъ, добрыхъ, способныхъ глубоко и беззавѣтно полюбить, но совершенно обезличенныхъ и доведенныхъ до пассивнаго повиновенія; наконецъ, рядъ старыхъ дѣвъ, обездоленныхъ, терпящихъ вѣчныя попреки и поношенія, тщетно ищущихъ любви и участія въ людяхъ.

Главное достоинство этихъ произведеній—задушевная теплота тона и гуманное участіе къ угнетеннымъ и обиженнымъ. Живо и глубоко чувствуя одуряющую ложь пошлой жизни свѣтскаго досуга, постигнувъ всю грязь провинціальныхъ сплетенъ, тщеславія, зависти и мелкой злости, весь давящій и обезличивающій гнетъ семейнаго деспотизма, Хвоцинская изображаетъ печальную дѣйствительность во всей ея безобразной наготѣ, не жалѣя ни красокъ, ни своего тонкаго анализа. Въ каждомъ ея романѣ—потрясающая драма, въ концѣ которой у васъ разрывается сердце при видѣ какой-нибудь безотвѣтной жертвы ужасающей среды, или молодой дѣвушки, судьбою которой родители распоряжаются какъ имъ угодно, тщетно рыдающей у ногъ ихъ въ мольбахъ о счастіи; или старой дѣвы, представляющей мишенью для плоскихъ насмѣшекъ высокомерныхъ благодѣтелей, пріютившихъ ее изъ жалости, и праздныхъ селадоновъ, приходящихъ къ нимъ въ гости; или молодой дамы, вдовы, которую пошлый свѣтскій хлыщъ и волокита позволяетъ себѣ компрометировать безнаказанно въ глазахъ свѣта, и она не знаетъ, куда дѣться ей подъ гнетомъ гнусныхъ клеветъ и сплетенъ, обрушивающихся на нее со всѣхъ сторонъ въ праздномъ пустомъ обществѣ.

Но при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ романовъ Хвоцинской, величайшій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что писательница, не останавливаясь на одномъ отрицаніи, спѣшитъ успокоить читателей, выводя рядъ свѣтлыхъ явленій, положительныхъ типовъ, но тутъ именно и сказывается уость нравственнаго кругозора писательницы. Идеальность положительныхъ типовъ Хвоцинской заключается обыкновенно въ томъ, что писательница надѣляетъ ихъ добродѣтелями въ духѣ прописной морали, въ родѣ постоянства въ любви и дружбѣ, гуманности къ низшимъ,

честности въ денежныхъ расчетахъ. Но изъ-подъ всѣхъ этихъ качествъ такъ и проглядываютъ филистерство, узкая ограниченность мѣщанской посредственности, а подъ-часъ и жалкая тряпичность. Особенно любила Хвоцинская оттънять свѣтскую среду людьми несвѣтскаго покроя, бѣдняками, тружениками. Но всѣ эти труженики являются у Хвоцинской подъ личиною идеальныхъ совершенствъ жалкими пошляками, терпятъ

Н. Д. Хвоцинская.

тысячу оскорбленій отъ свѣтскихъ хлыщей, и не только хлыщамъ проходить это безнаказанно, но идеальныхъ бѣдняковъ какой-то магнитъ такъ и тянетъ непременно въ свѣтскую среду, гдѣ къ нимъ такъ дурно относятся.

Романъ *Большая Медвѣдица* стоитъ на рубежѣ второго періода дѣятельности Хвоцинской. Содержаніе этого романа построено уже не на исключительно семейной, а на общественной почвѣ движенія шестидеся-

тыхъ годовъ; является попытка изобразить новую женщину, стремящуюся на путь труда и общественнаго блага. Но тѣмъ не менѣе встрѣчаете вы въ романѣ не мало и дореформенной закваски, въ видѣ хотя бы идеализаціи безкорыстнаго провинціальнаго чиновника, старика Багрянскаго съ его домостроевскою маралью.

Въ дальнѣйшихъ же произведеніяхъ Хвощинская вполнѣ уже встала на новый путь, отрѣшившись отъ прежнихъ недостатковъ. Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ этого втораго періода ея дѣятельности относятся: *Первая борьба* и *Альбомъ, группы и портреты*.

Главное содержаніе этихъ произведеній заключается въ мрачной картинѣ того паденія нравовъ и опошленія, какія замѣчаются въ русскомъ обществѣ семидесятыхъ годовъ послѣ подъема его въ шестидесятые годы. Преобладающими типами являются здѣсь люди павшіе, не выдержавшіе борьбы за правду, соблазнившіеся матеріальными благами жизни и измѣнившіе убѣжденіямъ и порывамъ юности. Особенное мастерство проявляетъ Хвощинская въ изображеніи двуличныхъ лицемѣровъ, повидимому безкорыстно честныхъ, гуманныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ порядочныхъ при первомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними, а при ближайшемъ столкновеніи оказывающихся малодушными, подлыми и безсердечно-низкими эгоистами.

Надежда Степановна Соханская, извѣстная въ публикѣ подъ псевдонимомъ Кохановской, родилась 17-го февраля 1825 г. отъ брака Степана Павловича Соханскаго и В. Гр. Лохвицкой. Рано лишившись отца, она была воспитана матерью, женщиной глубоко-религіозною. На девятомъ году ее отдали въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ она кончила курсъ съ шифромъ. Въ семьѣ все вниманіе было обращено на двухъ ея братьевъ. Соханская же воспитывалась въ полномъ забросѣ. Въ институтѣ у нея не было ни книгъ, ни тетрадей. Она все взяла усидчивымъ трудомъ. Послѣ института ее ожидала жизнь въ глухой, степной деревушкѣ, безъ книгъ, безъ людей, безъ копейки денегъ въ карманѣ. Она не знала молодости. Весь домъ приносился въ жертву братьямъ, а она должна была покоряться; при каждомъ же заявленіи воли на нее смотрѣли удивленно и относились съ оскорбительной строгостью. «Меня загноули,—писала она вполнѣдствіи одной своей пріятельницѣ,—запугали, едва десятилѣтнюю дѣвочку, уединенную съ самое себя. Какъ не ожесточили мнѣ моего дѣтскаго, бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ, это чудо Его. Но во мнѣ убили всякую свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой порывъ, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщиться, высказывать дѣтскимъ, беззаботнымъ лепетомъ ясную, дѣтскую душу... Что можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робѣющею къ себѣ самой».

Первые свои литературные опыты она писала на старинныхъ синихъ рапортахъ своего отца (ротмистра и казначея), и ничего, кромѣ жестокихъ насмѣшекъ родныхъ, не встрѣтили они. Первая повѣсть, появившаяся въ свѣтъ на страницахъ Плетневскаго еще *Современника*, *Любимая*,—потерпѣла большія сокращенія, что очень потрясло и огорчило молодую писательницу. Тѣмъ не менѣе у нея завязались постоянныя письменныя сношенія съ Плетневымъ, который принималъ въ ней большое участіе

и пристраивалъ ея работы. Ее звали въ Петербургъ. Литературные заработки давали уже къ этому средства. Но послѣдній, остававшійся въ живыхъ братъ ея истратилъ деньги, данныя ему для уплаты процентовъ заложенаго имѣнія, и Соханская принуждена была отдать свои деньги, скопленныя ею на поѣздку въ Петербургъ. Лишь въ 1862 году осуществилось желаніе ея побывать въ столицѣ, гдѣ она встрѣтила почетные приемы, соотвѣтствующіе ея утвердившейся уже къ тому времени литературной репутаци и извѣстности.

Со смерти брата она осталась единственною наслѣдницею родительскаго имущества. Положеніе ея значительно улучшилось, и всю свою остальную жизнь она провела на родномъ хуторѣ Макаровкѣ (Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи), гдѣ и скончалась отъ рака 13-го декабря 1884 года.

Лучшими произведеніями ея являются: *Посль обѣда въ гостяхъ*, *Галлерей портретовъ*, *Гайка*, *Старина* и пр. Болѣе всего замѣчательна она была тѣмъ, что это единственная русская писательница, глубоко проникнутая славянофильскими тенденціями. Къ сожалѣнію семейный гнетъ, подъ вліяніемъ котораго провела она молодые годы, а съ другой стороны скудость образованія и жизнь въ провинціальной глуши, вдали отъ умственныхъ центровъ, очень гибельно отразились на ея во всякомъ случаѣ замѣчательномъ и сильномъ талантѣ, преисполнивъ ее узкаго фанатичнаго консерватизма и домостроевской морали. Какую бы повѣсть ея вы ни начали читать, въ каждой васъ поразятъ рядомъ съ глубокимъ знаніемъ народной жизни вопіющія натяжки и искаженія дѣйствительности ради того, чтобы во что бы ни стало подогнать сюжетъ къ прославленію священной старины и пропитать его запахомъ деревяннаго масла. И чѣмъ болѣе писала она, тѣмъ болѣе подливала деревяннаго масла въ свои повѣсти, пока не дописалась до *Недавней встрѣчи*, въ которой нѣтъ ни образовъ, ни лицъ, а найдете лишь потокъ мистическихъ разглагольствованій въ духѣ *Переписки съ друзьями* Гоголя.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

I. Преобладаніе беллетристики изъ народнаго быта. Идеалистически-сентиментальное воззрѣніе на народъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Марко-Вовчекъ.—II. Смѣхотворно-отрицательное отношеніе къ народу. Николай Васильевичъ Успенскій и Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ.—III. Официальное изученіе народнаго быта. Сергій Васильевичъ Максимовъ. Григорій Петровичъ Данилевскій.—IV. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ.—V. Начало объективнаго изученія народнаго быта. Павелъ Ивановичъ Якушкинъ.

I.

Прямымъ и непосредственнымъ результатомъ демократизаціи русской мысли и тяги къ народу было образованіе въ теченіе разсматриваемаго нами періода отдѣльной, самостоятельной отрасли беллетристики изъ народнаго быта, по обширности и своеобразности которой вы не найдете ничего подобнаго въ западныхъ литературахъ. Если появлялись на Западѣ

романы и повѣсти изъ народнаго быта, то они или представлялись дѣломъ случая, или преслѣдовали тѣ психологическія и художественныя цѣли, какія господствовали въ современной имъ литературѣ, каковы напр. были романы изъ сельской жизни Ж. Зандъ и Дж. Эллиотъ. Если и встрѣчаются тамъ писатели, специально посвятившіе свою дѣятельность изображенію народнаго быта (Ауэрбахъ и Эркманъ-Шатрианъ), то и въ нихъ вы не найдете безпристрастныхъ изслѣдователей народнаго быта; они преслѣдуютъ свои особенныя политическія цѣли и сообразно имъ изображаютъ народъ въ томъ видѣ, въ какомъ имъ требуется, то идеализируя его, то, напротивъ того, рисуя въ самыхъ мрачныхъ и грязныхъ краскахъ (напр. «La terre» Золя).

Совсѣмъ не то мы видимъ у насъ въ Россіи въ послѣднія сорокъ лѣтъ. Не одинъ, не два, а десятки появляются писателей, посвятившихъ свою дѣятельность изображенію народнаго быта. Изъ нихъ многіе представляются чисто сподвижниками: отправляются въ народъ специально для изученія его, по годамъ странствуютъ изъ села въ село, собирая былины, пѣсни, сказки, изучая обряды, стараясь проникнуть въ экономическія и социальныя основы народной жизни и постигнуть народную душу, народные идеалы, подвергаясь при этомъ всякаго рода преслѣдованіямъ и опасностямъ и буквально жертвуя животомъ своимъ.

Вслѣдствіе общаго стремленія къ изученію народнаго быта беллетристика этого рода въ теченіе сорока лѣтъ своего существованія успѣла пережить цѣлую исторію, вмѣщающую въ себѣ нѣсколько фазъ развитія. Такъ, первая фаза относится къ концу сороковыхъ годовъ и началу пятидесятихъ; представителями ея являются тѣ самые беллетристы сороковыхъ годовъ, дѣятельность которыхъ мы разсматривали въ предыдущихъ главахъ. Мы видѣли, что всѣ они заплатили свою лепту рассказамъ изъ народнаго быта. Во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить Тургенева съ его *Записками Охотника*. За нимъ слѣдуетъ Григоровичъ, съ его рассказами и романами изъ народнаго быта. Гр. Л. Толстой, не говоря уже о крестьянахъ, мѣщанахъ и солдатахъ, которыхъ вы найдете во всѣхъ его произведеніяхъ, особенно въ *Севастопольскихъ разсказахъ*, *Казакахъ* и *Войнѣ и мирѣ*, написалъ два произведенія специально изъ народнаго быта: *Поликушка* и *Власть тьмы*. У Достоевскаго масса типовъ изъ народной среды выведена въ лучшемъ произведеніи его—*Запискахъ изъ мертваго дома*. Гончаровъ, никогда не касавшійся крестьянскаго быта, такъ какъ не имѣлъ возможности изучить его, тѣмъ не менѣе въ своихъ произведеніяхъ изобразилъ нѣсколько типовъ дворовыхъ слугъ, а во *Фрегатѣ Паллада*—матросовъ.

Первый починъ въ изученіи народнаго быта принадлежалъ такимъ образомъ писателямъ изъ помѣщичьяго класса, и это было какъ нельзя болѣе естественно. Въ интеллигенціи сороковыхъ годовъ, главнымъ образомъ состоявшей изъ дворянъ, помѣщики ближе всего стояли къ народу. Но близость эта была чисто внѣшняя и къ тому же рабовладѣльческая; помѣщики не имѣли возможности войти во внутреннія условія народнаго быта, проникнуть въ душу народа и его идеалы. Ихъ отдѣляла отъ народа бездна того недоверія и затаенной вражды, которую питали крестьяне къ барамъ, не исключая и самыхъ гуманныхъ изъ нихъ.

Это отразилось и въ большинствѣ произведеній изъ народнаго быта

беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Характеры, типы и эпизоды, выводимые въ этихъ произведеніяхъ, носятъ слишкомъ конкретный характеръ, имѣють видъ случайно подмѣченного и схваченнаго изъ жизни. *Касьянъ изъ Красивой Мечи, Хорь, Калинычъ, Яковъ рябчикъ*, и пр., и пр. стоятъ одиноко передъ вами, вовсе не составляя собирательныхъ типовъ, въ которыхъ вы видѣли бы представителей народныхъ массъ. Изображаются подобные конкретные характеры преимущественно съ ихъ психологической стороны и въ ихъ личной жизни. Беллетристы сороковыхъ годовъ были такъ мало еще знакомы съ внутренними условіями народной жизни, что въ произведеніяхъ ихъ вы не видите и слѣда той мірской, общинной жизни, какою живетъ нашъ народъ. Главное общественное значеніе этихъ произведеній заключалось или въ изображеніи страданій и невзгодъ, какія выноситъ народъ подъ гнетомъ крѣпостного права не только отъ дурныхъ, но и отъ хорошихъ помѣщиковъ, или же въ выведеніи симпатичныхъ и положительныхъ типовъ крестьянъ съ цѣлью убѣдить читателей, что мужики вовсе не двуногій выючный скотъ, не имѣющій образа и подобія человѣческаго, а — такіе же люди, какъ и мы, такъ же чувствуютъ, мыслятъ, страдаютъ отъ обидъ и лишеній и стремятся къ лучшему, а встрѣчаются между ними и такія идеальныя личности, подобныхъ которымъ вы не найдете въ интеллигентныхъ классахъ.

Къ беллетристамъ сороковыхъ годовъ по характеру разсказовъ изъ народнаго быта слѣдуетъ отнести извѣстную писательницу — Марко-Вовчекъ. Настоящая ея фамилія по рожденію Велинская, по мужу Марковичъ. Окончивъ въ 40-годахъ курсъ въ институтѣ, она поселилась у родственниковъ въ Орлѣ и вышла замужъ за извѣстнаго малороссійскаго этнографа А. В. Марковича. Въ 1857 г. были отправлены къ Кулишу для помѣщенія въ «Запискахъ о Южной Россіи» два разсказа изъ народной жизни на малороссійскомъ языкѣ, а въ 1858 г. Кулишъ издалъ отдѣльно «Народніи оповидання Марко-Вовчка». Разсказы возбудили сенсацію; самъ Тургеневъ перевелъ ихъ (СПБ. 1859) на русскій языкъ. Въ 1859 г. вышли прямо по-русски написанные «Разсказы изъ народнаго русскаго быта», которымъ Добролюбовъ посвятилъ особенную большую критическую статью. Успѣхъ помогъ ей выбратъся въ Петербургъ. Здѣсь она познакомилась съ Шевченко, который назвалъ ее преемницей и литературной дочерью. Вскорѣ она уѣхала за границу, а къ мужу болѣе не возвращалась. Въ серединѣ 60-хъ г.г. она поселилась въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ Д. И. Писаревымъ (дальнимъ родственникомъ своимъ) она была приглашена въ перешедшія къ Некрасову «Отечеств. Зап.», и здѣсь напечатаны романъ *Живая душа* (1868), *Записки Причетника* (1869), повѣсти *Теплое гнѣздышко* (1873), *Въ глуши* (1875). Въ 1867 году начинается обширная переводческая дѣятельность Марко-Вовчка. Особенно много переводила она изъ Жюль Верна.

Разсказы М.-Вовчка подкупили тѣмъ, что явились въ такое время, когда всѣ были увлечены крестьянской реформой, и они удовлетворили злобѣ дня, такъ какъ заключали изображенія страданій крѣпостныхъ подъ гнетомъ помѣщиковъ. Къ тому же, пользуясь свободой тогдашней цензуры, М.-Вовчекъ не пожалѣла мрачныхъ красокъ для угнетателей и яркихъ для угнетенныхъ, и по силѣ и рѣзкости протеста превзошла все, что до того времени появлялось въ этомъ родѣ. Многіе видѣли въ ней рус-

скую Бичеръ-Стоу, и сочиненія ея выдержали въ теченіе шестидесятихъ годовъ три изданія.

Но слава М.-Вовчка закатилась съ такою же быстротою, съ какою и разгорѣлась. Въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ смотрѣли сквозь пальцы на слабыя стороны ея рассказовъ, благодаря ихъ политическому содержанію и тому, что народный бытъ былъ еще въ то время мало извѣстенъ; десять же лѣтъ спустя, рассказы утратили свое обаяніе, и тогда выступили наружу существенные ихъ недостатки: поверхностное знаніе народнаго быта, отсутствіе живыхъ, реальныхъ красокъ въ изображеніяхъ его, ограниченіе однѣми общими, стереотипными чертами, какія только можно заимствовать изъ чтенія народныхъ пѣсенъ и сказокъ, и сантиментальность. Нельзя отказать Марко-Вовчку въ талантѣ, но этотъ талантъ субъективный, болѣе лирической, чѣмъ эпической: обнаруживая подчасъ способность къ тонкому психическому анализу, онъ находится въ то же время всецѣло на романтической почвѣ вымысла. Поэтому самыми лучшими, и теперь еще не утратившими своего значенія, являются сказки Марко-Вовчка, таковы: *Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галь, Невольница. Медвѣдь, Кармелюкъ, Маруся* и т. п. Благодаря тому, что это сказки,—вы не требуете отъ нихъ живого и реального изображенія народнаго быта и миритесь съ ихъ сантиментальностью, подобно тому, какъ не ставите въ вину тѣхъ же качествъ *Ундиня* Жуковскаго. Въ то же время вы не можете не признать неотъемлемаго ихъ достоинства: гуманнаго и демократическаго духа, которымъ онѣ проникнуты.

II.

Въ противовѣсъ идеалистически-сантиментальному возрѣнію на народъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ явились беллетристы, выразившіе противоположное отношеніе къ нему, которое мы назовемъ смѣхотворно-отрицательнымъ. Мы не можемъ иначе объяснить подобное отношеніе къ мужику въ такую эпоху, когда тяга къ народу и сочувствіе ему были общими, какъ послѣднею отрыжкою вѣками укоренившагося въ помѣщичьемъ кругу высокоумѣрно-презрительнаго взгляда на народъ, аналогичнаго возрѣнію на крестьянъ польскихъ пановъ, какъ на *псовое быдло*.

Въ то время, какъ на сценѣ Александринскаго театра представителемъ такого отношенія къ народу выступилъ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ, потѣшавшій публику своими смѣхотворными рассказами изъ народнаго быта, въ литературѣ мы видимъ двухъ беллетристовъ, подвизавшихся на томъ же поприщѣ: Николая Васильевича Успенскаго и Василія Алексѣевича Слѣпцова.

Николай Васильевичъ Успенскій родился въ 1837 году въ Тульской губерніи, въ Ефремовскомъ уѣздѣ. У его дѣда, сельскаго дьячка Чернскаго уѣзда, было три сына, изъ которыхъ у сына Василія Яковлевича, священника въ Ефремовскомъ уѣздѣ, родился Николай, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, а у сына Ивана, секретаря палаты государственныхъ имуществъ, родился Глѣбъ, сдѣлавшійся впоследствии еще болѣе знаменитымъ изобразителемъ народнаго быта.

Н. Успенскій воспитывался въ Тульской семинаріи и затѣмъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ былъ въ Медико-Хирургической академіи, откуда перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, но курса тамъ не кончилъ. Этимъ Н. Успенскій былъ обязанъ, конечно, тому литературному успѣху, какой онъ приобрѣлъ, будучи еще въ академіи. Въ теченіе 1857—58 гг. была напечатана въ *Современникѣ* серія его рассказовъ: *Поросенокъ*, *Хорошее житье*, *Сцены изъ сельскаго праздника*, *Грушка*, *Змѣй*, и популярность его столь быстро возросла, что, когда въ 1861 г. были изданы Некрасовымъ 24 его рассказа отдѣльнымъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ, Чернышевскій написалъ въ *Современникѣ* лестную для автора статью: *Не начало ли переменъ*, въ которой указалъ на ту особенность рассказовъ Н. Успенскаго, что авторъ ихъ первый началъ писать о народѣ правду безъ всякихъ прикрасъ.

Но это было заблужденіе, не замедлившее въ скоромъ времени обнаружиться. *Изображеніе безъ прикрасъ* подъ перомъ Н. Успенскаго оказалось эскизами, мало того, что поверхностными и случайными, но къ тому же и пересоленными въ противоположную сторону. Однимъ словомъ, вся философія этихъ рассказовъ выразилась въ слѣдующихъ словахъ *Деревенскихъ писемъ* его:

„Бѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но выѣсть съ тѣмъ не цѣнитъ и чужого труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственныхъ, ни о правахъ другой личности. Для него условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ“.

Въ силу этого воззрѣнія въ рассказахъ Н. Успенскаго народъ представляется въ невообразимо безобразномъ видѣ: каждый мужикъ непремѣнно или воръ, или пьяница, или такой дуракъ, какихъ и свѣтъ не производилъ; каждая баба такая идиотка, что ума помраченіе. Большинство очерковъ Н. Успенскаго заключаетъ въ себѣ случайно схваченныя изъ жизни сценки и анекдотики въ видѣ какого-нибудь разговора на постояломъ дворѣ, рассказа проѣзжаго мужика, купца или бабы. Что удавалось Н. Успенскому мелькомъ увидѣть или услышать, онъ передавалъ въ сыромъ и конкретномъ видѣ, съ единственною цѣлью показать, какъ русскій мужикъ невѣжественъ, дикъ, смѣшонъ, загнанъ и забитъ, какъ тонетъ въ грязи невѣжества, суевѣрій, пошлости. Забитость, тупоміе, отсутствіе всякаго человѣческаго образа и подобія въ герояхъ Н. Успенскаго одурачаютъ васъ, когда вы читаете его очерки. Вы видите передъ собою людей, которые въ жизни своей руководствуются одною только грубою, скотскою чувственностью, стремятся лишь нажать копейку или спустить ее въ кабакъ; да и въ этихъ стремленіяхъ что шагъ ступятъ, то сдѣлаютъ какую-нибудь невообразимую глупость.

При такомъ характерѣ рассказовъ понятно, что популярность Н. Успенскаго не могла быть продолжительна. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ онъ былъ почти забытъ. И затѣмъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двадцати лѣтъ велъ ужасающую жизнь крайней нищеты и безпробуднаго пьянства. Случалось ему зачастую ночевать въ ночлежныхъ домахъ Москвы и Петербурга, случалось собирать подаеніе, играя на гармоникѣ и забавляя рассказами народныхъ сценъ публику въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Въ его бездомныхъ скитаніяхъ сопутствовала ему дочь, десятилѣтняя дѣвочка, которую онъ переодѣвалъ иногда въ костюмъ мальчика

и заставлялъ плясать подъ звуки гармоники. Наконецъ въ 1889 г. 26-го октября онъ зарѣзался въ Москвѣ, не въ силахъ будучи выносить долге подобную жизнь.

III.

Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду. Отецъ его, Алексѣй Васильевичъ, былъ помѣщикъ и владѣлъ 1500 десятинъ земли и 250 душъ въ Саратовской губ., Сердобскаго уѣзда. Онъ служилъ въ Харьковскомъ уланскомъ полку, дѣлалъ турецкую и польскую кампаніи. Въ бытность свою въ Гродненской губерніи женился на дочери древней польской фамиліи, Жозефинѣ Адамовнѣ Вельбутовичъ-Поклонской. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ въ Воронежѣ, гдѣ и родился первенецъ, Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ, въ 1836 г. 17 іюля. Спустя годъ по его рожденіи, отецъ его вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ родителямъ со своимъ семействомъ въ Москву, гдѣ былъ зачисленъ въ Московскую комиссаріатскую комиссію.

Слѣпцовъ былъ любимцемъ семьи, особенно матери, для которой оставался кумиромъ до смерти. Съ ранняго дѣтства выказывалъ онъ большія умственные способности. Нрава всегда былъ кроткаго и тихаго, сердца мягкаго, такъ что не могъ выносить, когда его сверстники мучили животныхъ или мухъ.

Съ дѣтства онъ былъ уже красивъ; постоянно занятъ былъ разнаго рода издѣліями, и впослѣдствіи, бывши уже писателемъ, изучилъ столярное и слесарное ремесла. Самъ выучился пяти лѣтъ читать; былъ набоженъ въ дѣтствѣ и семи лѣтъ собирался въ монастырь. Когда ему минуло 8 лѣтъ, родители въ Москвѣ взяли къ себѣ гимназиста 5-го класса готовить его въ гимназію. Но гимназистъ не умѣлъ пріохотить мальчика къ наукамъ, особенно къ латыни, такъ что тотъ плакалъ, заучивая латинскую грамматику. Родители перемѣнили учителя и взяли студента Апурина, который такъ хорошо преподавалъ, что латынь стала любимымъ занятіемъ Слѣпцова. Французскимъ языкомъ занималась съ нимъ мать, а нѣмецкимъ—бабка по матери. Десяти лѣтъ Слѣпцовъ поступилъ въ 1-й классъ 1-й московской гимназіи. Спустя 1½ года, отецъ Слѣпцова получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Саратовской губ., въ Сердобскомъ уѣздѣ, деревню Александровку или Дубовку, и семейство переѣхало туда, взявши съ собой и Василія Алексѣевича. Затѣмъ его помѣстили въ дворянскій институтъ въ Пензѣ, по окончаніи же курса отвезли въ Москву. Въ это время была крымская кампанія, и родные посовѣтовали помѣстить Слѣпцова въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи. Василій Алексѣевичъ было согласился, купилъ программу и началъ готовиться въ полкъ, но попалъ въ общество студентовъ, перемѣнилъ свое намѣреніе и сталъ готовиться въ Московскій университетъ, гдѣ и выдержалъ экзаменъ на медицинскій факультетъ.

Но знакомство съ профессорами Китарой и Далемъ отвлекло его отъ медицины. Ему было предложено отъ этнографическаго отдѣла Императорскаго географическаго общества пойти путешествовать съ котомкой во Владиміръ на Клязьмѣ для описанія тамошнихъ фабрикъ и строившейся въ то время французами желѣзной дороги. Слѣпцовъ съ удовольствіемъ

принялъ предложеніе профессоровъ и отправился. Это и положило начало его ознакомленію съ народнымъ бытомъ.

Писать онъ началъ рано, еще въ Пензенскомъ пансіонѣ, сначала, конечно, стихами. Затѣмъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ онъ сотрудничалъ въ *Русской Рѣчѣ* у графини Е. В. Салліасъ, потомъ въ *Сѣверной Пчелѣ* и *Атеней*. Въ это время онъ женился въ Москвѣ на Языковой, имѣлъ отъ нея сына, который умеръ, и дочь Валентину. Но онъ не сошелся характеромъ съ женою и разстался съ нею. Въ то же время онъ получилъ наслѣдство послѣ отца, но такъ какъ никогда не любилъ деревенскаго хозяйства, то и продалъ имѣніе своему брату, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ начался расцвѣтъ его литературной дѣятельности. Онъ сошелся съ кружкомъ *Современника*, куда былъ приглашенъ въ постоянные сотрудники съ обязательствомъ писать исключительно въ этомъ журналѣ. Популярность его въ передовыхъ кружкахъ шестидесятихъ годовъ въ это время была очень велика; особенно много поклонницъ имѣлъ онъ среди женщинъ. Этимъ былъ обязанъ Василій Алексѣевичъ прежде всего, конечно, своей счастливой наружности. «Наружность Слѣпцова, — говоритъ г-жа Головачева въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, — была очень эффектная и отличалась изяществомъ: у него были великолѣпные черные волосы, небольшая борода, тонкія и правильныя черты лица; когда онъ улыбался, видны были необыкновенной бѣлизны зубы. Цвѣтъ лица былъ матово-блѣдный. Онъ былъ высокъ, строенъ и одѣвался скромно, но тщательно». Всѣ оставшіеся послѣ него портреты не передаютъ и въ сотой долѣ его красоты, замѣчательной всѣмъ ансамблемъ стройно-изящной, гибкой фигуры его, непередаваемою игрою души въ тонкихъ чертахъ его лица, остроуміемъ, гениальнымъ умѣньемъ во-время насмѣшить, во-время заставить заплакать, незамѣтно вкрасѣться въ душу собесѣдницы и сразу покорить сердце ея задушевнѣйшимъ тономъ рѣчи.

Ко всему этому онъ былъ до мозга костей артистъ; артистическая жилка проявлялась въ немъ во всѣхъ мелочахъ его жизни: и въ одеждѣ, и въ комфортѣ, которымъ онъ себя окружалъ, и въ страсти ко всевозможнымъ изящнымъ вещичкамъ. Случалось, что, идя мимо Милотиныхъ лавокъ, онъ увлекался какимъ-нибудь необыкновеннымъ яблочкомъ и покупалъ его, но не для того, чтобы тотчасъ съѣсть, а положить на письменный столъ и любоваться его красотою.

„Надо замѣтить, — говоритъ Головачева, — что и въ мелочахъ онъ способенъ былъ увлекаться. Онъ придумалъ заказать токарю для своего письменнаго стола березовые подсвѣчники, покрытые лакомъ, носился со своимъ изобрѣтеніемъ, показывая короткимъ знакомымъ эти подсвѣчники, и былъ очень доволенъ, если кто-нибудь просилъ его заказать такіе же подсвѣчники или канделябры. Слѣпцовъ самъ давалъ токарю рисунки и слѣдилъ за его работой; а когда токаръ взялся въ лѣтнемъ помѣщеніи назначеннаго клуба украшать танцевальное зало люстрами изъ березы, то Слѣпцовъ былъ до такой степени озабоченъ, какъ будто самъ взялъ этотъ заказъ. Каждый день онъ бѣгалъ къ токарю, наблюдалъ за его работой, давалъ совѣты, дѣлалъ рисунки“.

Будучи артистомъ на всѣ руки, онъ былъ и хорошимъ актеромъ, и режиссеромъ, и великолѣпно пѣлъ народныя пѣсни подъ аккомпаниментъ балалайки. Страсть собирать народныя пѣсни и наблюдать народные нравы соединялась въ немъ съ умѣньемъ сближаться съ народомъ.

„Дѣй бы Слѣпцовъ ни поселялся въ меблированной квартирѣ, — говоритъ Головачева, — прислуга чувствовала къ нему особенное расположеніе и всѣми силами старалась угодить ему. Вообще у Слѣпцова

въ голосѣ было что-то ласкающее, такъ-что люди изъ простаго класса изъ самыхъ мрачныхъ и молчаливыхъ дѣлались съ нимъ разговорчивыми до откровенности. Я очень любила слушать, когда Слѣщцовъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ этого класса людей; съ каждымъ изъ нихъ у него былъ особенный слогъ, который совпадалъ съ языкомъ какого-нибудь мастерового, мужика-рабочаго или торговки-бабы. Онъ такъ умѣлъ шутить съ ними, что они отъ души смѣялись“.

Вотъ эти-то качества и привлекали къ Слѣщцову толпы женщинъ. Молва о немъ, какъ о писателѣ, стоявшемъ во главѣ женскаго вопроса, покровителѣ женщинъ, принимавшемъ горячее участіе въ присканіи имъ работы и помогавшемъ устраиваться,—далеко распространилась по всѣмъ провинціямъ; къ Слѣщцову являлись постоянно массы искательницъ новыхъ путей, и многія изъ нихъ, познакомившись съ нимъ, безумно влюблялись въ него. Такимъ образомъ сердечные романы его не прекращались.

„Всѣ они,—по словамъ г-жи Головачевой,—были кратковременные и оканчивались всегда неприятымъ для него образомъ.—Онъ не могъ выносить ревности, а ему попадались именно женщины очень ревнивыя. Слѣщцовъ не хотѣлъ притворяться и обманывать и выводилъ женщинъ изъ себя тѣмъ, что сохранялъ полное хладнокровіе въ бурныхъ сценахъ ревности. Онъ былъ такъ набалованъ побѣдами, что едва успѣвалъ покончить романъ съ одной женщиной, какъ являлась другія, въ него влюбленная. Слѣщцовъ не придавалъ большого значенія скоро-воспалительной любви въ женщинахъ и имѣлъ неосторожность всегда это высказывать, чѣмъ, конечно, женщины оскорблялись и считали его за самаго сухого эгоиста“.

Трудно рѣшить, любилъ ли онъ хоть одну изъ тѣхъ многочисленныхъ женщинъ, которыя добивались его благосклонности, но все-таки несправедливо было называть его сухимъ эгоистомъ, какъ это дѣлали въ понятномъ раздраженіи отвергнутыя имъ любовницы. Онъ искренно и беззавѣтно увлекался женскимъ вопросомъ, и это еще болѣе увеличивало его привлекательность и популярность среди женщинъ. Самъ не зная, куда приклонить голову, ютясь по мебелированнымъ комнаткамъ и не имѣя гроша за душою, онъ вѣчно хлопоталъ объ устройствѣ нуждающихся женщинъ и о доставленіи имъ работы. Знаменитая знаменская коммуна была одною изъ попытокъ въ этомъ родѣ, имѣвшей цѣлью устроить дешевое общежитіе. Не ограничиваясь этимъ, Слѣщцовъ устраивалъ въ пользу женщинъ музыкально-литературные вечера, спектакли, публичные лекціи и т. под. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ теченіе двухъ лѣтъ онъ занимался устройствомъ любительскихъ спектаклей въ художественномъ клубѣ. Но въ началѣ семидесятыхъ годовъ здоровье его было такъ уже разстроено и силы надорваны, что онъ принужденъ былъ оставить лите-

В. А. Слѣщцовъ.

ратурную дѣятельность, и уѣхалъ лечиться на Кавказъ; послѣдніе годы жизни онъ проживалъ то на Кавказѣ, то на родинѣ близъ Сердобска, тщетно борясь съ болѣзною и медленно угасая. Въ 1878 году 23-го марта онъ покончилъ со своею жизнью въ Сердобскѣ на рукахъ у нѣжно любимой матери. Похоронили его въ Сердобскѣ же на городскомъ кладбищѣ.

Какъ писатель талантливый, Слѣпцовъ далеко отъ высказыванья такихъ пошлостей, до какихъ додумывался Н. Успенскій. Отношеніе его къ народу гуманнѣе въ томъ смыслѣ, что въ очеркахъ его на первомъ планѣ стоитъ не безцѣльное обличеніе пресловутаго «невѣжества мужика», какъ у Н. Успенскаго, а стремленіе показать, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ крестьянину нашему администрація, совершенно чуждая его быту. Но въ очеркахъ Слѣпцова вы видите то же отсутствіе типовъ и психическаго анализа, какъ и у Н. Успенскаго, то же ограниченіе случайными сценками, мелькомъ схваченными на большой дорогѣ. Отношеніе администраціи къ быту крестьянина—громадный вопросъ, требующій глубокаго изученія народнаго быта; не забудьте, что этимъ отношеніемъ обуславливается не одно комическое, но и глубоко трагическое въ жизни крестьянина. Слѣпцовъ ограничился одною комическою стороною; да и для нея онъ выбиралъ такіе рѣдкіе, исключительные факты, которые имѣютъ почти анекдотическій характеръ: то онъ выставялъ мужика, который далъ взятку писарю, чтобы его поскорѣе высѣкли (см. рассказъ *Почлегъ*); то изображалъ, въ какой просакъ попались крестьяне при встрѣчѣ высокой особы вслѣдствіе того, что свиньи испугали лошадей этой особы (рассказъ *Свиньи*); то, какъ крестьяне пьянаго приняли за мертваго, и что изъ этого вышло. Все это преисполнено комизма; вы хохочете, читая повѣсти Слѣпцова; при мастерскомъ чтеніи на литературныхъ вечерахъ Слѣпцовъ производилъ фуроръ не менѣе Горбунова, но, кромѣ смѣха, ничего изъ этихъ рассказовъ вы не выносите. Факты, выставляемые Слѣпцовымъ, слишкомъ мелочны и случайны, чтобы заставить васъ серьезно задуматься надъ ними, тѣмъ болѣе, что, гоняясь за комизмомъ, Слѣпцовъ впадаетъ на каждомъ шагу въ утрировку и шаржъ, вслѣдствіе чего очерки его еще болѣе теряютъ значеніе истинныхъ фактовъ народной жизни. Такую утрировку видите вы, напримѣръ, въ рассказѣ *Свиньи*, гдѣ Слѣпцовъ заставляеть крестьянъ вѣрить, что будутъ ѣздить на людяхъ, и рассказываетъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ слуховъ бабы начали бить горшки и всякую посуду. Столь же утрирована въ *Мертвомъ тѣлѣ* сцена, гдѣ мужики разъ увидѣли мнимаго мертвеца воскресшимъ и явившимся къ нимъ среди дороги и не рѣшаются подойти къ нему.

Главное зло смѣхотворно-отрицательныхъ очерковъ изъ народнаго быта заключалось въ томъ, что они представляли собою обоюдоострое оружіе, появляясь въ роковую минуту освобожденія крестьянъ. Они имѣли цѣлью внушить читателямъ, до какого печальнаго положенія былъ доведенъ мужикъ крѣпостнымъ правомъ. Но факты, выставляемые ими, могли служить доказательствами и необходимости того же самаго крѣпостнаго права. Приверженцы крѣпостничества на такіе именно факты и опирались въ доводахъ въ пользу крѣпостнаго права. Читая эти очерки, крѣпостники еще болѣе убѣждались, что предоставленные самимъ себѣ крестьяне погибнутъ отъ своей глупости, чуть не съѣдятъ другъ друга. «О какомъ же тутъ народномъ самоуправленіи толкуете вы, — имѣли они полное право

возразить, прочитавши рассказ Н. Успенскаго *Хорошее житье*, — коли вы сами ничего не видите въ мірской сходкѣ, кромѣ взаимнаго разоренія крестьянъ посредствомъ опитія другъ друга?»

Нѣтъ ничего мудренаго, что при общей тягѣ къ народу барское отношеніе къ нему свысока не могло имѣть прочнаго успѣха, и смѣхотворно-отрицательные очерки лишь мелькнули въ литературѣ нашей, быстро смѣнившись рассказами изъ народнаго быта, болѣе серьезными и правдиво-безпристрастными.

Въ то время, какъ Н. Успенскій быстро утратилъ свою популяльность и сошелъ съ литературнаго поприща почти всеми позабытый, Слѣпцовъ обратился къ болѣе свойственному его таланту изображенію интеллигентнаго быта и написалъ повѣсть *Трудное время* (1865), которая представляется его шедевромъ и въ свое время надѣлала не мало шума. Въ повѣсти этой превосходно изображенъ въ лицѣ героя ея Щетинина новый народившійся типъ пореформеннаго помѣщика-приобрѣтателя буржуазнаго склада; съ глубиною и интересомъ, захватывающимъ самыя живыя современныя струны, развитъ романъ героини повѣсти Маріи Николаевны; наконецъ, съ блестящимъ юморомъ изложены сцены земскаго собранія, этого въ то время еще новаго и едва народившагося явленія нашей жизни. Въ общемъ эта повѣсть составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей литературы и заставляетъ сожалѣть о преждевременной утратѣ весьма недюжиннаго таланта въ лицѣ В. А. Слѣпцова.

III.

Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ взаимно-противоположныхъ и уничтожающихъ другъ друга отношеній къ народу — сантиментально-идеалистическаго и смѣхотворно-отрицательнаго, на той же дворянской почвѣ мы видимъ особенное отношеніе — административно-бюрократическое. Повѣстно, что правительство всегда было заинтересовано въ точномъ и всестороннемъ изученіи народныхъ массъ, подлежащихъ его управленію, и эта потребность особенно сдѣлалась существенною въ пятидесятыя и шестидесятыя годы, когда массы эти начали давать чувствовать себя и когда возникъ и назрѣлъ рядъ вопросовъ, касающихся ихъ благосостоянія. Не наше дѣло говорить о всѣхъ тѣхъ официальныхъ и офидіозныхъ обществахъ, комиссияхъ, экспедиціяхъ и командировкахъ, какія возникали въ различныя времена, существуютъ и нынѣ съ цѣлью изученія народа съ разныхъ его сторонъ, интересующихъ администрацію въ тѣхъ или другихъ правительственныхъ видахъ. Мы упомянемъ лишь о тѣхъ фактахъ этого рода, которые отразились такъ или иначе въ литературѣ. Наибольшую энергію въ собраніи этнографическихъ свѣдѣній оказало послѣ крымской кампаніи морское министерство, пригласившее къ содѣйствію ему въ этомъ извѣстныхъ въ то время литераторовъ и устроившее нѣсколько командировокъ на окраины Россіи. Такъ, Гончаровъ былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ *Паллада*. Писемскій былъ посланъ въ Астрахань на побережье Каспійскаго моря, и результатомъ этого путешествія были *Путевые очерки* его. Въ неизмѣримой степени плодотворнѣе были командировки извѣстнаго беллетриста и этнографа Сергѣя Васильевича Максимова и Григорія Петровича Данилевскаго.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ родился въ 1831 году въ посадѣ Парфентьевѣ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда. Отецъ его былъ почтмейстеромъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ народномъ училищѣ; изъ высшихъ заведеній былъ въ Московскомъ университетѣ и Медико-Хирургической академіи. Первые его этнографическіе очерки обратили на себя вниманіе въ литературныхъ сферахъ, и, ободренный этимъ успѣхомъ, Максимовъ отправился для собранія матеріала странствовать пѣшкомъ по Владимірской и Вятской губерніямъ, и резуль-

С. В. Максимовъ.

татомъ этихъ странствій былъ рядъ очерковъ, напечатанныхъ въ *Библиотеку для Чтенія*, въ 1871-мъ же году изданныхъ отдѣльно подъ общимъ заглавіемъ *Лѣсная глушь*. Послѣ крымской кампаніи онъ былъ командированъ морскимъ министерствомъ на сѣверъ Европейской Россіи, и результатомъ этого путешествія была извѣстная книга его *Годъ на сѣверѣ*, заключающая массу драгоценныхъ свѣдѣній о народной жизни прибрежій Бѣлаго моря и Печорскаго края, свѣдѣній не только этнографическихъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но соціально-политическихъ и психологическихъ. Полуученая, полубеллетристическая книга эта представляется почтеннымъ вкладомъ въ дѣло изученія народной жизни, и у каждаго инте-

ресуюшагося этимъ предметомъ она должна занимать первое мѣсто. Географическое общество удостоило этотъ трудъ малой золотой медали. Вслѣдъ затѣмъ С. В. Максимовъ исполнилъ еще двѣ командировки отъ морского министерства: 1) въ Сибирь и на Амуръ, результатомъ чего были сочиненія его: *На востокъ и Сибирь и каторга*, и 2) въ 1862 году—по Уралу и берегамъ Каспійскаго моря. Съ 1868 года онъ объѣхалъ по порученію географическаго общества семь губерній: Псковскую, Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую, результатомъ чего была извѣстная книга его *Бродячая Русь*. Изъ позднѣйшихъ работъ его заслуживаютъ вниманія множество очерковъ и описаній, помѣщенныхъ въ *Живописной Россіи*, изданіи Вольфа, статья *Наше двугвѣтріе* въ шестомъ томѣ *Нови* и пр. Умеръ 3-го іюня 1901 г.

Григорій Петровичъ Данилевскій родился 14-го апрѣля 1829 года въ имѣннн своей тетки по отцу, Анны Ивановны Антоновой, въ селѣ Даниловкѣ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Дѣтскіе годы онъ провелъ частью въ змѣевскомъ имѣнн дѣда, селѣ Припидѣ близъ Донца, частью въ смежномъ отцовскомъ имѣнн, селѣ Петровскомъ.

Первоначальное образованіе Данилевскій получилъ дома. Затѣмъ кончилъ курсъ сперва въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ (бывшемъ университетскомъ пансіонѣ), а затѣмъ—въ С.-Петербургскомъ университетѣ, откуда въ 1850 году вышелъ кандидатомъ юридическаго факультета по камеральному отдѣленію. Будучи студентомъ, въ 1848 году онъ получилъ серебряную медаль за сочиненіе на конкурсѣ отъ философскаго факультета о Пушкинѣ и Крыловѣ. Съ 1850 по 1856 годъ Данилевскій служилъ по министерству народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій при А. С. Норовѣ и П. А. Вяземскомъ.

Въ 1856 году Данилевскій былъ командированъ морскимъ министерствомъ на югъ Россіи, съ цѣлью описанія прибрежій Азовскаго моря, Днѣпра и Дона.

Въ 1858 и 1859 гг. Данилевскій служилъ по выборамъ депутатомъ харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ 1863 году, въ качествѣ частнаго лица, по порученію министра народнаго просвѣщенія Головина, онъ посѣтилъ и описалъ около двухсотъ народныхъ школъ Харьковской губерніи. Въ первое трехлѣтіе существованія земства, съ 1865 по 1869 г., Данилевскій прошелъ службу по выборамъ члена змѣевскаго училищнаго совѣта, гласнаго харьковскаго губернскаго земскаго собранія и члена харьковской земской управы, гдѣ въ теченіе этихъ лѣтъ завѣдывалъ попечительнымъ отдѣломъ управы, народными школами губерніи, больницами, приютами и проч. Въ 1867 и 1870 гг. онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей Змѣевскаго уѣзда.

По выходѣ изъ службы по земству Данилевскій предполагалъ заняться адвокатурою и въ 1868 году былъ указомъ сената утвержденъ присяжнымъ повѣреннымъ харьковскаго судебного округа. Но въ это время въ Петербургѣ возникла мысль объ изданіи *Правительственнаго Вѣстника*. Данилевскій, по приглашенію Л. С. Макова, получилъ въ этой газетѣ въ январѣ 1868 года мѣсто помощника главнаго редактора, которое онъ занималъ 13 лѣтъ, по августъ 1881 г., когда онъ былъ назначенъ главнымъ редакторомъ *Правительственнаго Вѣстника*. Это мѣсто онъ занималъ до своей смерти (6-го декабря 1890 г.), состоя также членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати съ 1882 года.

На литературное поприще Данилевскій вступилъ въ 1846 году стихотвореніемъ *Славянская вина*, которое было напечатано въ *Иллюстраціи* 1846 года. Первые опыты его заключались въ рядѣ стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Шиллера, Лонгфелло, Новалиса, Мицкевича и Шекспира. Между прочимъ, онъ перевелъ драмы *Ричардъ III* и *Цимбелинъ* (*Библ. для Чт.* 1850 и 1851 гг.). Затѣмъ онъ издалъ рядъ стихотворныхъ украинскихъ сказокъ. Наибольшую же популярность приобрѣлъ романами: *Бѣглые въ Новороссіи*, *Бѣглые воротились*, *Воля*, которые появились подъ псевдонимомъ Скавронскаго во *Времени* и въ *Эпохѣ* 1862 и 1863 гг. Явившись подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ освобожденія крестьянъ, романы эти нравились публикѣ не однимъ только сказочнымъ интересомъ замысловатыхъ и запутанныхъ сюжетовъ, но и гуманнымъ отношеніемъ къ народу, чуждымъ излишней идеализаціи и того казенно-официальнаго взгляда, какой господствуетъ въ бюрократическихъ сферахъ и какимъ проникнуты, напримѣръ, романы Мельникова. Въсѣтъ съ тѣмъ бытовые романы Данилевскаго переполнены массою интересныхъ этнографическихъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ во время своихъ странствій по Россіи и на земской службѣ. Такъ, читая романъ *Бѣглые въ Новороссіи*, вы знакомитесь съ важной ролью, какую играли новороссійскія степи въ эпоху крѣпостного права, какъ постоянное убѣжище для крестьянъ, толпами бѣжавшихъ отъ помѣщичьяго гнета, но подпадавшихъ въ степяхъ подъ новое ярмо эксплуататоровъ, ловко пользовавшихся ихъ безправностью и закабальвавшихъ несчастныхъ въ еще болѣе тяжкое рабство, доходившее до права на жизнь и смерть. Въ пестрыхъ нравахъ обитателей южныхъ степей и въ ихъ бытѣ, исполненномъ потрясающаго, порою даже и кроваваго драматизма, авторъ видитъ нѣчто подобное нравамъ западныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Но если и дѣйствительно южныя степи имѣли для Россіи въ свое время такое же эмиграціонное значеніе, какъ Америка для Европы, то надо признаться все-таки, что въ романахъ Данилевскаго открывается Америка совершенно своеобразная, болѣе въ азіатскомъ, чѣмъ въ американскомъ духѣ.

Заплативши дань изображенію народнаго быта своими первыми романами, Данилевскій на долгое время замолчалъ, и послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва выступилъ съ романомъ *Девятый валъ* (въ *В. Евр.* 1874 г.), исполненнымъ своеобразнаго этнографическаго интереса, но совсѣмъ уже въ другомъ родѣ: романъ этотъ любопытенъ изображеніемъ быта женскихъ монастырей со всей его подноготной. А затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, Данилевскій выступилъ на поприще исторической беллетристики; но объ этомъ намъ придется говорить отдѣльно въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Въ одномъ ряду съ вышеозначенными представителями официального изученія народнаго быта свое мѣсто занимаетъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ. П. И. Мельниковъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, вышедшаго съ Дона. Отецъ его, Иванъ Ивановичъ, былъ начальникомъ Нижегородской жандармской команды. Въ 1818 г. онъ женился на дочери нижегородскаго исправника П. П. Сергѣева, Аннѣ Павловнѣ, и 22-го

октября 1819 года родился у них первенецъ, котораго они въ честь дѣда назвали Павломъ. Такимъ образомъ Мельникова по отцу и по матери можно считать полицейскаго происхожденія. Дѣтство Мельниковъ провелъ по большей части въ городѣ Семеновѣ, гдѣ послѣдніе годы своей жизни служилъ его отецъ.

Несмотря на небольшіе достатки, родители Мельникова не жалѣли средствъ для образованія своихъ дѣтей. Болѣе же всего былъ обязанъ Мельниковъ первоначальнымъ образованіемъ матери, которая любила литературу и исторію, сама много читала и сына приучила къ чтенію.

Кончивши гимназическій курсъ въ 1834 г., 15-ти лѣтъ, Мельниковъ поступилъ на филологическій факультетъ въ Казанскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1837 году. Мать Мельникова не дожидая до окончанія сыномъ университета, скончавшись въ 1835 г., а отецъ умеръ въ 1837 г., такъ что по выходѣ изъ университета Мельниковъ предоставленъ былъ самому себѣ.

Какъ казеннокоштный студентъ, онъ обязанъ былъ отслужить определенное число лѣтъ по учебному вѣдомству, но, окончивъ съ отличіемъ курсъ, по выдержаніи экзаменовъ, послѣ акта 18 го іюня 1837 г., оставленъ былъ жить въ университетѣ и готовился къ поѣздкѣ за границу. По словамъ его ученика, профессора К. И. Бестужева-Рюмина, министерство прочило Мельникова на кафедру славянскихъ нарѣчій. Но неожиданная катастрофа измѣнила всѣ обстоятельства. На одной изъ студенческихъ пооекъ Мельниковъ до того увлекся, что казанскій попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ призвалъ его къ себѣ и въ наказаніе назначилъ уѣзднымъ учителемъ въ Шадринскъ (Пермской губерніи), куда онъ тотчасъ же былъ отправленъ подъ конвоемъ солдатъ. Но въ Перми онъ узналъ, что гнѣвъ положили на милость и оставили его въ этомъ городѣ, опредѣливши на службу въ тамошнюю гимназію старшимъ учителемъ исторіи и статистики. Въ февралѣ же 1839 года ему была поручена должность учителя французскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи; но въ томъ же году къ новому учебному семестру онъ былъ переведенъ въ Нижній учителемъ исторіи и статистики и былъ въ этой должности до 21-го мая 1846 года.

Артистическая натура Мельникова не была создана для педагогическаго поприща и искала исхода въ болѣе широкой дѣятельности. Будучи въ Перми, онъ успѣлъ уже объѣхать нѣкоторые заводы Приуральскаго края, собиралъ свѣдѣнія о немъ, знакомился съ бытомъ русскаго народа, «лежа у мужика на палатахъ», какъ говаривалъ онъ, и положилъ первые задатки къ полному его изученію. Всѣ эти поѣздки дали ему возможность начать рядъ статей для народившагося въ 1839 году новаго журнала *Отечественныя Записки*. Мельникову только-что исполнилось 20 лѣтъ, когда въ ноябрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* былъ напечатанъ первый трудъ его *Дорожныя Записки*. Переходъ въ Нижній-Новгородъ, сближеніе тамъ съ мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ, знатокомъ исторіи и раскола, надѣлявшимъ Мельникова рѣдкими рукописями и матеріалами и указывавшимъ на тѣ мѣстные архивы, гдѣ ими можно пользоваться, наконецъ, съ 1840 года знакомство съ гр. Д. Н. Толстымъ, а потомъ съ М. Погодинымъ и В. Далемъ—увлекли окончательно Мельникова со скромнаго поприща гимназическаго учителя на широкой путь литературной дѣятельности.

Въ 1841 г. Мельниковъ женился на небогатой помѣщицѣ Лидіи Николаевнѣ Бѣлокопытовой, и въ томъ же году 8-го апрѣля былъ утвержденъ въ званіи корреспондента археологической комиссіи.

„До 1847 г., — говоритъ Мельниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — живя въ Нижнемъ-Новгородѣ и занимаясь русской исторіей, я сталъ изучать расколъ и раскольниковъ. Моимъ занятіямъ способствовали два обстоятельства: поѣздки по нижегородскому Заволожью, наполненному раскольниками, и знакомство съ книжниками на нижегородской армаркѣ“.

Вскорѣ его знанія по расколу обратили на себя вниманіе начальства, особенно когда онъ предложилъ двѣ ужасныя мѣры для искорененія раскола: 1) повсюду, гдѣ раскольники живутъ вмѣстѣ съ православными, отдавать въ рекруты первыхъ, и 2) отдавать въ кантонисты дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ, совершенныхъ бѣглецами попами, наставниками безпоповщинскихъ сектъ или по родительскому благословенію. Эти предложенія такъ понравились въ тогдашнихъ административныхъ сферахъ, что въ 1847 г.

П. И. Мельниковъ.

онъ былъ приглашенъ на службу княземъ Мих. Ал. Урусовымъ, тогдашнимъ нижегородскимъ губернаторомъ, и получилъ 8-го апрѣля этого года мѣсто чиновника особыхъ порученій.

Мы не имѣемъ нужды останавливаться подробно на продолжительной служебной дѣятельности Мельникова при пяти министрахъ. Скажемъ только въ общихъ чертахъ, что наиболѣе всего эта дѣятельность заключалась въ исполненіи предписаній начальства и командировокъ съ цѣлью преслѣдованія раскольниковъ. Кромѣ того, въ 1863 году Мельниковъ исполнялъ должность редактора по внутреннему отдѣлу въ органѣ министерства — *Сѣверной Почтѣ*.

Служебная дѣятельность Мельникова нельзя сказать, чтобы оставила по себѣ свѣт-

лая воспоминанія. Какъ исполнитель воли пославшихъ, онъ выказывалъ въ преслѣдованіи раскольниковъ болѣе жестокаго усердія, чѣмъ гуманности или хотя бы законнаго безпристрастія. Такъ, мы видимъ, что даже біографъ его Усовъ, при всемъ панегирическомъ характерѣ отношенія къ Мельникову, не могъ вполнѣ оправдать дѣйствій его по отношенію къ нижегородскому книгопродавцу Головастикову, магазинъ котораго онъ посѣщалъ и пользовался собранными тамъ рѣдкими и драгоценными остатками нашей старины. Обыскъ въ домѣ и лавкѣ Головастиковой былъ произ-

веденъ Мельниковымъ съ такой энергіей, что Головастикова обратилась съ жалобою министру, а затѣмъ сенату на «причиненіе ей убытка въ капиталѣ, на осрамленіи въ народной публикѣ ея дома и семейства, на ущербъ здоровья ея и ея дочери, на тяжкую себѣ обиду», и просила взыскать ей отобранные чиновниками у нея имущество и поступить съ ними «по точной силѣ уложенія о наказаніяхъ».

Но просьбы Головастиковой остались, неудовлетворенными. «Въ эту эпоху преслѣдованія раскола,—замѣчаетъ при этомъ биографъ,—усиленныхъ розысковъ епископовъ и священниковъ австрійскаго наставленія, Мельниковъ даже въ своемъ излишнемъ усердіи при обыскѣ у Головастиковой оказался, вѣроятно, правымъ и передъ своимъ начальствомъ, и передъ правительствующимъ сенатомъ».

Впервые на поприщѣ беллетристики Мельниковъ выступилъ въ 1840 году, когда въ № 52 *Литературной Газеты* появился рассказъ его: *О томъ, кто такой былъ Эльпидифоръ Перфильевичъ и какія приготовленія дѣлались въ Черноградѣ къ его именинамъ*; подписано П. М-н-к-въ. Въ № 80 было помѣщено продолженіе этой повѣсти уже за подписью П. И. Мельниковъ. Написанная въ духѣ натуральной школы съ претензією на юморъ и подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя, повѣсть эта была столь слаба, что авторъ самъ былъ ею очень недоволенъ и въ письмѣ къ брату писалъ: «Никогда не прощу себѣ, что я напечаталъ такую гадость; если бы можно, я собралъ бы всѣ листки *Литературной Газеты* не только на Кубуни, но и по всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи и всѣ бы ихъ въ печку. Я еще мало знаю людей, чтобы писать повѣсти, и даю тебѣ и себѣ честное слово не писать ни стиховъ, ни прозы до тѣхъ поръ, пока не узнаю жизнь лучше».

Мельниковъ сдержалъ это слово: двѣнадцать лѣтъ не принимался за беллетристику, и лишь въ 1852 году въ № 8 *Москвитянина* появилась повѣсть его *Красильниковы*, впервые за подписью Андрей Печерскій. Повѣсть имѣла большой успѣхъ, и всѣ журналы отозвались о ней съ похвалою. Затѣмъ, послѣ новаго перерыва въ пять лѣтъ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1857 года появился рассказъ его *Старые годы*, и затѣмъ въ теченіе 1857 и 1858 годовъ слѣдовалъ рядъ рассказовъ: *Поярковъ*, *Дядушка Поликарпъ*, *Медвѣжій уголъ*, *Непремѣнный*, *Бабушкины рассказы*. Произведенія эти упрочили извѣстность Мельникова. Самыми же главными его шедеврами были два объемистые романа, печатавшіеся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и вышедшіе потомъ отдѣльными изданіями: *Въ лесахъ*—въ 1872—73 годахъ и *На горахъ*—въ 1875 и 1880 годахъ.

Въ романахъ этихъ нечего и искать какихъ-либо художественныхъ достоинствъ, равно какъ и психологической правды. Быть поволжскихъ раскольниковъ, составляющей содержаніе этихъ романовъ, изображается въ нихъ съ одной внѣшней, этнографической стороны, при чемъ развитіе сюжетовъ отличается тѣми придуманностью и мелодраматичностью, какія вы найдете во всѣхъ романахъ, написанныхъ не съ художественными цѣлями, а ради нагляднаго сообщенія историческихъ или этнографическихъ фактовъ. Къ тому же официально-чиновничья точка зрѣнія на раскольниковъ отразилась во многихъ мѣстахъ этихъ романовъ. Тѣмъ не менѣе по массѣ крайне интересныхъ и живыхъ свѣдѣній о жизни раскольниковъ, являющихся результатомъ многолѣтнихъ трудовъ и наблюденій автора,

романы эти представляются драгоценными пособиями для изученія народнаго быта и до сихъ поръ читаются съ пользою и интересомъ.

Романомъ *На горахъ* завершилась литературная дѣятельность Мельникова. Послѣднія главы этого романа Мельниковъ, разбитый параличемъ, не могъ уже самъ дописать, а принужденъ былъ диктовать. Умеръ онъ 1-го февраля 1883 года въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ домѣ своемъ на Петропавловской улицѣ.

V.

Наибольшій интересъ къ изученію народнаго быта и міросозерцанія обнаружился въ славянофильскихъ кружкахъ. Здѣсь впервые началось систематическое и всестороннее изученіе народа, въ истинномъ смыслѣ научное. — Началось это дѣло съ собиранія былинъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п., причемъ одинъ изъ старшихъ славянофиловъ, П. Кирѣевскій, приобрѣлъ извѣстность наиболѣе всего своими сборниками народной поэзіи. По его слѣдамъ пошли столь же извѣстные собиратели Рыбниковъ и Безсоновъ.

Однимъ изъ наиболѣе прославившихся въ этомъ отношеніи, всю жизнь свою положившій на хожденіе въ народъ и опрощеніе ради приобрѣтенія довѣрія мужика и слянія съ нимъ, является Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, личность въ высшей степени замѣчательная какъ своими сочиненіями, такъ и яркою типичностью и цѣльностью своего характера.

П. И. Якушкинъ родился въ 1820 году, въ усадьбѣ Сабуровѣ, Мало-архангельскаго уѣзда, Орловской губерніи, въ зажиточной дворянской семьѣ. Отецъ его, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку поручикомъ и жилъ постоянно въ деревнѣ. Послѣ его смерти семья осталась на рукахъ матери, которая пользовалась общимъ уваженіемъ, внушаемымъ ея безконечной добротой, свѣтлымъ умомъ и сердечностью. Она владѣла въ то же время тактомъ опытной хозяйки, и имѣнье, оставшееся послѣ мужа, не только не разстроилось, но было приведено въ наилучшее состояніе. Благодаря этому, Прасковья Ѳадеевна имѣла возможность воспитать шестерыхъ сыновей въ Орловской гимназіи и затѣмъ тремъ изъ нихъ (Александрѣ, Павлу и Виктору) открыть дорогу къ высшему образованію.

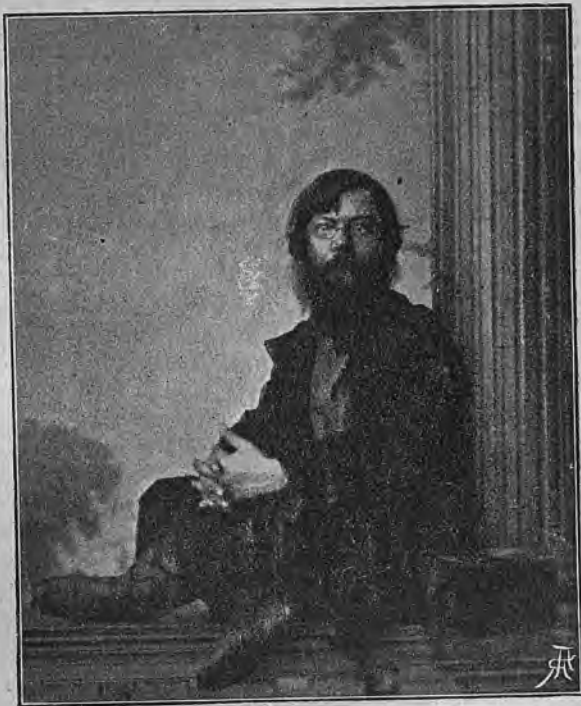
Уже въ гимназіи Якушкинъ обращалъ на себя вниманіе своею мужиковатостью, небрежностью въ костюмѣ и полнымъ неумѣніемъ соблюдать интеллигентную, благопристойную и сообразную съ дворянскимъ званіемъ внѣшность. Особенно своими непослушными вихрами «убивалъ онъ господина директора», и какъ ни стригли эти вихры, они постоянно торчали во все стороны къ ужасу начальства, которому непріятно было возиться съ волосами Якушкина и потому еще, что каждый разъ при постриженіи онъ «грубо оправдывался такими мужицкими словами, что во всехъ классахъ помирали со смѣху».

Такимъ образомъ страсть къ простонародности формировалась у Якушкина еще въ школѣ, и учитель нѣмецкаго языка Функендорфъ не иначе называлъ его, какъ *мужицка чучелка*.

Въ 1840 году Якушкинъ поступилъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ, слушалъ его довольно успѣшно и былъ уже

на четвертомъ курсѣ, когда знакомство съ М. П. Погодинымъ и П. В. Кирѣвскимъ перевернуло его судьбу. Узнавъ, что Кирѣвскій собираетъ народныя пѣсни, Якушкинъ записалъ одну и отправилъ къ нему съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. Кирѣвскій выдалъ за эту пѣсню 15 р. асс. Якушкинъ повторилъ еще два раза этотъ опытъ и получилъ отъ Кирѣвскаго приглашеніе познакомиться. Пѣсни были неподдѣльно народныя. Чуткій къ способностямъ Якушкина, Кирѣвскій задалъ ему работу, которая пришлась ему столь по душѣ, что заставила его бросить почти оконченный курсъ: именно отправилъ его для изслѣдованія въ сѣверныя поволжскія губерніи. Якушкинъ взвалилъ на плечи лубочный коробъ, набитый офенскимъ товаромъ, цѣнностью не больше десяти рублей, взялъ въ руки аршинъ и пошелъ, подъ видомъ торговца-сумочника, на изслѣдованіе народности и для изученія и записыванія пѣсенъ.

И съ тѣхъ поръ всю жизнь пространствовалъ Якушкинъ, признавъ способъ пѣшаго хожденія самымъ удобнымъ и обязательнымъ для себя. Образъ странника былъ любезенъ и дорогъ ему сколько по привычкѣ, столько же и по исключительности положенія въ средѣ народа, гдѣ страннику, захожему человѣку великъ почетъ и уваженіе. Съ особенною любовью вспоминалъ онъ и рассказы-валъ о тѣхъ случаяхъ, когда его покормили молочкомъ, яичницу сдѣ-

П. И. Якушкинъ.

лали, какъ около Новгорода попалъ онъ на рыбныя тони, гдѣ отобрали ему ловцы самой лучшей крупной рыбы на уху, или въ другомъ мѣстѣ старушка дала страннику копеечку на дорогу, какъ случалось попадать ему на большія угощенія, гдѣ его иной разъ сажали даже на почетныя мѣста въ переднемъ углу, но нигдѣ денегъ не брали.

Въ одно изъ такихъ странствій Якушкинъ заразился натуральной оспой, заболѣлъ и свалился въ первомъ попавшемся деревенскомъ углу; здоровая натура его выдержала болѣзнь, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, отсутствіе врача и всякой цѣлесообразной помощи. Зато лицо его было сильно изуродовано болѣзью. Опущенное длинной боро-

дой, при длинныхъ волосахъ, оно иногда пугало женщинъ и дѣтей при уединенныхъ встрѣчахъ и возбуждало подозрительность въ полицейскихъ.

Присоедините къ этому необыкновенный костюмъ Якушкина, полукрестьянскій, полумѣщанскій, причемъ параднымъ платьемъ на выходъ была черная суконная поддевка и высокіе сапоги съ напускомъ безъ галошъ; въ дорогу сверху надѣвался полушубокъ, подаренный какимъ-нибудь добрымъ пріятелемъ. Сначала водилась сумка, потомъ завелся чемоданчикъ, но былъ потерянъ и смѣнился разъ навсегда узелкомъ изъ подручнаго платка. Въ узелкѣ этомъ между бѣльемъ хранилось нѣсколько листиковъ исписанной бумаги, нечитанная книжка, карандашикъ отъ случайно подвернувагося челоуѣка; на случай частное письмо редакціи *Русской Бесѣды*, предложеніе географическаго общества, котораго онъ былъ членомъ-корреспондентомъ (удостоился серебряной медали). Паспортъ былъ давно потерянъ; потеряно было и удостовѣреніе мѣстнаго становаго объ этой потерѣ. Одинъ изъ братьевъ выхлопоталъ ему копію съ этого удостовѣренія, Якушкинъ и ее потерялъ; взята была копія съ копіи. Вотъ этотъ-то документъ и служилъ для удостовѣренія его личности. Въ этомъ заключался главный источникъ всѣхъ недоразумѣній, встрѣчавшихся съ Якушкинымъ во время странствій, непріятностей, осмотровъ, задержекъ, арестовъ и высылковъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ приключеній былъ надѣлавшій не мало шума арестъ Якушкина псковской полиціей въ 1859 году, и цѣлая литературная полемика, завязавшаяся между нимъ и псковскимъ полиціймейстеромъ, Гемпелемъ, по этому поводу. Въ тѣ горячіе годы протестовъ и обличеній вся пресса приняла участіе въ этой полемикѣ, и публика съ пожирающимъ интересомъ слѣдила за нею.

Находчивый, остроумный, независимый Якушкинъ не стѣснялся ни передъ кѣмъ рѣзать правду въ глаза, не боясь наживать враговъ на каждомъ шагу и не унимаясь послѣ самыхъ строгихъ взысканій. Ему нечѣмъ было дорожить, нечего терять; безребреничество его доходило до отсутствія всякой собственности, кромѣ узелка съ двумя-тремя перемѣнами бѣлья и того, что на немъ было. О денежныхъ вознагражденіяхъ за печатный трудъ онъ не условливался; довольствовался тѣмъ, что дадутъ, никогда не жаловался и не сѣтовалъ. О деньгахъ вспоминалъ лишь тогда, когда были крѣпко нужны: сквозили сапоги и промокали ноги, сползала съ головы шапка, слѣзала съ плечъ свитка, да и объ этомъ надо было ему напомнить и кому-нибудь похлопотать. Хорошо вознаграждаемый литературнымъ гонораромъ, онъ, любя угощаться, любилъ угощать, владѣлъ замѣчательною способностью терять деньги, а уцѣлѣвшія раздавать тѣмъ, кто въ нихъ нуждался. Умеръ онъ безъ гроша въ карманѣ и, умирая, имѣлъ полное право выговорить пользовавшему его врачу: «Припоминая все мое прошлое, я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя».

Къ обидамъ и огорченіямъ онъ былъ мало чувствителенъ и, когда его обижали, говорилъ про обидчика:

— Стало быть, такъ надо. Видно, онъ лучше меня про то знаетъ, если говорить мнѣ прямо въ глаза.

Столь же хладнокровно встрѣчалъ онъ неудачи, невзгоды и промахи. Когда ему старались внушить, что онъ самъ въ чемъ-нибудь виноватъ, и спрашивали, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ добродушно отвѣчалъ на

это: «Чтобы смѣшнѣе было». Всегда хладнокровенъ, всегда беззаботенъ, счастливъ и доволенъ собой, всегда не отъ міра сего, онъ, по мѣткому замѣчанію С. В. Максимова, «былъ безпеченъ до того, какъ будто надѣялся жить вѣчно, а жить торопился такъ, какъ будто предстояло ему умереть завтра».

Къ друзьямъ онъ смѣло и увѣренно приходилъ во всякое время, не справляясь съ часами дня и ночи, но, придя на ночлегъ, ни за что не ложился на предлагаемую кровать или кушетку, а располагался на полу, гдѣ-нибудь въ уголку, подложивши подъ голову полѣно.

Политика мало занимала Якушкина. Къ литературнымъ направленіямъ онъ относился съ полнымъ индифферентизмомъ, и во всѣ редакціи входилъ съ одинаковымъ добродушіемъ, не обращая вниманія на ихъ взаимную вражду. Смѣна и назначеніе новыхъ должностныхъ лицъ въ Россіи не радовали и не печалили его: онъ махалъ рукой и говорилъ: «это все едино». Формы правленія для него были безразличны—«какъ народъ похочетъ, такъ и устроится», говаривалъ онъ. Всѣ симпатіи Якушкина были на сторонѣ рабочихъ людей,—особенно батраковъ, фабричныхъ, вообще голытьбы, которую, по его словамъ, «хозяева заморить готовы, и могутъ заморить, если тѣ сами въ свой разумъ не придутъ и не узнаютъ, какъ они нужны». Идеаломъ общественнаго устройства была въ его воображеніи гигантская артель, вмѣщающая въ себя всю Россію.

При такомъ образѣ мыслей онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ быть политически опаснымъ, тѣмъ не менѣе эксцентрическая внѣшность и невоздержность на языкъ стугили его. Въ 1865 году на макарьевской ярмаркѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ случайный съѣздъ нѣсколькихъ литераторовъ (П. И. Мельникова, В. П. Безобразова, И. А. Арсеньева, П. Д. Боборыкина и пр.), и по этому случаю тогдашній ярмарочный голова А. П. Шиповъ, человѣкъ образованный, извѣстный своею разностороннею общественною дѣятельностью и глубокими симпатіями къ литературѣ и экономическимъ наукамъ и самъ будучи авторомъ многихъ ученыхъ трактатовъ, устроилъ большой обѣдъ по подпискѣ, въ которомъ приняли участіе именитые купцы и пріѣзжіе на обѣдъ литераторы. Въ числѣ обѣдающихъ былъ и Якушкинъ. Подпивши, онъ сдѣлалъ во время рѣчи В. П. Безобразова рѣзкое замѣчаніе мѣшавшему рѣчи стукомъ ложки И. А. Арсеньеву. Затѣмъ онъ оборвалъ въ буфетѣ адъютанта, мѣстнаго жандармскаго штабъ-офицера Перфильева,—тотъ пожаловался тогдашнему ярмарочному генералъ-губернатору Огареву, представивъ Якушкина въ видѣ опаснаго, смущающаго народъ, агитатора. Его арестовали и отправили въ Петербургъ, а оттуда выслали въ Орелъ къ матери. Тамъ онъ пробылъ недолго и взмолился друзьямъ своимъ: «Избавьте мать отъ меня! Сколько я могу понимать, хотѣли высылкой сюда наказать меня, но наказали мать. Войдите же въ положеніе ни въ чемъ неповинной, честной и доброй старушки, обязанной видѣть передъ собой ежедневно потеряннаго сына».

Прошеніе его, поданное начальству объ этомъ предметѣ, было уважено: онъ былъ переведенъ изъ Орловской губерніи въ Астраханскую. Здѣсь онъ проживалъ подъ административнымъ надзоромъ въ Красномъ Ярѣ и Енотаевскѣ. Здоровье его было крайне разстроено и полною всякихъ невзгодъ и потрясеній странническаго, непріютнаго жизнью, и излишнимъ пристрастіемъ къ чарочкѣ. Относительно послѣдняго обстоятельства онъ

могъ смѣло заявить, что спойлъ его не кто иной, какъ самъ народъ, въ безчисленныхъ кабакахъ Россійской имперіи, гдѣ онъ записывалъ пѣсни, которыя трудно бывало выудить у русскаго человѣка безъ чарочки водки, но нельзя было также только поить, а не пить самому, становясь съ мужиками на равную ногу.

Смерть застигла его въ Самарѣ, въ городской больницѣ, на рукахъ извѣстнаго писателя-публициста и врача Веніамина Осиповича Португалова въ 1872 году. Умеръ онъ съ тою же добродушною безпечною, съ какою прожилъ всю забубенную жизнь свою, съ любимомъ пѣсенкою на устахъ:

Мы и пѣть будемъ, и играть будемъ,
А смерть придетъ, умирать будемъ!

Похоронили его съ почетомъ и теплыми надгробными словами небольшая горсть интеллигенціи, какая въ то время случилась въ Самарѣ.

Дѣятельность Якушкина распадается на два періода. Въ первомъ онъ является лишь собирателемъ народныхъ пѣсень. Пѣсни эти печатались первоначально въ *Лѣтописяхъ русской литературы и древности* (1859 года), въ сборникѣ *Утро* (1859 года) и въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1860 года). Отдѣльно онѣ были изданы: 1) въ 1860 году подъ заглавіемъ *Русскія пѣсни, собранныя П. И. Якушкинымъ*, и 2) въ 1865 году подъ заглавіемъ *Народныя пѣсни изъ собранія П. Якушкина*. Сборники эти въ свое время были привѣтствованы всею литературою и оцѣнены по достоинству. Когда Якушкинъ напечаталъ свое собраніе пѣсень въ *Отечественныхъ Запискахъ*, оно сдѣлалось предметомъ цѣлой литературы. О собирателѣ явились обстоятельные и очень лестные отзывы въ *Извѣстіяхъ Академіи Наукъ*, въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и пр.

Самостоятельная же беллетристическая дѣятельность Якушкина началась въ концѣ пятидесятихъ годовъ рядомъ путевыхъ писемъ изъ Новгородской и Псковской губ., изъ Устюжскаго уѣзда, изъ Орловской, Черниговской, Курской, Астраханской г., печатаемыхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, начиная съ 1859 года и въ 1861 году (лишь путевыя письма изъ Астраханской были напечатаны въ *Отечественныхъ Запискахъ* значительно позднѣе, именно въ 1868 и 1870 гг.). Въ 1863 г. былъ напечатанъ въ *Современникѣ* рассказъ *Великъ Богъ земли русской*; затѣмъ появились *Бунты на Руси*, очеркъ I—въ *Современникѣ* 1866 г., очеркъ II—въ *Новомъ Времени* 1880 г., *Чисти зубы, а не то мужикомъ назовутъ*—въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1868 г., *Небывальщина*—въ *Современникѣ* 1865 г. и въ *Искрѣ* за 1864—1865 гг., *Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь*—въ прибавленіи къ *Русскому Инвалиду* 1864 г., *Мужицкій годъ*—въ *Искрѣ* 1866 г., *Изъ рассказовъ о крымской войнѣ*—въ *Современникѣ* 1864 г.

Произведенія П. И. Якушкина представляютъ рядъ фотографій, цѣлкомъ снятыхъ съ дѣйствительности во время многочисленныхъ странствій его по лицу земли русской, носятъ поэтому характеръ случайныхъ наблюденій, наскоро записанныхъ въ памятную книжку и затѣмъ получившихъ спѣшную литературную обработку. Тѣмъ не менѣе они драгоценны тѣмъ, что предполагаютъ совершенно иное отношеніе къ народу, тѣмъ какое было до ихъ появленія. Здѣсь вы видите уже не идеализацію

народа и не глумленіе надъ нимъ, а объективное и безпристрастное отношеніе наблюдателя, глубоко постигшаго народную жизнь и народное міросозерцаніе, его живую душу. При всей случайности наблюденій, изображаемые факты поражаютъ васъ своею характерностью и типичностью, и въ одномъ этомъ умѣньѣ схватывать и передавать существенное обнаруживается передъ вами знатокъ народной жизни. Вы не найдете здѣсь какихъ-либо замѣчательныхъ характеровъ и оригинальныхъ мужицкихъ типовъ; зато отлично рисуется то, что тщетно вы будете искать въ беллетристикѣ изъ народнаго быта сороковыхъ годовъ—именно собирательный голосъ народа, сливающийся въ общемъ хорѣ крестьянскаго міра. Языкъ выводимыхъ Якушкинымъ мужиковъ идеально безукоризненъ, безъ малѣйшаго слѣда утрировки или же выраженій слишкомъ интеллигентно литературныхъ для мужика. Однимъ словомъ, съ Якушкина беллетристика изъ народнаго быта выступаетъ на совершенно новую почву, и онъ стоитъ во главѣ этого поворота если не представителемъ его, то во всякомъ случаѣ первымъ пионеромъ.

По содержанію своему рассказы Якушкина носятъ исключительно общественный характеръ, соотвѣтственный горячимъ злобамъ дня и великимъ событіямъ, во время которыхъ они появлялись. Такъ, въ рассказѣ *Великъ Богъ земли русской* собраны факты народной жизни, слухи и разговоры, предшествовавшіе крестьянской реформѣ и возбужденные ея ожиданіемъ; въ рассказѣ *Крестьянскіе бунты* изображаются недоразумѣнія и смуты, какія послѣдовали послѣ эмансипаціи; въ рассказѣ *Чисти зубы, а не то мужикомъ назовутъ* изображено вліяніе на крестьянъ бюрократо-полицейскихъ порядковъ, въ какіе облечено данное имъ послѣ освобожденія самоуправленіе, и т. д.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I. Беллетристы-народники изъ разночинцевъ и внесеніе ими новаго духа въ изображенія изъ народнаго быта. Федоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ и его дѣтство. II. Юность Рѣшетникова до пріѣзда въ Петербургъ.—III. Факты послѣдующихъ лѣтъ его жизни. *Подлитовцы* и прочія его сочиненія.—IV. Александръ Ивановичъ Левитовъ. Факты и обстоятельства его жизни.—V. Сравненіе Левитова съ Рѣшетниковымъ. *Стенные очерки* Левитова.—VI. Характеръ и содержаніе послѣдующихъ его произведеній.—VII. Николай Ивановичъ Наумовъ. Его жизнь и сочиненія.—Павелъ Владиміровичъ Засодимскій.

I.

По мѣрѣ того, какъ образованіе распространялось въ массахъ общества и центръ умственнаго движенія перешелъ изъ дворянской среды въ разночинскую, въ литературныхъ сферахъ къ концу пятидесятихъ годовъ, какъ мы говорили уже, произошелъ большой наплывъ новыхъ силъ изъ разночинцевъ. Эти новыя силы, подчиняясь духу времени, еще съ большею энергію, чѣмъ писатели старшаго поколѣнія, принялись за изученіе народа, вмѣстѣ съ тѣмъ внесли совершенно новый духъ въ беллетристику изъ народнаго быта и обусловили своимъ появленіемъ новый періодъ ея развитія.

Правда, со стороны художественныхъ формъ, техники, произведенія

беллетристовъ-разночинцевъ представляютъ шагъ назадъ по сравненію съ произведеніями беллетристовъ сороковыхъ годовъ, значительно уступая имъ въ стройности, законченности, умѣньѣ заинтересовать читателя и приковать его вниманіе и т. п. Они представляются по большей части неоконченными, необработанными, неуклюжими очерками, эскизами, наброс-

О. М. Рѣшетниковъ.

ками, иногда безъ всякаго сюжета и фабулы, хаотическими нагроможденіями сырыхъ матеріаловъ.

Этотъ регрессъ въ техническомъ отношеніи обуславливался многими причинами. Болѣе всего дѣйствовало то обстоятельство, что въ большинствѣ разночинцы учились на мѣдные деньги и явились на литературное поприще самоучками, не получившими правильнаго и систематическаго литературнаго образованія и едва грамотными; но и впоследствии они не имѣли возможности развивать свои таланты и вырабатывать изящныя формы. Всеѣмъ имъ приходилось вѣчно бороться съ нищетою и спѣшить

работою, не имѣя времени не только художественно отдѣлывать написанное, но и перечитывать его. Едва написавши двѣ-три первыя главы разсказа, авторъ несъ ихъ уже въ редакцію журнала, чтобы заручиться авансомъ, а тамъ работа прервалась то болѣзною, то цензурными условіями, и произведеніе оставалось неоконченнымъ, забываясь для новыхъ столь же неудачныхъ попытокъ.

Тѣмъ не менѣе отъ произведеній молодыхъ беллетристовъ-разночинцевъ повѣяло совсѣмъ инымъ духомъ, и въ нихъ мы видимъ отношеніе къ народу, до того времени небывалое. Вы не найдете уже здѣсь ни излишней идеализаціи народа, ни глумленія надъ нимъ, ни этнографо-бюрократической сухости официального изученія народа, ни плаксивой сантиментальности; васъ поражаетъ трезвая, нелицеприятная правда, — результатъ глубокаго знанія внутреннихъ основъ народной жизни, семейной и общественной. Видно, что авторы близко стояли къ народу, и не только наблюдали его жизнь, но отчасти и сами ее переживали.

Беллетристика этого рода представляетъ въ свою очередь два періода. Въ первомъ періодѣ, въ теченіе шестидесятихъ годовъ, жизнь народа разсматривалась преимущественно по отношенію ея къ другимъ слоямъ общества; главное вниманіе обращалось на политико-экономическія и социальныя условія народнаго быта, на необеспеченность народныхъ массъ, безправность ихъ и эксплоатацію со стороны всякаго рода проходимцевъ. Во второмъ же періодѣ, въ теченіе семидесятихъ и восьмидесятихъ годовъ, главное вниманіе начали обращать на внутреннія основы крестьянскаго быта, на его вѣковѣчные устои въ видѣ общины и на идеалы, составлявшіе существенное отличіе деревенскаго человѣка отъ городского.

Въ первомъ періодѣ изъ всѣхъ беллетристовъ-народниковъ наиболѣе выдаются три писателя: Федоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ, Александръ Ивановичъ Левитовъ и Николай Ивановичъ Наумовъ.

О. М. Рѣшетниковъ родился въ Екатеринбургѣ, Пермской губерніи, 5 сентября 1841 г. Отецъ его былъ сначала дьячкомъ, затѣмъ, женившись на дочери дьякона, поступилъ въ почталыоны, но жилъ съ женою плохо, испивая горькую чашу, такъ что, когда братъ его переѣхалъ въ Пермь съ семействомъ, мать Рѣшетникова вскорѣ ушла къ нимъ. Въ Пермь она пришла во время страшнаго пожара и такъ была этимъ испугана, что заболѣла и умерла; девятимѣсячный мальчикъ остался на попеченіи дяди и тетки; отца же своего Рѣшетниковъ въ первый разъ увидѣлъ уже десяти лѣтъ отъ роду.

Родственники, на рукахъ которыхъ остался сирота, были люди крайне бѣдные, угнетенные ярмомъ каторжной службы по почтовому вѣдомству, и нравы царили у нихъ грубые и звѣрскіе. Рѣшетниковъ же съ первыхъ дней дѣтства оказался мальчикомъ бойкимъ, веселымъ, рѣзвымъ, впечатлительнымъ. Желая ему добра, родственники начали немедленно же выбивать изъ него эту рѣзвость. Въ автобіографической повѣсти *Между людьми* Рѣшетниковъ подробно и обстоятельно рисуетъ свое дѣтство, и мы видимъ, что его билъ всякій, кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ. Дядя принесъ лубочную картинку и сталъ разсматривать; мальчикъ потянулъ ее къ себѣ и разорвалъ пополамъ. «За это дядя меня такъ ударилъ, что я ударился головою объ полъ, изо рта пошла кровь». Каждый разъ, когда онъ брался за «священную исторію», картинки которой привлекали

его, онъ непремѣнно получалъ ударъ этой же книжкой въ голову. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ засунулъ ее въ печку; книгу вытащили, «но за это,—говоритъ Рѣшетниковъ,—дядя долго дралъ меня ремнемъ». Вздумаеть онъ чистить сапоги дядѣ и старается до тѣхъ поръ, пока тетка не выхватитъ изъ рукъ его щетки и не ударитъ ею по головѣ... «Песь», «ножовое вострие», «балбесъ», «безрогая скотина»—такъ и сыпались на него со всѣхъ сторонъ; иначе его не называли. Такое обхожденіе развило неукротимую злость въ мальчикѣ, и онъ началъ мстить своимъ гонителямъ въ выдумываніи удивительнѣйшихъ мерзостей: то засунеть въ квашню или кадку съ водою дохлую кошку, то измажетъ въ грязи развѣшанное сушиться бѣлье, вытащить кранъ изъ самовара, забросить его черезъ заборъ, и самоваръ распаяется, и т. п. Онъ сдѣлался божескимъ наказаніемъ цѣлому двору, всеобщимъ врагомъ, и ему не было другого имени, какъ «воръ», «поганая рожа»; его вихры, уши и щеки сдѣлались общимъ достояніемъ; били и ругали его всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, запускалъ камнями, кусался, билъ враговъ «по лицу» и не уставалъ изобрѣтать новыя пытки.

Въ 1851 году, десяти лѣтъ, Рѣшетникова отдали въ бурсу, и къ битью воспитателей и сосѣдей прибавилось битие школьное. Переносить все это стало невозможнымъ, и мальчикъ рѣшился бѣжать. Онъ ушелъ на колокольню и просидѣлъ на ней весь день, а на ночь убѣжалъ на рѣку и тамъ ночевалъ. «Поутру,—говоритъ Рѣшетниковъ,—я ходилъ какъ помѣшанный отъ голоду». Въ какомъ-то рыбацьемъ шалашѣ нашель онъ полковриги хлѣба, взялъ его себѣ, а въ лодкѣ провертѣлъ дыру, распласталъ неводъ, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ. Затѣмъ сѣлъ въ чью-то чужую лодку и сталъ грести вверхъ, но силы были слабы, лодку несло внизъ и прибило къ берегу. Тутъ его настигла погоня: вслѣдъ за мѣщаниномъ, набросившимся на него и начавшимъ его тизить по чему попало, явилась цѣлая флотилія бурсаковъ. Его связали и безжалостно поволокли въ бурсу, награждая палочными ударами. По возвращеніи же въ бурсу бѣглецу была задана такая баня, послѣ которой онъ пролежалъ два мѣсяца въ лазаретѣ.

Какъ только вышелъ Рѣшетниковъ изъ лазарета, онъ опять бѣжалъ. На этотъ разъ онъ отправился на Мотовиловку,—заводъ, отстоящій отъ Перми версты за три. Бурсацкій сюртукъ свой онъ бросилъ въ воду, чтобы не узнали, вымазалъ лицо, рубашку, панталоны и пошелъ по заводскимъ кабакамъ и домамъ просить Христа ради. Долго онъ шатался между рабочими, которые давали ему кровъ и кормили его. «Много,—говоритъ онъ,—увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ». Но, какъ человекъ бродящій, безъ пристанища, попалъ онъ къ нищимъ, которые насильно таскали его съ собою, заставляли плясать, поили водкой. Бывали минуты, когда онъ кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы кто-нибудь спасъ его отъ нихъ, но никто не давалъ помощи. «И Богъ знаетъ, что было бы со мною,—вспоминаеть онъ,—если бы не спасла меня одна женщина». Женщина эта, часто бывавшая у дяди въ городѣ, узнала бѣглеца и привела домой. «Дѣло извѣстное, что было послѣ этого»,—заканчиваетъ Рѣшетниковъ исторію этого послѣдняго побѣга, намекая на неизбѣжное дранье.

Послѣ этого онъ болѣе не покушался на побѣги. На него напала полная апатія, равнодушіе ко всему,—и къ наукѣ, и къ поркѣ. Онъ словно окаменѣлъ, и теперь, когда приходила пора порки, заботился лишь отдѣлаться тѣмъ, что старался стать въ концѣ шеренги, предназначенной къ сѣченію, потому что къ концу ея сторожъ уставалъ, или же давалъ сторожу гривенникъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конторѣ составленіемъ крестьянскихъ писемъ, что тоже не мало помогло ему узнать народный бытъ. Отъ учителей онъ отдѣлывался своего рода взятками: отправлялъ даромъ, благодаря дядѣ, письма, доставлялъ письма на домъ, а главное таскалъ для нихъ тайкомъ съ почты газеты, но за это обстоятельство очень дорого пришлось ему поплатиться. Таская газеты и конверты, онъ по прочтеніи ихъ учителями имѣлъ обыкновеніе забрасывать ихъ черезъ сосѣдній заборъ въ снѣгъ; бывали случаи, что онъ со страху забрасывалъ туда пакеты, не разсматривая и не читая ихъ, и въ числѣ такихъ-то нечитанныхъ пакетовъ забросилъ одинъ весьма важный манифестъ 1855 года. Дѣло было нешуточное, виновника разыскали, передали формальному суду. Дѣло тянулось два года и кончилось тѣмъ, что Рѣшетникова сослали въ Соликамскій монастырь на покаяніе.

II.

Трехмѣсячное пребываніе Рѣшетникова въ монастырѣ очень печально отразилось въ жизни его. Онъ быстро сошелся съ монахами и подружился съ ними тѣмъ скорѣе и тѣснѣе, что они не били его, не оскорбляли за прошлое, относились къ нему, какъ къ равному, и даже смотрѣли, какъ на человѣка болѣе развитого, чѣмъ они. Но нравы въ монастырѣ были распущены. «Въ Соликамскѣ,—говоритъ Рѣшетниковъ,—я въ одну недѣлю позналъ нечестіе монаховъ, какъ они пьютъ вино, ругаются, ѣдятъ говядину, ходятъ по ночамъ, ломаютъ ворота». Тѣмъ не менѣе подъ конецъ пребыванія въ монастырѣ Рѣшетниковъ съ каждымъ днемъ все болѣе привязывался къ своимъ новымъ знакомымъ. «И такъ я чудно и весело проводилъ время съ монахами,—говоритъ онъ:—они меня поили пивомъ, и я часто приходилъ домой пьянымъ. Да и всѣ меня любили сердечно, и я тоже питалъ свою любовь къ нимъ. Иногда обѣдалъ и спалъ въ кельяхъ. Словомъ, очень весело я проводилъ время съ доброю братією и въ особенности тогда, какъ пили пиво». По словамъ же Рѣшетникова, пиво это обыкновенно настаивалось на табакѣ. Къ такому чисто адскому напитку привыкалъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, и вотъ уже когда положено было начало той болѣзни, которая свела Рѣшетникова въ преждевременную могилу.

Курьезнѣе всего, что рядомъ съ пристрастіемъ къ вину Рѣшетниковъ вынесъ изъ монастыря аскетизмъ и мистицизмъ мрачнаго свойства, и долго находился подъ ихъ вліяніемъ; доходило дѣло до того, что онъ мечталъ даже покончить жизнь въ монастырѣ. Когда дядя въ шутку сказалъ ему, что женить его на одной дѣвушкѣ, которая ему нравилась, Рѣшетниковъ писалъ въ своихъ замѣткахъ по этому поводу: «я не могу взять за примѣръ женщинъ, и не могу соблазниться примѣромъ ихъ. Богъ знаетъ, что я имѣю усердіе къ Его великой церкви и въ вѣкъ буду

стремиться къ Его церкви, и будетъ время, когда я уйду въ монастырь въ уединеніе и тамъ буду молиться Небесной Невѣстѣ, Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи».

Въ теченіе 1857 и 1858 годовъ онъ только и дѣлалъ, что читалъ книги духовнаго содержанія и предавался благочестивымъ размышленіямъ какъ въ письмахъ къ друзьямъ, такъ и въ своихъ замѣткахъ. Жилъ онъ между тѣмъ снова въ домѣ дяди. Отдали его опять въ то же училище и снова въ первый классъ; его уже не били, но и нельзя сказать, чтобы обращались съ нимъ ласково. Въ 1859 году родные его переѣхали въ Екатеринбургъ, гдѣ дядя получилъ мѣсто помощника почтмейстера. Рѣшетниковъ помѣстился на частной квартирѣ. Оставшись на свободѣ, онъ какъ будто ожилъ; вмѣсто разсужденій о непостижимомъ, въ запискахъ идутъ живые очерки лицъ, съ которыми ему пришлось жить, описанія городскихъ происшествій, пожаровъ (во время пожаровъ въ Перми въ 1859 году онъ нанимался по ночамъ караулить дома, за что получалъ 20 коп., и нажилъ отъ этой работы рубль двадцать копеекъ). На досугѣ же онъ ѣздилъ рыбачить за Каму, гдѣ съ простымъ народомъ проводилъ цѣлыя ночи. «Часто въ это время,—говоритъ Рѣшетниковъ,—случалось, что я, сидя въ лодкѣ, глядѣлъ куда-нибудь въ даль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ—ни одного слова. Очнешься—и плонешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, если бы я былъ богатъ, я бы накупилъ книгъ много, много... Я бы все выучилъ».

25-го іюля того же года Рѣшетниковъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и «получилъ аттестатъ съ отличными, хорошими, а изъ ариметики и геометріи достаточными успѣхами», послѣ чего онъ отправился къ дядѣ въ Екатеринбургъ и опредѣлился въ уѣздный судъ (29-го іюня 1859 г.) съ жалованьемъ по 3 руб. въ мѣсяць. Продолжая жить въ домѣ дяди, Рѣшетниковъ въ свободныя минуты началъ пописывать, и первыми произведеніями его были: стихотворная поэма *Приговоръ* въ трехъ частяхъ и драма въ шести дѣйствіяхъ, тоже стихами, *Палачъ*. Оба эти первыя произведенія, конечно, до послѣдней степени слабыя, носятъ еще сильныя задатки мистицизма.

Въ 1860 году Рѣшетниковъ получилъ мѣсто въ томъ же уѣздномъ судѣ помощника столоначальника чернорабочаго стола. Это обстоятельство сдѣлало его болѣе самостоятельнымъ, и въ то же время онъ созналъ сразу всю свою отвѣтственность. «Мнѣ страшно казалось,—рассказываетъ онъ,—рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывать въ разныя мѣста, читалъ разныя коші, реестры и все то, что ни попадалось на глаза. Когда я бывалъ дежурнымъ, то рылся вездѣ, гдѣ не заперто, узналъ здѣсь многое».

Такимъ образомъ Рѣшетниковъ пополнилъ свое знакомство съ народомъ, узнавъ изъ канцелярскихъ бумагъ всю подневольность простаго человѣка и зависимость его отъ мелкаго начальства, и у него тогда уже возникло стремленіе приносить этому народу пользу посредствомъ литературнаго труда. Сильное вліяніе на Рѣшетникова въ этомъ отношеніи оказалъ одинъ мастеровой екатеринбургскаго монетнаго двора. Онъ очень любилъ Рѣшетникова, знакомилъ его съ бытомъ рабочаго человѣка, совѣтывалъ ему жить честно, не якшаться съ пьянчужками и взяточниками.

Освободившись подъ этими вліяніями совсѣмъ отъ своего мистицизма, Рѣшетниковъ началъ писать произведенія обличительнаго характера, каковы были: *Черное озеро*, *Дѣловые люди* и пр., въ бумагахъ его не сохранившіяся.

По мѣрѣ того какъ въ Рѣшетниковѣ укрѣплялось сознаніе, что съ помощью своихъ писаній онъ можетъ сдѣлать полезное, утѣдныи судъ и Екатеринбургъ стали ему надоѣдать, и у него явилось неодолимое стремленіе уѣхать въ Пермь и тамъ служить: тамъ можно читать книги, тамъ у него школьные товарищи, тамъ, наконецъ, проживала та самая дѣвушка, которую онъ два года назадъ «не хотѣлъ соблазнить», а теперь, избавившись отъ аскетизма, снова любилъ такъ, какъ любилъ еще ребенкомъ. Но не малаго труда стоило ему переѣхать въ Пермь и устроиться тамъ; пришлось выдержать тяжелую и долгую борьбу съ дядей; затѣмъ въ Перми долго не давали ему мѣста, чему сильно препятствовали, съ одной стороны, то, что онъ былъ нѣкогда подъ судомъ, а съ другой—его обличительныя сочиненія, слухъ о которыхъ распространился по Перми, такъ какъ *Черное озеро* онъ посылалъ въ *Пермскія губернскія вѣдомости*.

Лишь въ іюні 1861 года онъ добился мѣста канцелярскаго служителя казенной палаты. «Меня посадили,—пишетъ Рѣшетниковъ,—въ регистратуру. Вся моя работа не умственная, а машинная, состоитъ въ записываніи входящихъ бумагъ, надпискахъ на конвертахъ, отправляемыхъ изъ палаты, и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и при полученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвое обременительной. Для ума же никакой пищи».

Какую нищету терпѣлъ онъ во все время пребыванія въ Перми, мы можемъ судить по слѣдующему, относящемуся къ тому времени, бюджету его: «за квартиру 1 р. 50 к. На говядину, 30 ф. по 3 к. за фунтъ,—90 коп. Хлѣба на 60 коп. и молока на 60».—«Буду жить,—замѣчаетъ онъ,—какъ Богъ велѣлъ». Терпя такую нужду, Рѣшетниковъ переживалъ въ то же время свою первую любовь къ той дѣвушкѣ, о которой мы выше говорили. Любовь эта, конечно, была несчастна. Дѣвушка нашла жениха болѣе обезпеченнаго, и Рѣшетникову осталось погрузиться всецѣло въ литературный трудъ, что онъ и не замедлилъ сдѣлать. Въ Перми у него нашлось нѣсколько судей его литературныхъ трудовъ и совѣтчиковъ: какой-то сослуживецъ Т. и редакторъ губернскихъ вѣдомостей П., которые все болѣе и болѣе направляли его на тотъ путь, на который онъ выступилъ въ своихъ *Подлиповцахъ*. Такъ, въ это время онъ написалъ разсказъ изъ заводской жизни, подъ заглавіемъ *Скрипачъ*, и драму *Раскольникъ*. Правда, драма эта была написана еще стихами, и въ ней являлись еще слѣды монастырскаго мистицизма, но здѣсь вы встрѣчаете массу типовъ недовольныхъ людей изъ простонародья и рабочаго класса; заводскіе нравы, которымъ отдано въ драмѣ двѣ трети мѣста, изображены ярко, правдиво. Въ побужденіяхъ, руководящихъ этимъ народомъ въ побѣгахъ съ завода въ лѣсъ къ раскольнику,—все реально, безъ малѣйшей примѣси чего-нибудь изъ области сверхъестественнаго; словомъ, Рѣшетниковъ впервые является здѣсь тѣмъ, что онъ есть.

Послѣ неудачи въ любви пусто и одиноко стало Рѣшетникову въ Перми, и онъ началъ помышлять о Петербургѣ. Въ переселеніи въ столицу большое содѣйствіе оказалъ ему пріѣхавшій въ Пермь ревизоръ, у

котораго онъ занимался на дому перепискою бумагъ. Ревизоръ полюбилъ его и, цѣня какъ хорошаго писца и способнаго чиновника, общалъ пере- вести въ Петербургъ, что и исполнилъ въ слѣдующемъ году. Весною 1863 года Рѣшетниковъ получилъ письмо отъ своего благодѣтеля съ разрѣшеніемъ ѣхать и общаніемъ мѣста. и въ началѣ августа 1863 года онъ былъ уже въ Петербургѣ.

III.

Въ Петербургѣ въ свою очередь Рѣшетникову долго пришлось мыкать горе. Хотя по протекціи ревизора онъ и получилъ занятія въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ, но жалованья ему пришлось получать всего 9 рублей. Жилъ онъ въ каморкѣ рядомъ съ кабакомъ и, чтобы какъ-нибудь сводить концы съ концами, сталъ писать небольшіе очерки въ *Сѣверную Пчелу*. Платили ему за нихъ мало и неаккуратно. Одинъ изъ сослуживцевъ, братъ литератора и потому нѣсколько знакомый съ литературнымъ дѣломъ, надоумилъ его свести только-что написанныхъ *Подлиповцевъ* въ редакцію *Современника*. Рѣшетниковъ такъ и сдѣлалъ, присоединивъ къ рукописи письмо къ Некрасову, въ которомъ между прочимъ писалъ:

„Такихъ людей, какъ подлиповцы, въ настоящее время еще очень много не только въ Чердынскомъ уѣздѣ. Пермской губ., мѣстности самой глухой и дикой, но и въ смежной съ нею—Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этихъ бѣдняковъ, потому что я 20 лѣтъ провелъ на берегу рѣки Камы, по которой весной мимо Перми плывутъ тысячи барокъ и десятки тысячъ бурлаковъ,—я задумалъ писать бурлацкую жизнь съ цѣлью хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ. Я не думаю, чтобы цензура наша что-нибудь въ этомъ очеркѣ невозможное для пропуска. По моему, написать все это иначе значить говорить противъ совѣсти, написать ложь... Наша литература должна говорить правду... Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мной очерчивался образъ Пилы во время его мученій“.

Напечатанные въ №№ 3 и 4 *Современника* за 1864 годъ *Подлиповцы* сразу обратили на себя вниманіе публики и открыли молодому писателю доступъ во всѣ редакціи. Читатели *Современника* съ пожирающимъ интересомъ прочитали этотъ неуклюжій, тяжелый по формѣ рассказъ, написанный дубовымъ, топорнымъ языкомъ, состоящимъ сплошь изъ коротенькихъ, обрывистыхъ фразъ. Ужасомъ преисполнились сердца всѣхъ народолюбцевъ при видѣ поразительныхъ картинъ нищеты подлиповцевъ, ихъ упорной борьбы съ голодною смертью и невыносимыхъ страданій. Никто не воображалъ, что въ нѣдрахъ богоспасаемой Россіи могли существовать дикари, подобно неграмъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ обращенные во вьючный скотъ. Между тѣмъ рассказъ подкупалъ своею правдивостью. Передъ читателями былъ не опытный, хитроумный художникъ, которому ничего не стоитъ и присочинить ради эффекта, а безыскусственный самоучка, едва справляющійся съ литературными формами и языкомъ, пишущій лишь для того, чтобы объявить всенародно, какъ страдаютъ подлиповцы, и помочь имъ этимъ кличемъ. И дѣйствительно, вышло нѣчто въ русской литературѣ небывалое: не повѣсть, не рассказъ, къ какимъ публика привыкла, а въ полномъ смыслѣ протоколъ. Хотя и слышались въ каждой строкѣ тѣ затаенныя слезы, о которыхъ писалъ Рѣшетниковъ Некрасову, тѣмъ не менѣе авторъ ни малѣйшаго усилія